

Актуальные проблемы реализации социального, профессионального и личностного ресурсов человека

Материалы
VI Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием,
посвященной 15-летию кафедры социальной работы, психологии и
педагогике высшего образования
Факультета управления и психологии КубГУ
Краснодар,
31 мая 2018 года

Краснодар
2018

УДК 159.923+316.62

ББК 88.5

А 43

Редакционная коллегия:

М. Б. Астапов, М. Г. Барышев, А. М. Ждановский, Л. М. Чепелева,
Е. А. Андриянова, В. П. Бедерханова, П. Б. Бондарев,
М. В. Верстова, Л. Г. Дикая, Е. П. Ермолаева, Е. М. Иванова,
Р. В. Кадыров, А. Н. Кимберг, Л. Н. Ожигова, А. А. Остапенко,
Н. А. Рябченко, Л. В. Спирина, Е. В. Улько, Т. А. Хагуров,
Е. Ю. Шлюбуль, В. М. Чижова, Л. А. Эртель, Б. А. Ясько

Ответственный редактор:

Е. В. Харитонова

А 43 Актуальные проблемы реализации социального, профессионального и личностного ресурсов человека. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 15-летию кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Факультета управления и психологии КубГУ / под ред. Е. В. Харитоновой. – Краснодар: КубГУ, Парабеллум, 2018. – 207 с. 100 экз.

ISBN 978-5-6040295-5-8

Предлагаемое издание содержит тексты докладов участников VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы реализации социального, профессионального и личностного ресурсов человека».

Адресуется психологам, педагогам, философам, работникам социальной сферы, а также всем исследователям, интересующимся проблемами реализации ресурсов личности.

© ФГБОУ ВО «КубГУ», 2018

ISBN 978-5-6040295-5-8 © Издательство «Парабеллум», 2018

ВВЕДЕНИЕ

Актуальным проблемам реализации социального, профессионального и личностного ресурсов человека была посвящена VI Всероссийская научно-практическая конференция, состоявшаяся 31 мая 2018 г. в ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар).

Конференция привлекла внимание специалистов разных направлений из г. Цзинань (Китай, провинция Шаньдун), Донецка (Донецкая народная республика), Волгограда, Ижевска, Краснодара, Москвы, Ростова-на-Дону, Саратова, Челябинска, Энгельса.

В рамках конференции обсуждались вопросы по следующим направлениям.

1. Методологические и теоретические проблемы реализации ресурсов человека.

2. Онтогенетические аспекты реализации ресурсов личности.

3. Социальные и психологические аспекты реализации ресурсов личности в трудных жизненных ситуациях.

4. Реализация ресурсов личности в современном образовательном пространстве.

5. Социальные и психологические аспекты реализации ресурсов личности в организации.

6. Норма и патология реализации социального, профессионального и личностного ресурсов человека.

7. Социальные проблемы реализации ресурсов различных групп населения.

Выраженный интерес психологов, педагогов, врачей, а также работников социальной сферы к заявленным в конференции направлениям свидетельствует об актуальности рассматриваемых проблем реализации ресурсов человека, а также о потребности в регулярных междисциплинарных контактах представителей различных регионов России.

Оргкомитет конференции, Факультет психологии и управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодарская краевая общественная организация молодежных лидеров и предпринимателей «Молодежная палата Кубани»

благодарят всех, принявших участие в обсуждении актуальных проблем, отраженных в конференции.

В настоящем издании представлены тексты докладов, подготовленных участниками конференции. Тексты даются в авторской редакции.

ДИСКРИМИНАЦИЯ: ПОНЯТИЕ, ТРАКТОВКИ, ТИПОЛОГИЯ

А. Г. Агабабян, О. А. Гомцян (Краснодар)

Достаточно часто в современном мире, особенно в результате событий, произошедших в XX в., видно, как этнокультурная (этническая) идентичность или национальное самосознание попадает в спектр общественного внимания в связи с конфликтными явлениями. Такие ситуации, зачастую, принято сопоставлять или объяснять через понятие дискриминации (расовой, конфессиональной, половозрастной, гендерной и т.д.). Международные документы, призванные регулировать эту проблему в правовом поле, такие, как «Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации», характеризуют дискриминацию (в этом случае – расовую) как «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни [1]. Однако наряду с общим терминологическим обозначением, дискриминация как явление, имеет свои содержательные показатели, которые раскрываются на базе общемирового опыта, приобретенного человеческим сообществом за разные периоды его существования.

Очень ярко и резонно в этом плане звучит работа британского социолога Майкла Манна «Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток» [2]. Подробно разбирая и анализируя самые разные, в том числе и трагические случаи дискриминации в мире (от этнических чисток древности и средневековья до Геноцида армян, Холокоста евреев и современных случаев в бывшей Югославии, Руанде, Индии и Индонезия) через понятие «чистка», исследователь представляет поэтапный механизм возникновения и развития тех или иных форм конфликтов. М. Манн считает, что «этнические чистки» есть одни

из главных проблем современности. Чаще всего, именно они являются основной причиной насильственной смерти народов. Данное явление связано, с одной стороны, с ростом национализма в мире, с другой – является следствием развития демократического строя. Автор считает, что «враждебность на этнической почве возникает там, где этническая принадлежность вытесняет классовую в качестве основной формы социальной стратификации. При этом чувства, близкие к классовой ненависти, направляются в русло этнического национализма» [2].

И если в случае с приведенным выше определением дискриминации мы видим её ёмкое, широкое значение, то в классификации М. Манна она занимает особое место в связи с теми процессами, которые порождается. Для наиболее точного понимания этого понятия в узком смысле следует обратиться к представленной им таблице «Типы насилия и чисток в межгрупповых отношениях» [2]. Всего американский социолог выделяет шесть типов насилия, каждому из которых свойственны свои отличительные признаки. Так, наименее опасной и более идеальной, если так можно выразиться, (но, как оговаривается автор, идеального мира в отношении регулирования межнациональных отношений, к сожалению, так и не существует) считается первый тип, где насилие, как таковое, отсутствует или же замаскировано позитивной дискриминацией. В полиэтнических сообществах (к примеру, США и Австралия) данного типа господствует мультикультурализм, т.е. равенство или уважение ко всем группам, и это позволяет игнорировать этничность на политическом уровне, так как жители в таких образованиях стремятся к созданию плюралистической культуры. Если же некоторые сообщества хотят заявить о себе в политическом смысле, то это осуществляется через конфедерацию (этнические группы контролируют отдельные регионы) или консоциацию (разделение центральной власти). Худшим, но допустимым развитием действий в рамках первого типа может стать ситуация, когда этнические группы в таком сообществе частично теряют свою идентичность на добровольных началах (переход на государственный язык или язык «большинства», «забывание» обычаев и традиций и т.д.). Такая тактика действий в тотальном смысле является добровольной ассимиляцией.

Второй тип насилия М. Манн называет самым «мягким» и именуется институциональным принуждением. Именно в этом типе понятие «дискриминация» занимает центральное место, которое определяется как ограничение прав «чужаков», но позволение им сохранить этническую идентичность [2]. В этой шкале она градируется от простых форм (предпочтения при приеме на работу, отрицательные культурные стереотипы, притеснения со стороны полиции и т.д.) до тяжелых (ограничения некоторых прав и свобод, таких как: права на образование, участие в выборах, занятие должностей, насильственное принуждение к смене языка, сегрегация как чистка на географической основе). Когда механизм описанного отношения к «чужакам» усиливается, то происходит переход к подавлению культуры как радикальный шаг, производимый через институциональное принуждение (эмиграция ирландцев, полный переход валлийцев под британскую идентичность англичан).

Третий и последующие типы свидетельствуют о случаях насилия, где на арене появляется физическая угроза. Подавление с помощью государственного аппарата принуждения может быть выборочным (направлено против протестующих с применением репрессий). Далее может выражаться в частичном подавлении языка и культуры «чужаков» или их переселении. В самой жесткой форме сопровождается полным подавлением перечисленных характеристик и учинением обмена населением или даже депортацией/эмиграцией, контролируемой государственным аппаратом. Так обстояли дела с армянами и азербайджанцами в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда первые принудительно выселялись из Нахичеванской АССР в Армению, а вторые вынуждены были покинуть компактные поселения в Армении и ехать в Азербайджан. Подавление, сопровождающееся насилием (четвертый тип), генерализованное и осуществляется с помощью государственного аппарата принуждения: это значит, что официальные кровавые наказания бунтовщиков из группы должны заставить основную ее часть покориться под угрозой массового применения физической силы. Когда ситуация становится менее контролируемой, эскалация конфликта вырождается в погромы, беспорядки и изнасилования, происходит стравливание по отношению к «чужим», и демонстрируемая агрессия служит

сигналом для осуществления насильственного переселения – депортации (чаще всего подвергались евреи, армяне и китайцы) [2]. Следующей ступенью эскалации служат «дикие» депортации (используются жестокие средства, чтобы добиться бегства людей) и биологические меры (стерилизация, насильственные браки, изнасилования).

Пятый и шестой тип в некоторых стадиях становятся сопредельными и главный параметр, который их объединяет – высокая вероятность кровавых этнических чисток, в результате которых члены «чужого» сообщества подвергаются смерти. Пятый тип – массовая гибель людей без намерения их убивать – считается войной «по ошибке», когда навязывание тех или иных условий этническим группам для них неприемлемы, сюда же включают такие события, как гражданские войны, революции и братоубийственные войны, что позже достигает этноцида (ненамеренное уничтожение целой группы и ее культуры). Особенно ярко это проявляется в случае колонизации новых территорий, где аборигенное население загоняется в условия, которые не позволяют им жить, хотя первоначально они не были направлены на убийство группы. И, наконец, шестой тип – запланированные массовые убийства, где не гнушаются воспользоваться показательным подавлением (истребления людей во время гражданских войн или карательные меры), которое на сегодняшний день преследуется международным законом, как военные преступления или преступления против человечества. Частичными чистками в этом типе выступают насильственная смена религии, политцид (ликвидация руководства/руководящего класса преследуемой группы), классицид (массовое намеренное убийство целых классов, термин вводит лично М. Манн), а тотальными – геноцид (физическая и культурная чистка).

Таким образом, мы видим, что понятие «дискриминация» в самом широком и узком смыслах, так или иначе, говорит о притеснении этнокультурных (этнических) групп и возможной угрозе для их существования. В современном мире с учетом глобальных процессов, постоянных конфликтов и смен политических режимов, тактики и стратегии ее проявления могут варьироваться. Наблюдаемая неоднородность процессов позволяет градировать само понятие «дискриминации», позволяя говорить,

как минимум о двух ее разновидностях – позитивной и деструктивной, каждая из которых проявляется в той или иной группе или сообществе.

Библиографический список

1. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 21 декабря 1965 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 11.03.2018).

2. Манн М. Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток / М. Манн; пер. с англ. Д. и М. Сливняк, В. Туза. М.: Пятый Рим, 2016.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Е. Ю. Аронова, Е. В. Мягкова (Краснодар)

В системе дошкольного образования активно осуществляется переход от репродуктивной модели взаимодействия с ребенком, основанной на воспроизводстве имеющихся в культуре социальных образцов знаний, к продуктивной, развивающей модели педагогических взаимодействий. Многообразие, глубина и способность оперировать социальными и культурными значениями определяется как основной критерий в оценке уровня познавательного, личностного развития ребенка. Но при этом возникает ситуация, при которой реальное познание мира замещается искусственным, «выхолощенным» знанием, информацией о его объектах и их содержании, во взаимодействие с которым воспитатель предлагает вступить ребенку: «Давай представим», «Давайте поиграем», «Сейчас я с вами...». При этом, соглашаясь и уступая желанию взрослого, ребенок подчиняется исходящей «сверху» директиве и участвует в построении этих искусственных образовательных реальностей: представляет, воображает и делает...

Очевидно, что, обладая незначительным жизненным опытом, ограниченным знанием, дошкольник нуждается в первичных культурных эталонах и образцах, обеспечивающих ему социальную ориентацию и развитие. Поэтому вывод прост: необходимо организовать усвоение этих социальных и культурных эталонов адаптированными в соответствии с возрастом способами (игрой, сказками и т. п.). При этом остается открытым вопрос педагогической организации такого рода познания, так как, очевидно, что значимым и важным любая личность определяет для себя те области взаимодействия с миром, которые, с одной стороны, потенциально или актуально могут служить удовлетворению её потребностей, с другой, обеспечивают расширение пространства взаимодействия с окружающим внешним миром. Идеально, когда происходит совпадение педагогических задач с актуальными жизненными потребностями и задачами личностного саморазвития.

Ребенок черпает и строит свой социальный опыт в мире самосоздаемом, который исходит, прежде всего, из его потребностей и желаний активного освоения, «переживания» реальности, нескованной искусственностью педагогической ситуации. Даже играя, он оперирует теми моделями и действиями, которые он воспринимает и определяет как «актуальные для себя». Воспитатель зачастую игнорирует этот принцип «самоактуальности» в познании мира и пытается через внешнее обоснование включить ребенка в решаемые им педагогические задачи. Поэтому, возможно, педагогически наивно полагать, что если в начале занятия, звучит: «Сейчас мы отправимся в далекое путешествие», все дети сразу же включатся в это воображаемое действие. Быстрее всего «отправятся в путешествие» именно те дошкольники, которым это путешествие на данный момент действительно желаемо, значимо и необходимо.

Поэтому актуален вопрос разработки методов включения, ведения ребенка в педагогическом взаимодействии, построение отношений с ним на действительно субъектно-субъектных основаниях, предполагающих равенство, диалог и партнерство.

На наш взгляд, такая педагогическая задача может решаться в оказании помощи ребенку в построении ценностно-смысловых связей «Я – Мир». Имеющийся небольшой жизненный опыт

ребенка может служить основанием, той, ценностной «определенностью» (Б.С. Алишев), которая имеет для него действительное значение, именно это содержание может стать первичным педагогическим пространством, включающим ребенка во взаимодействие вне принуждения. В этом случае, сам процесс «включения» ребенка происходит как поиск общих культурных и ценностных оснований, «значимых определенностей».

Но, с другой стороны, «определенность» статична, требует динамики, развития, которую изменяет погружение этой ситуации в «поле проблемы». Именно неожиданно возникшая проблема, как моделируемая педагогическая ситуация, дает другой разворот к ранее созданной определенности, инициирует к поиску нового ценностного значения – смысла. Совместное обсуждение знания или способа действий как характеристики определенного социально-культурного объекта неожиданно изменяется внесением новой его характеристики или способа его рассмотрения, что меняет отношение к нему, создает проблему, как возникшую «неопределенность». Например, часто занятия по «Окружающему миру» статично привязаны к описанию признаков того или иного времени года: «птицы улетают», «цветы распускаются». Но, к примеру, если воспитатель интересуется, что сегодня дети увидели утром по дороге в детский сад, в процессе обсуждения утренних впечатлений задается проблемный вопрос, обеспечивающий не просто возможность ответного реагирования, но и проблемно-диалоговое поле культурно-смыслового развития ребенка: «Так значит, ворон видели, снегирей видели, а какие птицы вам не встретились? Почему? Может они спят, как медведи зимой? И т.д. Если на предыдущем этапе важен искренний интерес педагога к одному из моментов жизни ребенка, то на данном этапе важно воспроизвести педагогическую ситуацию несоответствия (неопределенности) к предыдущей ситуации, имевшую конкретику и определенность. Очень важно уйти от описательных к деятельностным характеристикам педагогического взаимодействия, так как именно то, что сделано и пережито самим ребенком становится основой его культуры и опыта. основополагающий принцип в педагогической организации: чем больше делает ребенок сам, тем больше в этом «полезности» для развития дошкольника. Нарисовать, спеть прощальную песню

скворушки, придумать рассказ одинокой вороны или наоборот заботливой вороны-мамы – все это творческие средства освоения мира, которые становятся для ребенка не просто отвлеченными характеристиками реальности окружающего. За счет привнесения новых смысловых определений и переживаний они становятся частью его субъективной реальности, новым, пережитым опытом, который необходимо практически закрепить, поддержать его жизненную полезность и значимость, то есть опять превратить в личностную «определенность», но уже с новым жизненным содержанием. В этом случае возникает не просто знание о времени года или о птицах, а формируется ценностное отношение к этим явлениям мира, которые ребенку понятны, важны и осмыслены.

Важно, чтобы занятие несло в себе драматургическую неоконченность, было открыто, так как принципиально важным остается его связь с непосредственно жизненной практикой ребенка в семье, в группе, с другой стороны, это свойство занятий готовит содержательное и мотивационное основание к другим встречам с дошкольниками.

Таким образом, организованное занятие, основанное на построении ценностно-смыслового контекста взаимодействия, позволяет помочь ребенку не только расширить границы понимания социального мира, но и субъективировать его, осознать его личностную значимость.

Библиографический список

1. Абульханова К. А. Идеальность или реальность субъекта // Субъект и личность в психологии саморегуляции: сборник научных трудов. М.; Ставрополь, 2007.
2. Мильчарек Т. П. Субъективность как феномен межсубъектного взаимодействия: дис... канд. филос. наук. Омск, 2006.

ДОВЕРИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ПЕДАГОГОМ В ОЦЕНКЕ СТУДЕНТОВ

Е. Ю. Аронова, Н. В. Парахневич (Краснодар)

Доверие по праву можно считать ключевым моментом образовательного взаимодействия, качество которого способствует повышению эффективности педагогической деятельности и достижению образовательных целей.

Доверительные отношения обеспечивают формирование творческого, психологически гармоничного климата в учебной группе, оказывают в целом положительное влияние на образовательный процесс. Анализ проблемы формирования доверительных отношений во взаимодействии педагога и студента показывает, что существуют различные подходы к пониманию сущности категории доверие. С позиции аксиологии Л.В. Жаров, В.П. Кохановский и В.П. Яковлев относят категорию «доверие» к базовым ценностям, близким к таким ценностям, как «безопасность» и «свобода» [2]. Л.И. Божович, М.И. Лисина и В.С. Мухина определяют доверие как чувственное проявление, то есть как высшую форму эмоционального отношения человека к предметам и явлениям окружающей действительности, в которой отражены потребностно-мотивационные характеристики сознания личности [1].

Наиболее глубоко категория «доверие» изучена в исследованиях Т.П. Скрипкиной[3]. Исследователь рассматривает доверие как системный внутренний психологический механизм, самостоятельный вид психологической установки по отношению к миру и к себе, проявляемого в соотношении меры доверия к себе и меры доверия к миру. Доверие выступает как своего рода средство психической гармонизации образовательных отношений. Можно говорить, что в образовательном взаимодействии доверие возникает на ценностно-смысловом уровне образовательных отношений и характеризуется положительным эмоциональным принятием личностных, поведенческих качеств другой личности.

С целью определения основных психолого-педагогических факторов, влияющих на возникновение доверие между педагогом и студентом, авторами было проведено изучение студентов ВУЗа с

использованием методики для изучения доверия и недоверия личности другим людям (А.Б. Купрейченко), адаптированной под изучение факторов возникновения доверия в образовательном взаимодействии. В исследовании приняло участие 40 студентов первого курса факультета среднего профессионального образования в возрасте от 17 до 19 лет.

Результаты проведенного опроса позволили выделить следующие психолого-педагогические факторы, влияющие на возникновение доверия (недоверия) в образовательном взаимодействии с преподавателем. Для большинства респондентов (76%) фактором возникновения доверия к преподавателю выступает его профессиональные качества. Наиболее значимыми были выделены: организованность преподавателя, умение точно и правильно ставить вопросы, личностная увлеченность преподаваемой дисциплиной. В целом, высокий профессионализм, личностная заинтересованность в эффективном образовательном взаимодействии являются мощным источником возникновения доверия со стороны студентов.

В результате изучения выявлены значительные различия в возникновении доверия у девушек и юношей. Так, практически все девушки (91%) основным фактором вызывающим доверие к педагогу отметили эмоциональные свойства и характер профессионального поведения преподавателя. Наиболее значимыми являются для девушек: внимательность педагога к психологическому состоянию студента, улыбчивость. Также большое значение для возникновения доверия у студентов девушек имеет коммуникативные характеристики образовательного взаимодействия, особенно понятное, эмоционально насыщенное, доступное изложение материала.

Напротив, юноши (76%) основным фактором определяют способности педагога продуктивно организовать педагогический процесс, уровень его профессионального авторитета. Интересным является факт, что наименее важным фактором для формирования доверительных отношений, отмечено самообладание преподавателя (47%), помощь в неформальных ситуациях (35%). Низкие ожидания респондентов по этим критериям, могут свидетельствовать о том, что в образовательном взаимодействии со студентами преобладают формальные характеристики.

Возникновению доверительных отношений способствуют как профессиональные, так и личностные качества преподавателя. Психологические особенности студентов также влияют на возникновение доверительных межличностных отношений.

Анализ факторов, вызывающих недоверие к педагогу, показал, что оскорбления со стороны педагога является самой негативной характеристикой, вызывающей недоверие, которую отметили 82 % опрошенных. Юноши (76%) и девушки (95%) фактором недоверия к педагогу отмечают грубость и непостоянство требований педагога, а так же конфликтность (91%) и агрессивность (82%), формальное отношение к студентам (57%) Наименее значимыми в отношении факторов недоверия являются болтливость (18%), опоздания на занятия (38%), излишняя эмоциональность (30%).

Таким образом, доверие в образовательном взаимодействии определено множеством психолого-педагогических свойств респондентов, отражающих гендерные, смысловые особенности участников образовательного взаимодействия.

Библиографический список

1. Божович Л. И. Проблемы формирования личности: Избр. психол. тр. / под ред. Д. И. Фельдштейна. М.; Воронеж, 2001.
2. Кохановский В. П., Жаров Л. В., Яковлев В. П. Философия Конспект лекций. Ростов н/Д, 2008.
3. Скрипкина Т. П. Психология доверия: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М., 2000.

ВЫГОРАНИЕ ПРИ САХАРНОМ ДИАБЕТЕ КАК ФАКТОР, СНИЖАЮЩИЙ РЕСУРС УПРАВЛЕНИЯ ЗАБОЛЕВАНИЕМ У ПАЦИЕНТОВ

Ю. П. Варавкина (Волгоград)

Выгорание при сахарном диабете на сегодняшний день не является широко обсуждаемым феноменом. Термин упоминается в зарубежных источниках, обсуждается некоторыми российскими эндокринологами (например, Е.М. Патракеева, Н.С. Новоселова, А.Г. Залевская, И.Г. Рыбкина), встречается в научно-популярных

подборках информации, предназначенной для пациентов [1]. Между тем, наличие синдрома выгорания является препятствием для достижения комплаенса и рекомендованных показателей компенсации сахарного диабета I типа у пациентов. Выгорание при сахарном диабете снижает ресурс человека с этим заболеванием для успешного самоконтроля диабета и в итоге влияет на развитие хронических осложнений.

Диабет-выгорание описывается как состояние, в котором человек устает от рутины управления диабетом, а затем начинает игнорировать его в течение долгого периода времени, и/или намеренно отказывается от контроля до наступления критических последствий для организма. Общие признаки выгорания у пациентов с сахарным диабетом описываются следующим образом:

- ощущение себя побежденным и перегруженным заболеванием;
- чувство злости по отношению к заболеванию, разочарование от режима терапии и/или другие сильные негативные ощущения относительно диабета;
- ощущение, что заболевание контролирует их жизнь;
- беспокойство, что они не в состоянии заботиться о своем диабете должным образом, отсутствие мотивации и желания к переменам в образе жизни;
- избегание всех или некоторых связанных с диабетом задач, что приводит к неблагоприятным последствиям и ухудшению контроля;
- чувство одиночества и изоляции [2, с. 49].

В повседневной жизни человека с диабетом эти симптомы могут обретать следующие формы, разрушительные для здоровья и имеющие последствия для лечения заболевания:

- сокрытие от врачей и близких реальных показателей уровня сахара в крови, чтобы не вызвать осуждение и огорчение;
- неконтролируемые приемы пищи без учета возможных последствий для уровня сахара в крови;
- подколки инсулина в количестве, ровно необходимом, чтобы не попасть в больницу;

- намеренное поддержание уровня сахара в крови на повышенных показателях, так как низкий уровень сахара приводит к излишнему стрессу;

- отсутствие какого-либо желания подсчета углеводов и подкалывание инсулина «на глаз», потому что необходимость постоянно следить за деталями утомляет из-за своей рутинности и кажущейся бессмысленности и безрезультатности;

- отказ от практики здорового питания, намеренное потребленное «вредной» высокоуглеводной еды как протест и отказ от любых усилий по улучшению состояния организма.

Наличие эмоционального выгорания от диабета не означает, что пациент не обращается за консультацией к эндокринологу, однако при наличии в поведении пациента симптомов выгорания, консультация должна учитывать этот фактор при сообщении рекомендаций по самоконтролю. Коммуникативный процесс эндокринологов, работающих с пациентами в первичном звене медицинской помощи, включает в себя опрос о состоянии здоровья, наличии жалоб, направление на диагностические мероприятия, выписку лекарственных препаратов, обсуждение результатов обследования, коррекцию доз препаратов и другие рекомендации по образу жизни с диабетом. Формы способов обсуждения этих вопросов могут быть различными. Одной из непродуктивных коммуникативных стратегий является запугивание пациента осложнениями, которые возникнут, если не достигать компенсации сахарного диабета и его осуждение. Такие рекомендации предъявляются в форме «Вы же знаете, что вам нельзя!», «Вы хотите лишиться зрения» и др. Считается, что пациент, осведомленный о самоконтроле и знающий, что он должен делать для компенсации диабета, заинтересован в избегании осложнений СД и будет четко следовать рекомендациям, однако при наличии выгорания мотивация к действиям снижается. Подобные высказывания усиливают демотивацию пациента, увеличивают чувство вины и злость в отношении диабета. Не самым лучшим вариантом является констатация факта наличия осложнения без оценочного комментария. Пациент, узнающий о прогрессировании осложнений, нуждается в поддержке и рекомендациях по улучшению ситуации, т.к. это может стать стимулом для

изменения стратегии самоконтроля. Важно стимулировать и поддерживать уверенность пациента в том, что он может добиться успеха в контроле заболевания. В ситуации взаимодействия врача и пациента важным становится понимание различий видения целей лечения у участников диалога. Как подчеркивают в своей публикации Е.М. Патракеева, Н.С. Новоселова, А.Г. Залевская, И.Г. Рыбкина, врач видит цели лечения СД1 как сохранение здоровья в долгосрочной перспективе, профилактику хронических осложнений и долголетие пациента [2; с. 54], пациент же формулирует свои цели в приближении к повседневной активности – он хочет хорошо себя чувствовать, не испытывать серьезных ограничений в образе жизни, и, в конечном итоге, делать то, что делают другие представители его возрастной и социальной группы. Сближение фокусов видения целей контроля диабета может влиять на продуктивность взаимодействия врача и пациента.

Не игнорируя тенденции оптимизации, реализующиеся в современном здравоохранении, отметим, что рекомендация учитывать эмоциональное выгорание у пациентов с диабетом не добавляет к работе врача дополнительных функций. Это важный момент, делающий консультацию более эффективной и действенной, поскольку эффективная стратегия может обойти барьеры, возникающие в коммуникации с пациентом с диабет-выгоранием и улучшить ресурсы пациента в самоконтроле заболевания.

Библиографический список

1. Вьейра Дж. Синдром выгорания у диабетиков. Причины возникновения и способы преодоления [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.medtronic-diabetes.ru/blog/post/sindrom-vygorania-u-diabetikov-priciny-vozniknovenia-i-sposoby-preodolenia> (дата обращения: 20.05.2018).

2. Патракеева Е. М., Новоселова Н. С., Залевская А. Г., Рыбкина И. Г. Психологические и социальные особенности молодых пациентов с сахарным диабетом 1-го типа. Взгляд практикующего эндокринолога // Сахарный диабет. 2015. № 1.

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ СКЛОННОСТИ К РИСКУ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

А. Х. Варагян, А. А. Харитонов, Е. В. Харитонова (Краснодар)

В современном мире практически все задачи, которые решает человек в повседневной жизни имеют рискованный характер. Риск – неотделимая черта активности человека. В определенной степени риск свойственен любому виду деятельности (в особенности творческой), более того, часто необходим для выживания. Помимо этого, принятые решения приобретают рискованный характер в силу дальнейшей неопределенности их последствий.

Систематическое научное изучение феномена риска относится ко второй половине двадцатого века, когда началось формирование представлений о вероятностном характере природных и общественных тенденций, стал вырабатываться соответствующий решению действительных нужд математический аппарат, стали накапливаться статистические данные.

Исследование риска оказалось, по мнению многих ученых, актуальной темой, так как существует масса рисков, учесть которые очень сложно. В связи с этим проводятся исследования и появляются диссертации на тему того, являются ли пластические операции риском для женщин (например, риск не узнать себя после операции или не принять новое лицо); рассуждения, является ли брак с успешной женщиной риском или удачей для мужчины; ученые выделяют факторы риска при выборе сексуального партнера [1–3].

На данный момент проблемой изучения и предотвращения рискованных ситуаций занимается ряд научных учреждений: Международный институт исследования риска (где занимаются решением таких проблем как анализ рисков, создание систем управления рисками, подготовка риск-менеджеров и др.); Институт проблем риска; Научный центр изучения рисков «РИЗИКОН».

Изучение риска в психологии, например, его влияние на поведение людей в различных ситуациях неопределенности и, наоборот, влияние личностных особенностей на склонность к риску, сейчас достаточно актуально и вызывает выраженный интерес в разных научных областях.

В рамках нашего исследования мы предположили, что ряд личностных характеристик могут выступать в качестве предикторов склонности к риску.

Исследование проводилось на базе одного из вузов г. Краснодара. В качестве респондентов выступили студенты 1–3 курсов очной формы обучения факультета среднего профессионального образования в возрасте от 15 до 17 лет. Общее количество респондентов 50 человек, из них 11 юношей и 39 девушек. В качестве методики исследования выступили: 14-факторный опросник Р.Б. Кеттелла (для подростков); личностный опросник Г. Айзенка; психофизиологический тест на определение склонности к риску с помощью активациометра АЦ-9К [4, 5]; в качестве методов математической статистики: описательная статистика, оценка однородности дисперсии с помощью критерия Ливиня, параметрический метод сравнения двух независимых выборок с использованием t-критерия Стьюдента, корреляционный анализ с использованием r-коэффициента Пирсона, множественный регрессионный анализ, факторный анализ по методу главных компонент с варимакс-вращением.

В целом полученные результаты можно представить в виде следующих положений.

Склонность к риску у юношей соответствует уровню ниже среднего, у девушек показатель склонности к риску находится на высоком уровне. Максимальный и минимальный вариационный размах и у юношей и у девушек соответствует очень высокому уровню. Для юношей по сравнению с девушками характерны более низкие показатели склонности к риску и минимума вариационного размаха склонности к риску.

Анализ индивидуально-психологических особенностей показал, что:

- для группы юношей характерны высокие показатели по факторам лжи и чувствительности (В и I), показатели ниже нормы факторов беспечности, моральной нормативности, смелости, неврастении, предприимчивости, энергичности, самостоятельности, самоконтроля и напряженности (F, G, H, J, Q2, Q3 и Q4) на фоне средне-нормативных значений факторов А, С, D, Е и О;

- для группы девушек характерны высокие показатели по факторам лжи и чувствительности (В и I); показатели ниже нормы у факторов неврастения, самоуверенности, самостоятельности, самоконтроля и напряженности (J, O, Q2, Q3, Q4), на фоне средне-нормативных значений факторов А, С, D, Е, F, G и H;

- для юношей по сравнению с девушками характерны более низкие показатели фактора I (реализма – сензитивности).

Экстраверсия/интроверсия и нейротизм респондентов соответствует среднему уровню. Для юношей по сравнению с девушками характерны более высокие показатели лжи.

На фоне отсутствия в выборке юношей влияния типологических характеристик на склонность к риску у девушек выявлено отрицательное влияние экстраверсии на склонность к риску.

Выявлено положительное влияние степени принятия юношами моральных норм (G) на верхние границы вариационного размаха склонности к риску. У девушек доминантность (Е) и возбудимость (D) положительно влияют на максимальный вариационный размах, общительность (А) отрицательно влияет на минимальный вариационный размах.

На основе факторного анализа взаимообусловленности индивидуально-психологических особенностей на склонности личности к риску в выборке юношей было выделено пять факторов (86,6% объясняемой дисперсии):

- на уровне первого фактора (32,9 % дисперсии) выявлена лишь взаимообусловленность личностных характеристик по Кеттеллу;

- на уровне второго фактора «Склонность к риску, усиливающая легкомысленность» (21,3% дисперсии) факторообразующей переменной выступает минимальный вариационный размах склонности к риску;

- на уровне третьего фактора (16,2% дисперсии) выявлена взаимообусловленность личностных характеристик;

- на уровне четвертого фактора «Внутренне напряжение, снижающее максимальный вариационный размах склонности к риску» (8,7% дисперсии) факторообразующей переменной выступает фактор Q4 (степень внутреннего напряжения);

- на уровне пятого фактора «Пассивность, повышающая максимальный вариационный размах склонности к риску» (7,4%

дисперсии) факторообразующей переменной выступает фактор Е (пассивность – доминантность).

На основе факторного анализа взаимообусловленности индивидуально-психологических особенностей на склонности личности к риску в выборке девушек было выделено шесть факторов (77,9% дисперсии):

- на уровне первого фактора «Самоуверенность, усиливающая склонность к риску» (25,4 % дисперсии) факторообразующей переменной выступает фактор О (самоуверенность – склонность к чувству вины);

- на уровне второго фактора «Склонность к риску, усиливающая степень принятия моральных норм» (16,1 % дисперсии) факторообразующей переменной выступает минимальный вариационный размах склонности к риску;

- на уровне третьего фактора «Пассивность, усиливающая максимум вариационного размаха склонности к риску» (12,28% дисперсии) факторообразующей переменной выступает фактор Е (пассивность – доминантность);

- на уровне четвертого фактора (9,2% дисперсии) выявлена взаимообусловленность только личностных характеристик по Р.Б. Кеттеллу;

- на уровне пятого фактора «Низкий волевой контроль самоконтроль, усиливающий склонность к риску» (8,4% дисперсии) факторообразующей переменной выступает фактор Q3 (степень самоконтроля);

- на уровне шестого фактора «Максимум вариационного размаха, усиливающий самоуверенность» (6,5% дисперсии) факторообразующей переменной выступает максимум вариационного размаха.

На основе факторного анализа взаимообусловленности типологических особенностей на склонности личности к риску в выборке юношей было выделено три фактора (83,9% дисперсии):

- на уровне первого фактора (40,2% дисперсии) выявлена взаимообусловленность параметров склонности к риску;

- на уровне второго фактора (25,6% дисперсии) выявлена взаимообусловленность типологических особенностей по Г. Айзенку;

- на уровне третьего фактора «Максимальный вариационный размах, увеличивающий эмоциональную неустойчивость» (18,2% дисперсии) факторообразующей переменной выступает максимальный вариационный размах склонности к риску.

На основе факторного анализа взаимообусловленности типологических особенностей на склонности личности к риску в выборке девушек было выделено два фактора (61,1% дисперсии):

- на уровне первого фактора «Склонность к риску, усиливающая экстраверсию» (38,0% дисперсии) факторообразующей переменной выступает склонность к риску;

- на уровне второго фактора «Склонность ко лжи, снижающая максимум вариационного размаха склонности к риску» (23,1% дисперсии) факторообразующей переменной выступает склонность ко лжи.

Таким образом, проведя эмпирическое исследование, мы не только подтвердили гипотезу исследования о наличии личностных предикторов склонности к риску в юношеском возрасте, но и выявили их специфику у юношей и девушек.

Кроме того, столкнувшись в рамках регрессионного анализа с немногочисленностью выявленных каузальных связей индивидуально-психологических характеристик личности и параметров ее склонности к риску, мы предположили, что эта связь носит не прямолинейный, а сложный взаимообусловленный характер, в связи с чем, провели анализ факторной структуры взаимообусловленности индивидуально-психологических особенностей личности и показателей склонности к риску. Выявленные нами факторы могут значительно пролить свет не только на характер взаимосвязи индивидуально-психологических и типологических особенностей личности и показателей склонности к риску, но организовать оптимальное психолого-педагогическое сопровождение личности, склонной к риску.

Выявленные предикторы и факторы склонности к риску могут быть использованы в процессе профессионального психологического отбора, профподбора и профориентации, так как в ряде профессий высокий уровень склонности к риску является противопоказанием, свидетельствуя о предрасположенности человека к некоему авантюризму, к неоправданному и

необоснованному риску ради достижения цели, которая этого риска не стоит.

Библиографический список

1. Баранская Л. Т. Факторы риска расстройств личностной адаптации у пациентов эстетической хирургии : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
2. Иванов В. Н. Девиантное поведение: причины и масштабы // Социально-политический журнал. 1995. №2.
3. Ильин Е. П. Психология риска. СПб., 2012.
4. Цагарелли Ю. А. Системная диагностика человека и развитие психических функций. Учебное пособие. Казань, 2009.
5. Цагарелли Ю. А. Теория и практика системной диагностики человека (учебное пособие). Казань, 2002.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, УВОЛЕННЫХ В ЗАПАС

М. В. Верстова, О. В. Велиляева (Краснодар)

В условиях развития современного общества все больше и больше военнослужащих пополняют ряды безработных граждан. Это связано в первую очередь с реформой Вооруженных Сил России и крупными сокращениями личного состава. Многие бывшие военнослужащие пополняют ряды безработных граждан, профессионально невостребованных в обществе, что, в свою очередь, повышает уровень стресса, а значит, увеличивается потребность вчерашних военных реализовать себя в новой для себя социальной сфере.

Проблема социальной адаптации военнослужащих раскрывается в трудах В.И. Лебедева, А.Н. Гатвинского, Л.Г. Лаптева, В.Л. Чепляева. Социально-психологическую адаптацию изучали И.В. Дмитриев, А.Ю. Белова, И.П. Лотова, Н.Г. Осухова, А.Ф. Шадуря [1–3].

Социальная адаптация бывших военнослужащих – это не узкий вопрос, а обширный спектр законодательных, организационных, профессиональных, финансовых, психологических, социально-психологических аспектов.

Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации – так гласит Конституция РФ (Ст. 59. Защита Отечества является долгом и обязанностью).

Применительно к военнослужащим, уволенным в запас, чаще всего говорят о социально-психологической адаптации, так как социальная и психологическая адаптация тесно связаны между собой.

Социально-психологическая адаптация рассматривается как сложный механизм, включающий в себя освоение новых социальных ролей, формирование мотивационной сферы, восприятие индивидом себя, своего окружения и многие другие психологические явления, состояния и образования. Особенностью социально-психологической адаптации военнослужащих запаса является её зависимость от возраста, в котором военнослужащие собираются увольняться или были уволены из армии [3].

Социально-психологическая адаптация включает комплекс социально-правовых, психологических и социально-педагогических мер, направленных на вторичное самоопределение военных, уволенных из армии, и членов их семей, и возвращение их к активному участию в жизни общества.

Социально-психологическая адаптация становится для большинства уволенных военнослужащих сложным процессом: необходимо освоить новые социальные роли, сформировать адекватную самооценку, обрести новую профессию. Им трудно ориентироваться в мире гражданских профессий и источниках информации, соотнести свои возможности с требованиями различных видов труда, осуществить поиск вакантных должностей и заключить трудовые договоры. Все это ведет к тому, что люди, способные внести свой вклад в преобразование российского общества, оказываются незащищенной частью населения[2].

По возрастному цензу увольняемых в запас можно разделить на три категории: до 30 лет, 31–40 лет и старше 40 лет.

Анализируя социологическую и психологическую литературу, основываясь на результатах наблюдения, опросов и беседы, можно охарактеризовать особенности внутриличностной адаптации каждой из вышеназванных категорий.

Военнослужащие до 30 лет. В настоящее время не существует жестких ограничений причин увольнения из армии. Молодые

военнослужащие принимают решение об увольнении, если чувствуют, что не могут полностью реализовать свой творческий потенциал на военной службе. Некоторые сравнивают свой жизненный путь и его результаты с тем, как живут и чего успели добиться их сверстники на «гражданке» и понимают, что выбрали эту профессию случайно и гораздо большего смогут добиться вне военной службы. Это наиболее успешная часть увольняемых военнослужащих с точки зрения перспективы переобучения на гражданские специальности.

Военнослужащие 30–40 лет. Это группа военнослужащих, уволенных в связи с сокращением Вооруженных Сил, хотя это не всегда совпадает с их личными планами. Они считают себя обиженными, склонны негативно оценивать свои перспективы, вплоть до агрессии по отношению к окружающим. Сочетание материальных трудностей и бытовой неустроенности приводит к кризисным состояниям психики. Если этой группе военнослужащих удастся положительно разрешить данный возрастной кризис, то повышается вероятность вступления в период высокой продуктивности в самых разнообразных областях деятельности. Это та часть уволенных военнослужащих, которая нуждается в тщательной и глубокой психологической помощи, профессиональном консультировании, социально-правовой поддержке [1].

Военнослужащие старше 40 лет. Это группа военнослужащих, полностью выслуживших установленные сроки и максимально реализовавших свои возможности в рамках армейской службы. Они имеют определенные льготы и некоторое материальное благополучие. В основном эта группа стремится к таким видам деятельности, в которых будут сохранены атрибуты их былой власти и бывшего социального статуса. Но при этом отсутствует стремление к особо сложным видам деятельности, так как это связано с процедурами освоения новой специальности. Считается, что при выборе дальнейшего жизненного пути они охотно обращаются за помощью и советом в различные организации. Так выражается их стремление быть выслушанными и понятыми.

Для того чтобы решить все вопросы, связанные с вышеперечисленным, нужно быть готовыми понять, а значит, и помочь военнослужащим, испытавшим сложности военной жизни.

Это задача каждого из нас в отдельности и общества в целом. Ведь помощь и поддержка важны для любых социальных категорий, а военнослужащие, уволенные с военной службы, нуждаются в них как никто другой.

Успешность их адаптации и социализации во многом зависит от работы социальных служб.

Библиографический список

1. Приступа И. В. Ценностные ориентации военнослужащих разных возрастных групп // Вестник Военного университета. 2011. № 2 (26).

2. Савченко В. М. Социально-педагогическая адаптация молодого пополнения различных субкультур к военной службе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2010.

3. Сюрис Н. А., Дукальская О. Ю. Психофизиологическая адаптация военнослужащих к условиям военного труда с позиций восточной философии и медицины // Ученые записки. 2009. № 12.

СУД ПРИСЯЖНЫХ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

М. В. Верстова, В. В. Верстов (Краснодар)

Социальные изменения в России предъявляют особые требования к субъектным свойствам личности – активности и ответственности, благодаря которым человек не только приспособляется в окружающей его социальной реальности, но и стремится к ее преобразованию.

Возрожденный в России суд присяжных заседателей, привлёк внимание исследователей, изучающих психологические аспекты правового сознания людей, которые наряду с судьями, участвуют в рассмотрении дела с целью решения вопросов о том: доказано ли, что деяние имело место; доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого деяния (О.А. Гулевич, О.В. Соловьева) [3].

Выбирая поведение, человек опирается на свои представления о мире, его устройстве и возможные последствия своей активности. Поведение в правовой ситуации определяется спецификой обыденных правовых представлений. Существенным фактором,

влияющим на поведение субъекта в конкретной правовой ситуации, является его представление о себе в контексте данной ситуации. Итак, в работе делаем акцент на субъектную активность человека, проявляющуюся в его интерпретациях в ситуации правового выбора.

В настоящее время в работах отечественных исследователей заметно возрастает интерес к психологии субъекта, что проявляется в разработке нового субъектного подхода, в котором признается значимость активности человека и авторства по отношению к жизни в целом и к отдельным ее аспектам [2].

Проблема субъектности личности широко представлена в отечественной и зарубежной психологии. Одним из первых понятие «субъект жизни» ввел С.Л.Рубинштейн, что дало возможность раскрыть деятельную сущность личности, ее активную позицию в целостном жизненном процессе. Субъект жизни – это вершина в развитии личности, то, к чему человек приходит в результате длительного пути взросления, если этот путь сложился именно как процесс развития личности [6].

Идеи С.Л. Рубинштейна о субъекте, находящемся «внутри бытия», творящем и преобразовательно активном, получили свое развитие в субъектно-деятельностном подходе научной школы А.В. Брушлинского. Опираясь на экспериментальные работы С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинский отмечал, что субъектность человека проявляется в активной роли внутренних условий субъекта, опосредующих все внешние воздействия и, тем самым, определяющих какие из внешних причин участвуют в едином процессе детерминации жизни субъекта. В таком смысле внешнее, действуя только через внутреннее, существенно зависит от него. Наибольшее внимание с точки зрения В.В. Знакова, А.В. Брушлинский уделял двум главным проблемам: критериям субъекта и разнообразию видов человеческой активности [4; 6].

Активность – категория достаточно многоплановая. Проблема активности личности является сложной психологической проблемой, имеющей философскую и психологическую историю ее разработки в отечественной и мировой науке [1].

Активность как деятельное состояние субъекта детерминирована изнутри, со стороны его отношения к миру, и реализуется во вне – в процессах поведения [1].

По мнению В.В. Знакова, для психологии субъекта проблема активности является одной из основных. «Активность» является одной из ключевых категорий понятийного аппарата психологической науки. Многие психологи анализировали соотношение активности с действием, деятельностью, установкой и другими базовыми психологическими феноменами, с помощью которых изучается формирование и развитие психики человека [4].

Проблема психологии субъекта (как носителя своей собственной активности) стала рассматриваться в качестве «общей для многих общественных, гуманитарных, отчасти биологических и технических наук» (А.В. Брушлинский), выполняя тем самым роль связующего звена при установлении единства различных школ и теорий психологической науки [1].

В самом общем плане, под активностью понимается мера воздействия внутреннего на внешнее, мера преобразования внешнего внутренним. Исходя из принципа субъекта, активность может представлять собой меру развития субъектности человека.

Активность проявляется в системе субъективных отношений индивидуальности к внешним и внутренним фактам своего бытия. Отмечая активность как свойство отношения, В.Н. Мясищев отмечал, что отношение – сила, потенциал, определяющий степень интереса, степень выраженности эмоций, степень напряжения желания или потребности. Используя категорию отношения, введенную Мясищевым, необходимо обратить внимание на выделенные им три компонента свойств этих отношений: познавательного, эмоционального и волевого [5].

Выступая субъектом собственной жизнедеятельности (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский), человек представляет собой сложноорганизованную саморазвивающую социобиологическую систему (В.С. Мерлин).

В концепции категории субъекта, разработанной С.Л. Рубинштейном, проблема активности – ее органическая часть. Здесь активность – не только мера взаимоотношения и взаимодействия внутреннего и внешнего (по принципу «внешнее через внутреннее»), но и особый способ взаимодействия, которое не ограничивается деятельностью. В понимании С.Л. Рубинштейна, деятельность – лишь одна из форм активности человека наряду с другими, например, созерцанием, которое

является иным по сравнению с деятельностью способом отношения человека к миру. С.Л. Рубинштейн рассматривал активность не как свойство сознания, а как качество субъекта и особенность личности как субъекта [6].

Линию С.Л. Рубинштейна развивает К.А. Абульханова. Автор отмечает, что первоначально понятие «активность» употреблялось ею для обозначения личностного уровня, качества и способа осуществления деятельности [1]. В таком понимании активность выступала как качество субъекта деятельности. Такая активность, по мнению К.А. Абульхановой, способна обеспечить целостность в совершении деятельности личностью, включает саморегуляцию, осуществляющую комплексную мобилизацию. Активность личности объединяет внешние и внутренние условия осуществления деятельности типичным для личности (индивидуальным) способом. Активность обеспечивает контроль личности за целостным ходом деятельности (устраняя возможные рассогласования) несет ответственность за качество ее осуществления и сроки [1].

Активность в исследованиях К.А. Абульхановой занимает ведущее место и рассматривается как способ самоосуществления и самовыражения личности, при котором сохраняется или обеспечивается ее субъектность. При этом активность выступает как индивидуально-типологическое, функциональное качество личности. Активность раскрывает способ осуществления деятельности, общения и познания. Посредством активности личность сначала теоретически, а затем и практически взаимодействует с миром.

Выступая в качестве субъекта, он обладает важнейшим ее признаком – активностью [1; 2]. Под активностью понимается мера развития субъектности человека, которая несет в себе качественно/количественные характеристики. В этом случае активность может выступать как субъектная активность, которая проявляется в субъектных отношениях (В.Н. Мясищев).

В концепции А.В. Петровского активность – это всеобщая характеристика жизни и неперемное условие существования живых существ, их универсальный способ самовоспроизводства. Обладание этой способностью характеризует субъекта активности. «Быть субъектом значит воспроизводить себя, быть причиной

существования в мире». Активность представляется автором как целостная система двух взаимодействующих организаций (подсистем) – внешней и внутренней, которые связывают воедино процессы, протекающие во внутреннем плане (становление мотивов, целей, схем) и в плане наблюдаемого поведения (деятельность, действия, операции).

Эта система, согласно А.В. Петровскому, обладает собственной динамикой, свойством самодвижения, которое может осуществляться в двух основных формах:

1) взаимопереходы: операции – действия – деятельность (в ходе выработки навыка, автоматизации действий);

2) надситуативная активность (действия над порогом требований наличной ситуации) [1].

Одно из проявлений «надситуативной активности» – активная неадаптивность. Феномен надситуативной активности заключается в том, что человек свободно и ответственно ставит перед собой цели, избыточные по отношению к исходным требованиям ситуации. И поиск неординарного решения в стрессовых ситуациях, в ситуациях выбора может выступать как проявление надситуативной активности – действия над порогом требования ситуации [5].

Отличительная характеристика для «надситуативной активности» – действие в опасной зоне (позиции внешних требований или безопасности), балансирование на грани допустимого, своеобразное отрицание поставленных целей. Результаты такой активности могут значительно расходиться с исходными ее мотивами, т. е. являются неадаптивными (феномен активной неадаптивности). Его можно проиллюстрировать на примере явления «бескорыстного риска» [5].

Активностью движет не предмет; она определяется субъектом и принадлежит субъекту, хотя направлена на деятельность, которая имеет дело с предметами и тем самым активность выступает способом и средством интеграции личности и общества [1]. А общество определяется формы деятельности и свои требования к деятельности индивида, личность же вырабатывает индивидуальные формы активности и реализует их в деятельности.

Отметим, что современные российские исследователи в своих работах категорию «активность» рассматривают в сравнении с

более низким уровнем ее функционирования – пассивностью, понимаемой не как противоположность или как отсутствие активности, а как результат разнонаправленных тенденций, погашающих друг друга. По мнению И.А. Джидарьян, в рамках психологического знания понятие активности используется в двух значениях – неспецифическом и специфическом.

Как отмечает В.В. Знаков [4] в соответствии с указанными значениями, активность в системе психологического знания не только имеет общепсихологический статус, но и выступает в качестве принципа исследования. Методологическое значение понятия активности применительно к психологическим исследованиям раскрывается, прежде всего, в принципе активности субъекта деятельности. Активность при этом выступает как особое качество взаимодействия субъекта с объективной реальностью, как такой способ самоосуществления и самовыражения личности, при котором ее качество как целостного, самостоятельного и саморазвивающегося субъекта либо достигается, либо нет.

А.К. Осницкий указывает на специфичность активности субъекта в общей картине активности человека. В субъектной активности человек выступает автором собственной активности как в плане выстраивания своей линии поведения, так и при осуществлении предметных преобразований в ходе достижения поставленных целей, где субъектный опыт – это условие, обеспечивающее реализацию субъектной активности. Понятие «субъектная активность» представлено в работе А.К. Осницкого «Проблемы исследования субъектной активности». Разрабатываемый подход в изучении субъектности осуществляется на пути развития отечественных представлений об активной роли самого человека в процессе жизнедеятельности (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов и др.). А.К. Осницкий отмечает, что проблемой активности человека (с точки зрения логического анализа его обозначали как субъекта обнаруживаемой им активности) занимались давно и достаточно успешно. В то время как проблема субъектной активности, т.е. активности, развиваемой самим субъектом, им самим организуемой и контролируемой, стала предметом пристального изучения сравнительно недавно [5].

В современной психологии все чаще исследователи обращаются к проблемам субъектной позиции личности, свободы выбора действий и будущего (работы А.Г. Асмолова, А.В. Брушлинского, В.И. Слободчикова и др.). При изучении субъекта выбора важно рассмотреть представление субъекта о возможности принятия ответственности не только за выбранное и осуществленное, но и за отвергнутое, нереализованное в связи с различными ситуационными детерминантами.

Критериями субъекта также являются творчество и уникальность, позволяющие человеку при реализации активности выходить за пределы ситуации (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова, В.А. Брушлинский, В.И. Слободчиков, В.В. Знаков).

Таким образом, субъектом можно назвать только внутренне свободного человека, принимающего решения о способах своего взаимодействия с другими людьми, прежде всего, на основании сознательных нравственных убеждений [4]. Говорить о человеке, продолжает В.В. Знаков, как о субъекте можно только при понимании им собственного бытия, при котором он, осознавая объективность и сложность своих проблем, в то же время обладает ответственностью и силой для их решения. В работах отечественных исследователей человек рассматривается как активный субъект деятельности, общения, познания, субъект построения своего жизненного пути, субъект понимания ситуации.

Потребность понимать и воспринимать мир есть одна из фундаментальных потребностей человека (В.Г. Асеев, П. Бергер, А.Н. Леонтьев). Это означает, что фактически каждый человек создает для себя более или менее полную, часто фрагментарную или даже деформированную картину мира. Разные части ее могут быть представлены с разной степенью подробности и в различной степени осознаются человеком, но они стремятся к объединению в одну картину мира. Определенную часть в ней занимают отношения, регламентируемые правовыми нормами. Эти отношения отражаются в психике, регулируют поведение человека и функционируют в целом как правовое сознание [2].

Многие исследования указывают на связи внутреннего психического потенциала человека с возможностями его взаимодействия с окружающей средой, и интерпретацией способа

выбора поведения в социальных и правовых ситуациях. Человеку в «обыденной жизни» приходится сталкиваться с ситуациями, подчиняющимися правовому регулированию, в которых проявляется готовность к активной позиции в сфере социально-правовых отношений. В России с появлением суда присяжных обострилась проблема справедливости и объективности вердиктов, вынесенных присяжными заседателями. «Проблема соответствия судебного решения закону не только правовая, но и социальная, во многом зависит от понимания норм законности и справедливости в обыденном правовом сознании, фиксируемых на уровне правовых представлений».

Сегодня прикладные исследования правовых представлений личности не обеспечивают целостного понимания правового сознания «обыденного» человека и выбора способа поведения в правовых ситуациях (например, участие в коллегии присяжных). Содержание же правового сознания личности обусловлено восприятием субъектом социальных убеждений, отношений и представлений личности.

Отметим, что, выбирая определенное поведение (в том числе и правовое), человек способен опираться на свои представления о мире, его устройстве и на возможные последствия своей социальной активности, что в свою очередь оказывает влияние на установки личности в различных ситуациях.

Библиографический список

1. Абульханова К. А. Личностные особенности детерминанты социальных представлений // Идея системности в современной психологии / под ред. В. А. Барабанщикова. М., 2005.

2. Верстова М. В. Правовые представления личности с различной установкой к участию в суде присяжных: дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2007.

3. Гулевич О. А. Поведение в правовой сфере и социальные установки (на примере участия в работе коллегии присяжных) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. №3.

4. Знаков В. В. Психология субъекта: вариант А.В. Брушлинского // Личность и бытие: Теория и методология: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. Краснодар, 2003.

5. Осницкий А. К. Регуляторный опыт – основа субъектной активности человека // Теоретическая и экспериментальная психология. 2008. Т. 1. №. 2.
6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2000.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

М. В. Верстова, Н. Ю. Шаркова (Краснодар)

На сегодняшний день главной проблемой современного общества, является проблема суицида среди подростков. По мнению ряда исследователей, подростковый возраст является наиболее критичным в ряду возрастного развития человека. Суицидальное поведение является сложной социальной проблемой. Ежегодно в мире совершается около 1 млн. самоубийств и примерно в 10 раз больше суицидальных попыток. Самоубийство, занимает второе место после ДТП в возрастном диапазоне 15–35 лет в Европе. Среднемировой уровень суицидов составляет около 14–16 на 100000 населения в год. Предупреждение самоубийств представляет собой весьма непростую, но выполнимую комплексную задачу. Ее решение возможно при взаимодействии различных структур общества (социальный сектор, государственные органы, учреждения образования, охраны правопорядка, здравоохранения, религиозные организации), так как причины этого явления весьма многообразны.

Суицид – это добровольное, лишение себя жизни. Суицид может случиться вследствие психических заболеваний, таких как депрессия, шизофрения, либо может быть вызван проблемами в жизни. Исследователи, изучая проблемы суицида среди молодежи, пришли к выводу, что решаясь на самоубийство, подростки, таким образом, хотят привлечь внимание со стороны родителей, педагогов и своих сверстников. Решаются на такой шаг, как правило, замкнутые, ранимые по характеру подростки от ощущения одиночества, собственной ненужности стрессов и утраты смысла жизни.

По официальной данным, от самоубийства ежегодно погибает около 2800 детей и подростков в возрасте от 5 до 17 лет, и эти

страшные цифры не учитывают случаев попыток к самоубийству. Возраст с 14–15 лет суицидальная активность начинает возрастать. При исследовании выявлено, что среди незавершенных суицидальных попыток у мальчиков 17 лет – 32%, 16 лет – 31%, 15 лет – 21%, 14 лет – 12%, 12–13 лет – 4%. Около 80% людей, склонных к суициду оставляют ясные сигналы о своих намерениях [7].

Суицидальное поведение представляет собой замкнутость, отстраненность от близких, агрессивность, нежелание делиться проблемами.

Большинство подростков не хотят умирать. Вместе с тем они страдают от сильной душевной боли и очень хотят от нее избавиться. Подростки ищут выход из сложившегося положения и, в конце концов, приходят к выводу, что уход из жизни – единственный способ избавить себя от страданий. После этого начинается подготовка к самоубийству: подростки намечают дата и время его осуществления; посылают окружающим различные намеки о том, что они хотят покончить жизнь самоубийством [4].

По мнению специалистов, подростки, таким образом, не выражают желание свести счеты с жизнью, а взывают к помощи. Помимо этого, есть много других признаков, указывающих на то, что подросток находится в группе суицидального риска [5].

В работе с подростками можно выделить ряд мероприятий по профилактике суицидального поведения:

1) информационный – главным направлением работы должно стать информирование подростков о способах решения проблем, выхода из депрессий и затруднительных состояний;

2) социально-профилактический – является основной целью устранения и нейтрализации причин и условий, вызывающих суицидальные мысли и намерения;

3) медико-биологический – его сущность осуществляется в предупреждении возможных отклонений от социальных норм целенаправленными мерами лечебно-профилактического характера по отношению к лицам подросткового возраста, страдающих различными психологическими отклонениями;

4) социально-педагогический – заключается в восстановлении или коррекции качеств личности, особенно нравственных и волевых.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что все существующие методы профилактики суицидального поведения у лиц подросткового возраста, направлены на то, чтобы поставить данную форму девиантного поведения под социальный контроль. Так же причины суицидального поведения очень сложны и многообразны. Это явление, которое имеет место быть в нашем мире, нашей стране и в нашей области, безусловно, требует особого внимания специалистов.

Библиографический список

1. Малкина-Пых И. Г. Психосоматика. М., 2008.
2. Малкина-Пых И. Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. М., 2010.
3. Платонов Ю. П. Социальная психология поведения. СПб., 2006.
4. Старшенбаум Г. В. Суицидология и кризисная психотерапия. М., 2005.

ТИПЫ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ ПАЦИЕНТОВ НА ОТЕЧЕСТВЕННОМ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМ РЫНКЕ

И. С. Гаврилова (Волгоград)

Социофармакологические исследования представляют отдельный интерес в плане изучения потребностей пациентов в отношении формирования социальных практик. С 2010–2017 гг. нами проводились лонгитюдные исследования на предмет выявления стратегий поведения пациентов на отечественном фармацевтическом рынке [1–3]. В ходе исследования было опрошено репрезентативное количество пациентов – потребителей лекарственных средств, приобретаемых за счет собственных средств в аптечных сетях г. Волгограда. Нами было выявлено три основные группы потребителей лекарственных средств: манипулятивная, диффузная и компетентная группы пациентов.

Они обладают следующими признаками:

1) манипулятивный тип поведения – это преднамеренное и скрытое побуждение другого человека к переживанию определённых состояний, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения инициатором своих

собственных целей. Люди, у которых доминирует манипулятивный тип поведения, находятся под влиянием рекламы, реагируют на нее в СМИ и зависят в своем потреблении от рекламы;

2) диффузный тип поведения характеризуется нечеткой стратегией поведения, т.е. такому покупателю неважно, какой лекарственный препарат приобрести, главное, чтобы быстрее вылечиться. Такой тип потребителя очень опасен в том плане, что, испытав «на себе» действие определенного препарата, он начинает рекомендовать его другим людям, не зная при этом, что именно нужно учитывать при назначении любого лекарства;

3) компетентный тип поведения – такой тип поведения, когда человек способен успешно действовать на основе практического опыта, умения и знаний в области применения лекарственных средств.

Чем более компетентен потребитель, тем более разумно он подходит к процессу совершения покупки в соответствии со своими реальными нуждами и предпочтениями (товары определенных брендов).

Критерием отнесения респондентов к тому или иному типу поведения являлся их выбор соответствующего варианта ответа в анкете. Таким образом, каждый вопрос нашей анкеты изначально содержал варианты, характерные для перечисленных нами типов поведения на фармацевтическом рынке. Если респондент выбирал вариант ответа соответствующий диффузному, манипулятивному или компетентному типу поведения, то, в зависимости от того, что преобладало в его ответах, к тому или иному типу мы его и относили. А если у него выявлялось несколько типов, то мы его причисляли к смешанному типу.

Обобщенные результаты данных можно представить следующим образом.

В результате исследования выяснилось, что диффузная стратегия поведения преобладает у мужчин. Вероятнее всего потому, что мужчины менее терпимы к боли и не избирательны в приобретении лекарственных средств, главное для них – это оперативно компенсировать дискомфорт, боль и вылечиться.

Манипулятивное поведение в незначительной степени преобладает у женщин. Женщины более подвержены воздействию

внешних факторов: влияние СМИ, рекламы и т.д., что порождает спонтанность в выборе и покупке лекарственных средств.

Смешанный тип поведения почти равен между женщинами и мужчинами, разница составляет 2 %.

Компетентным поведением в большей степени обладают женщины – 72%. Психологи объясняют данный факт повышенным уровнем тревожности в отношении к здоровью детей и других членов семьи, в отличие от мужчин, а поэтому они увереннее чувствуют себя на фармацевтическом рынке.

Изучив возрастные особенности отечественного фармацевтического поведения пациентов, мы выяснили, что стабильное второе место наблюдается у следующих возрастных групп: от 18 до 30 лет 30% опрошенных, затем лиц 45–60 лет – 25%. В возрастном сегменте 30–45 лет имеет ряд особенностей, во-первых, диффузная стратегия поведения конкурирует с манипулятивной и уступает ей около 1%. Во-вторых, среди всех возрастных групп данный тип поведения имеет наименьший процент. Таким образом, можно сделать вывод о том, что диффузное поведение в наибольшей степени характерно для людей, входящих в социальную группу «молодежь». Наши наблюдения объясняют данный факт тем, что, груз социальной ответственности за собственное здоровье и здоровье близких пока не давит на вышесказанную группу пациентов.

Компетентное поведение встречается в подавляющем большинстве случаев у всех возрастных групп: 51% в группе 18–30 лет, 64,2% в группе 30–45 лет, 60,1% – 45–60 лет и 52% в группе 60 и старше.

Судя по полученным сведениям, можно утверждать, что практически в каждой возрастной категории половину от общего количества респондентов составляют люди, компетентные в выборе лекарственных средств, а в некоторых группах даже больше половины.

К манипулятивному типу поведению в большей степени принадлежат респонденты старше 60 лет (29%), далее, лица 30–45 лет. Среди респондентов 45–60 лет манипулятивным поведением обладают лишь 6% и 8,1% – лица в возрасте 18–30 лет.

Исходя из полученных данных, можно утверждать, что люди старше 60 лет наиболее склонны к манипулятивному поведению,

т.е. респонденты именно этой возрастной группы в наибольшей степени поддаются влиянию рекламы, СМИ. Вероятнее всего, это можно связать с особенностями данного возраста, с верой в то, что, если продукт известен или же его советуют, рекламируют авторитетные известные люди, он непременно является качественным. В тоже время, респонденты 45–60 лет в наименьшей степени проявляют манипулятивное поведение, что говорит о повышении компетентности в отношении лекарственных средств в зрелом возрасте.

Смешанный тип поведения преобладает у респондентов в возрасте 18–30 лет. У респондентов 30–45 лет этот тип составляет 7,1%, у респондентов 45–60 лет – 8,8% и у людей старше 60 лет – 5%. Таким образом, мы получили, что в наибольшей степени смешанный тип поведения манифестируется у людей, подходящих под статус «молодежь». Объясняется это, вероятно, некоторой некомпетентностью в выборе лекарственных средств, в силу недостаточного жизненного опыта и, как следствие, незнанием характеристик нужных лекарств. Тогда как респонденты с наименьшим процентом смешанного типа поведения относятся к лицам зрелого возраста (30–45 лет – и 45–60 лет), т.е. имеют опыт выбора лекарств и уже знают их некоторые фармакологические свойства, иными словами являются компетентными в отношении лекарств.

Исходя из графических данных, мы получаем, что диффузное поведение преобладает у респондентов с незаконченным средним образованием – 67%.

Среди лиц со средне специальным образованием этот тип поведения встречается у 31%, а среди респондентов с незаконченным высшим – 25%.

У респондентов с высшим образованием изучаемый тип поведения составляет 13%, у людей со средним образованием – 9%.

Таким образом, можно сделать вывод, что диффузное поведение характерно для людей с незаконченным средним образованием и связано это, с высокой долей вероятности, с недостатком общих, базовых знаний, в том числе и в случаях, когда необходимо выбрать подходящее лекарственное средство. Этот факт

подтверждается тем, что у лиц, получивших среднее образование, процент диффузное поведения значительно ниже – 9%.

Остальные данные свидетельствуют о том, что диффузный тип поведения в той или иной степени (но не в большей степени) присущ всем перечисленным группам, относящихся к разному уровню образования.

Исходя из полученных данных, компетентное поведение в большей степени присуще людям с высшим образованием – 75%.

Среди лиц со средним образованием этот показатель составляет 64%, а со средне специальным – 51%. Среди лиц с незаконченным средним образованием компетентный тип поведения встречается у 11%.

Таким образом, видно, что компетентный тип поведения присущ более чем 50% всех перечисленных групп, за исключением группы, которую составляют лица с незаконченным средним образованием (11%). Недостаточность базовых знаний не позволяет респондентам данной группы подходить компетентно к выбору лекарственных средств.

Судя по полученным сведениям, манипулятивный тип поведения проявляется в основном у лиц со средне специальным (15%) и средним (14%) образованием.

Немного меньший показатель манипулятивного поведения встречается у респондентов с незаконченным средним образованием – 11%.

А среди лиц с высшим и незаконченным высшим образованием показатель манипулятивного поведения ниже – 6% и 3% соответственно.

Таким образом, выраженности манипулятивного поведения зависит от уровня образованности: чем выше образование, тем меньший процент проявления манипулятивного типа поведения. Очевидно, это может быть связано с тем, что образованный человек является более компетентным в выборе лекарственных средств и в меньшей степени подверженным влиянию рекламы.

Смешанный тип поведения превалирует у респондентов со средним образованием – 14%. У лиц с незаконченным средним и незаконченным высшим образованием этот тип поведения встречается в 11%. Среди респондентов с высшим образованием

смешанный тип составляет лишь 6% и у лиц со средне-специальным – 3%.

Получается, что в основной своей массе смешанный тип поведения характерен для людей, не получивших, либо недополучивших высшее образование и, как следствие, не имеющих четкой стратегии поведения при выборе лекарственных средств. Исключение здесь составляют лица со средне-специальным образованием, где процент проявления смешанного типа самый низкий – 3%.

Мы полагаем, что следует обратить особое внимание на данные социофармакологических исследований, особенно той части, которая проливает свет на уровень комплаенса пациентов или вероятные критерии оценки эффективности взаимодействия всех агентов медикализации. Устойчивость формирования четких представлений в этом сегменте социологии медицины является залогом успеха формирования здорового социального поведения пациентов.

Библиографический список

1. Чижова В. М., Гаврилова И. С. Отношение пациентов с артериальной гипертензией к приему лекарств // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 2–1 (44).

2. Чижова В. М., Кардаш, О. И. Содержание реабилитационного потенциала постинсультных пациентов как основы ресоциализации // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. Т. 53. № 1.

3. Чижова В. М., Токарева Ю. М. Методы оценки качества медико-социальных услуг: монография. Волгоград, 2016.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С. В. Грובהва, О. А. Гомцял (Краснодар)

Неотъемлемой частью социальной защиты граждан любого развитого государства выступает социальная защита государственных гражданских служащих. И Россия в этом плане не является исключением.

Согласно статье 3 Федерального закона от 27 июля 2004 г. «О государственной гражданской службе Российской Федерации», государственная гражданская служба Российской Федерации – вид государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях государственной гражданской службы Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации (включая их нахождение в кадровом резерве и другие случаи) [2].

В последнее время в России часто затрагивается вопрос социальной защиты государственных гражданских служащих. Данной категории граждан уделяется особое внимание, потому что именно она является рабочим механизмом, основой всей государственной деятельности. Поэтому Президент РФ проводит различные реформирования, касаемые данной сферы, Правительством разрабатываются и издаются различные законодательные акты и иные нормативно-правовые документы [3]. Без соблюдения прав госслужащих, без поддержания их достойного уровня жизни, невозможно поддержание достойного уровня жизни остальных категорий граждан и нашего государства в целом.

Соответствующий уровень материального обеспечения и социальной защиты государственных служащих играет также важную антикоррупционную роль, что довольно актуально в наше время. В связи с этим, на протяжении последних лет вносятся поправки касаясь данного вопроса в уже существующие законы и принимаются и разрабатываются новые, более совершенные. Снижая уровень нуждаемости государственных служащих до минимума, государство тем самым уменьшает риск коррупционного поведения своих представителей [5]. Посредством принимаемых мер повышаются уровень эффективности деятельности органов государственной службы и уровень доверия граждан государству.

Государственная служба хороша тем, что является постоянной, ведь пока существует само государство, существуют и должности государственных служащих. Причём граждане, занимающие эти должности, обладают рядом определенных гарантий, которые в свою очередь отличаются от гарантий для других категорий населения. Основные из этих гарантий четко прописаны в статье 52 вышеупомянутого закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Важно помнить, что государственные гражданские служащие помимо льгот и привилегий обладают и рядом ограничений и запретов, непосредственно связанных с их работой. Данная категория граждан выполняет деятельность, связанную с решением государственно важных задач. Именно гражданские госслужащие занимаются вопросами защиты прав и законных интересов граждан, в некоторой степени обеспечением безопасности государства и т.п. В Конституции РФ закреплены условия, при которых могут быть ограничены права и свободы человека и гражданина [1]. В соответствии с этим положением, трудовые права гражданских госслужащих в той или иной мере ограничены. Это также отличает их от большинства прочих категорий граждан. И именно поэтому они нуждаются в особенной социальной защите.

Чтобы разобраться, соблюдаются ли все гарантии правового обеспечения социальной защиты государственных гражданских служащих на практике, на каком вообще уровне находится социальная защита данной категории населения, мы провели исследование, которое условно можно назвать «ожидание/реальность». Были опрошены студенты Кубанского государственного университета, обучающиеся на факультете управления и психологии по различным направлениям, так или иначе связанным с работой в государственных органах, т.е. потенциальные государственные служащие в будущем. Также в опросе приняли участие и действующие государственные служащие, а именно работники Министерства труда и социального развития Краснодарского края. В опросе приняли участие 43 студента и государственных гражданских служащих. В процентном соотношении число респондентов женского пола значительно превысило число респондентов противоположного

пола. Результаты исследования оказались более чем удовлетворительными.

Практически все так называемые «ожидания» совпадают с «реальностью». Выявлены некоторые бытовые проблемы, наиболее значимой из них является жилищная проблема. Менее значимой, но также неприятной является проблема «на местах». Некоторые служащие жалуются на недостаточное обеспечение комфортности рабочих мест. Бывали случаи, когда приходилось приносить из дома кресло, так как прежнее приходило в негодность, но никто его не собирался заменять. К минусам также можно отнести не совсем нормированный рабочий день, а точнее переработку. Но за сверхурочную работу государство доплачивает, предоставляет отгулы и прибавку к отпуску. Поэтому нельзя сказать, что это является каким-то отрицательным фактором. Также важно отметить, что все опрошенные действующие государственные служащие как один говорят о своей полной защищенности государством, чем не может похвастаться, например, рядовой менеджер в какой-либо частной организации.

Сначала были заданы общие вопросы на понимание. Один из них звучит так: «Что Вы понимаете под социальной защитой государственных служащих?». Большинство опрошиваемых ответило, что это защита прав госслужащих со стороны государства, обеспечение госслужащим достойного уровня жизни во время прохождения службы, а также различные льготы. На основе этого можно сделать вывод о том, что респонденты не только понимают, что такое социальная защита, но и как она устроена, что в нее входит, и кто должен обеспечивать эту защиту.

Практически все опрошенные назвали в качестве основного документа, в котором содержатся понятия правовой и социальной защиты государственных гражданских служащих, ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Это также говорит о правовой грамотности гражданских государственных служащих и умении пользоваться законодательством.

Из числа действующих госслужащих только 26% недовольны системой социальной защиты государственных гражданских служащих. Они считают, что она не соответствует их деятельности. 8% затруднились ответить на данный вопрос.

Остальные опрошенные считают, что данная система вполне соответствует.

На вопрос «Что на Ваш взгляд превалирует в государственной службе: запреты и ограничения или льготы и гарантии?» 81% респондентов из числа действующих госслужащих ответили, что превалируют льготы и гарантии. Остальные 19% считают, что в госслужбе все-таки слишком много запретов и ограничений, что затмевает остальные положительные черты, такие как льготы и гарантии. Что касается опрошенных студентов, то мнения разделились в следующем процентном соотношении: 89% и 11% соответственно. Это говорит о том, что «ожидания» будущих специалистов практически совпадают с «реальностью», с которой ежедневно сталкиваются действующие госслужащие.

Опрошенные оценивают уровень престижности работы в государственных органах в современном российском обществе как высокий, так ответило большинство (53%), 41% считают, что уровень выше среднего и лишь 6% ответили, что уровень средний. Это всё притом, что были предложены также варианты ответов как «ниже среднего», «низкий» и «он отсутствует».

Больше трети опрошенных считают, что для повышения престижа госслужбы необходимо повысить качество информирования населения о деятельности органов власти, 37% отметили необходимость в повышении заработной платы, и всего 20% респондентов уверены, что необходимо улучшение системы социальной защиты. Это еще раз говорит о том, что большинство все-таки удовлетворяет настоящий уровень системы социальной защиты государственных гражданских служащих в Российской Федерации.

Что касается ответов на этот же вопрос студентов, то опять же можно отметить, что «ожидание» практически совпадает с «реальностью». Большинство считает важным повышение заработной платы, что вполне объяснимо для молодых людей, собирающихся в ближайшем будущем устраиваться на работу. Чуть меньшее число опрошенных отметило недостаточное информирование населения о деятельности органов власти. Остальные респонденты также не думают, что для повышения престижа госслужбы необходимо улучшения системы социальной защиты, ведь она и так находится на достаточно высоком уровне.

В последнем вопросе респонденты должны были оценить уровень социально-правовой защиты государственных гражданских служащих РФ по пятибалльной шкале. Результаты подтвердили ожидания: 48% оценили уровень на «5», то есть как очень высокий, 40% — на «4» и всего 12% опрошенных – на «3». Это значит, что госслужащие довольны тем, как государство заботится о них и уверены, что оно способно в полной мере обеспечить им достойный уровень жизни во время прохождения государственной службы.

Анализ мнения государственных гражданских служащих показал, что для большинства из них система социальной защиты представляется достаточной. Анализ же мнения студентов, то есть потенциальных государственных служащих показал, что они практически в полной мере имеют представление о реальном современном состоянии социальной защиты гражданских госслужащих, их «ожидания» немного завышены в положительную сторону, но в целом совпадают с «реальностью».

При проведении исследования мы убедились в том, что современная система социальной защиты государственных гражданских служащих Российской Федерации находится на достойном уровне, хотя и был выявлен некий ряд недостатков, возникающих при ее осуществлении государством. Но в целом, результаты исследования оказались вполне удовлетворительными. Хочется лишь отметить, что государству стоит обращать больше внимания на частные случаи, стараться как можно быстрее и эффективнее реагировать на жалобы и пожелания служащих, принимать все возможные меры для их комфортного нахождения на службе.

Таким образом, на основе всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что государственная гражданская служба связана с повышенной ответственностью, она предусматривает особую интенсивность, трудность, многообразность и соответственно повышенные эмоциональные и нервные нагрузки гражданских служащих. Именно поэтому государственная гражданская служба является особым видом деятельности, требующим специального регулирования, притом регулирования именно на законодательном уровне. И наше современное государство уделяет большое внимание данному вопросу. Оно

старается в полной мере заботиться о государственных гражданских служащих, обеспечивая достойный уровень их социальной защиты. Посредством этого оно выполняет важнейшую задачу – привлечение и удержание на государственной службе действительно высококвалифицированных и эффективных работников.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Конституция. (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 29.05.2018).

2. Российская Федерация. Законы. О государственной гражданской службе : федеральный закон от 27 июля 2004 № 79-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.04.2018).

3. Калмыков Н. Н., Краснопольский И. А. Реформирование системы государственной службы Российской Федерации // Вестник Московского университета. 2016. № 2.

4. Наумов С. Ю. Итоги реформ и перспективы развития государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации // Власть. 2009. № 9.

5. Цуциев М. А. Государство. Государственная служба в трехлетней перспективе // Бюджет. 2016. № 3.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ВОЛОНТЕРА

Л. В. Гудакова, В. О. Остапенко, Е. А. Чернышев,
А. И. Шереметова (Краснодар)

Кто такой волонтер? Человек в форме, с широкой улыбкой, размахивающий руками в приветствии? Герой, помогающий справиться с последствиями чрезвычайных ситуаций? Социально активный гражданин, которому некуда девать энергию? Мы, по-прежнему, сталкиваемся с отсутствием конкретизации при анализе данных для создания описательных характеристик, когда пытаемся составить собирательный портрет современного добровольца.

Зачем мы делаем это? Для чего нужен портрет добровольца? Именно для того, чтобы изучить причины, по

которым молодые люди становятся волонтерами, проблемы, с которыми они сталкиваются; чтобы понять, чем руководствуются девушки и юноши, когда безвозмездно совершают добрые дела; чтобы узнать, какие они современные волонтеры; в будущем распознавать потенциальных волонтеров в окружающих нас людях, а также чтобы вовремя диагностировать потенциал молодого человека и направлять его в «правильное русло».

В словаре С.И. Ожегова «волонтерство» означает добровольное выполнение обязанностей по оказанию безвозмездной социальной помощи, услуг, добровольный патронаж над инвалидами, больными и престарелыми, а также лицами и социальными группами населения, оказавшимися в сложных жизненных ситуациях [5]. Из этого следует, что, казалось бы, синонимичные термины не всегда соотносятся в одном контексте. Сегодня действующее законодательство Российской Федерации использует термины «доброволец» и «волонтер», вкладывая в них не совсем идентичное содержание. Согласно статье 5 ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» добровольцы – физические лица, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг (добровольческой деятельности) [2]. В пункте 3.1 статьи 2 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» указано, что волонтеры – граждане Российской Федерации и иностранные граждане, участвующие на основании гражданско-правовых договоров в организации и (или) проведении физкультурных мероприятий, спортивных мероприятий без предоставления указанным гражданам денежного вознаграждения за осуществляемую ими деятельность [3].

На основе вышеизложенного, выяснилось, что законодатель рассматривает волонтерство как разновидность добровольчества в строго определенной сфере. В то же время, статья 2 законопроекта «О добровольчестве (волонтерстве)» утверждает, что эти термины синонимичны и предполагают одинаковый объем прав. Так же это подтверждается на современном этапе, после внесения соответствующих поправок в ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)» от 5 февраля 2018 г. [2].

Неслучайно 2018 г. признан годом добровольца (волонтера). Данный факт существенно вносит вклад в поддержание и развитие добровольческого движения в стране. Организованное государственное, материальное, административное, социальное и информационное сопровождение деятельности волонтеров приведет к институционализации добровольчества в качестве социального института. Это обуславливает наличие предпосылок возрождения адресной добровольческой помощи нуждающимся в ней людям.

Примечательно, что в настоящее время добровольческий труд не является оплачиваемым, что для современного молодого человека, по понятным причинам, могло быть в приоритете в выборе рода занятий, но следует отметить важность того, что в ходе добровольческой деятельности человек может приобрести бесценный опыт общения с другими людьми, профессиональные знания и умения. Данный факт обуславливает актуальность исследования социально-психологических мотивов и предпосылок волонтерской деятельности. Что определяет возможности волонтеров и их потенциал, каковы мотивы участников добровольческой деятельности, от чего зависит гражданская активность и способность людей к позитивным изменениям в социальной среде – найти ответы на эти вопросы мы попытались в нашем исследовании.

Для анализа специфики волонтерского движения и выявления особых отличительных социально-психологических черт молодых людей, занимающихся добровольческой деятельностью, было проведено интервьюирование. По процедуре проведения интервью осуществлялось очно. Всего было опрошено 30 респондентов. Из них 22 чел. – студенты высших учебных заведений, 3 чел. – студенты средних специальных учебных заведений, 4 чел. – респонденты, уже получившие высшее образование, на данный момент работают, и 1 чел. – временно безработный, с высшим образованием. В результате качественного анализа транскриптов интервью выяснилось, что для большинства опрошенных респондентов, волонтерская деятельность – это, прежде всего, безвозмездная помощь людям, и только 3,3% опрошенных считает, что волонтерство должно поощряться. Основными причинами, по которым респонденты начали заниматься волонтерской

деятельностью, являются не только поощрение (3,3%), но и интерес (16,6%), возможность получения опыта работы с людьми (33,3%), потребность в общении с единомышленниками (13,3%), получение положительных эмоций (10%), а также желание помогать людям (23,3%). Следовательно, волонтерами движет не только стремление к самоутверждению, но и приверженность гуманизму.

В ходе проведения интервью было выявлено, что большинство респондентов считают, что существует три типа волонтеров: волонтер-альтруист (50,0%), волонтер-прагматик (33,3%) – тот, кто занимается добровольчеством не только во благо общества, но, прежде всего, для реализации личных целей (карьера, профессиональный опыт), а также смешанный тип волонтерства (16,6%), который соединяет в себе два выше перечисленных типа.

В ходе проведения интервью респондентами были выделены факторы, препятствующие эффективному развитию добровольцев в волонтерской деятельности. Наиболее упоминаемые: нехватка информированности (63,3%), нормативно-правовой обеспеченности (30%), административной поддержки и поощрения (16,6%), недостаточное количество времени (60%), слабое информационное сопровождение проводимых мероприятий (50%).

Результат показал следующее.

1. Большая часть интервьюируемых участвует в различных практиках волонтерской деятельности, что обуславливает наличие мотивации в этой сфере среди молодежи.

2. Социально-психологические составляющие личности волонтера влияют на эффективность его социальной активности, определенные социально-психологические характеристики являются способом более эффективной реализации социального потенциала добровольцев.

Резюмируя вышесказанное можно отметить что, благодаря разработанному социологическому инструментарию, удалось проследить некие тенденции. У большей части молодых людей отсутствует видение волонтера как отрицательного героя, что позволяет говорить о том, что волонтер имеет набор позитивных характеристик, которые положительно сказываются на восприятии его общественностью, а именно современной молодежью.

Восприятие добровольца как личности, имеющей определенный набор социально-психологических характеристик, обуславливает, с одной стороны, наличие «позитивного» фактора социальной активности, с другой – специфику волонтерского движения.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 05.05.2014) [Электронный ресурс] : СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162618/ – (дата обращения: 29.04.2018).

2. Российская Федерация. Законы. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)». Федеральный закон от 5 февраля 2018 г. N 15-ФЗ [Электронный ресурс]: СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289772 (дата обращения: 01.05.2018).

3. Российская Федерация. Законы. «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 06.04.2015) [Электронный ресурс] : СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177651/ (дата обращения: 01.05.2018).

4. Богданова Е. Волонтерская деятельность как фактор формирования положительной мотивации подростков на участие в социальной деятельности // Жасstar. 2009. №1 (19).

5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. М., 2012.

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ И РЕШЕНИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ С УЧЕТОМ ЭЛЕМЕНТОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

К. А. Звягин, Л. Ф. Пронина (Челябинск)

Общеизвестно, что философия управления исследует феномен управления как специфический и относительно самостоятельный

компонент общественных и межличностных отношений. Особенности современной философии управления связаны с учетом превращения существующего общества в сетевое. Поэтому одной из важнейших задач философии управления образованием выступает акцентирование внимания на особый ее компонент – кластерный подход, природа которого базируется на понятии «сети», «сетевом принципе». Сетевой принцип выступает как методологический регулятив, требования которого основываются на потребности, способности и готовности педагогических работников формировать, развивать и сохранять единство и целостность социально-педагогического и образовательного взаимодействия, партнерства и взаимосвязей, обеспечивать высокую степень согласованности и скоординированности между коллективными и индивидуальными субъектами. Кластерный подход в исследовании и решении управленческих проблем образования начинает выступать «стержнем», «основной осью» общей политики образовательных организаций, принявших решение о сетевом сотрудничестве. Использование элементов сетевого подхода в образовании, как правило, не выступает принципиально новой проблемой для преподавательского состава. Эти элементы изучались и претворялись на том или ином уровне при создании территориально-распределенной, диверсифицированной системы образования, при организации стратегического партнерства, при попытках предоставления распределенного и трансграничного образования. При этом гуманитарно-педагогический университет в своей философии управления стал отходить от инсорсингового типа вхождения в социально-экономическое и образовательное пространство в пользу аутсорсингового типа. Постепенно вуз стал создавать предпосылки превращения в организацию, характеризующуюся рядом сетевых признаков (приобретение отдельных свойств «системного интегратора» и «оболочечной организации», связывающих большое количество стратегических партнеров и стейкхолдеров – заинтересованных лиц). Гуманитарно-педагогический университет, приобретающий сетевые признаки, стал более эффективно реализовывать маркетинговые стратегии, бенчмаркинг, франчайзинг, электронные средства и технологии обучения. Федеральный закон «Об образовании в Российской

Федерации» [1] ставит перед образовательной системой стратегические задачи (продвижение российского образования в международных рейтингах, развитие международной и внутрироссийской академической мобильности, повышение конкурентоспособности, инновационности и т.п.), актуализирует и выдвигает на первый план кластерную проблематику, а также информационную безопасность персональных данных. Благодаря данному закону появилась нормативно-правовая база для исследования и реализации кластерного подхода в сфере образования. Эта роль заключается прежде всего в учете того факта, что феномен «сети» относится к отличительным чертам наступающей постиндустриальной эпохи (эпохи «сетевое общества») [4].

Сетевой принцип обозначает новый подход к изучению, прогнозированию, проектированию и преобразованию социальных процессов, в том числе и образования. Он находится в органической связи с компетентностным подходом. Перспективы развития всех сторон общества, в том числе и образования, предполагают освоение сетевого принципа с целью разработки кластерной проблематики в сфере образования. В федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» в нормативно-регулятивном виде указывается, что сетевая форма предполагает обеспечение возможности «освоения обучающимся образовательной программы с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе иностранных, а также при необходимости с использованием ресурсов иных организаций. В реализации образовательных программ с использованием сетевой формы наряду с организациями, осуществляющими образовательную деятельность, также могут участвовать научные, медицинские организации, организации культуры, физкультурно-спортивные и иные организации, обладающие ресурсами, необходимыми для осуществления обучения, проведения учебной и производственной практики и осуществления иных видов учебной деятельности, предусмотренных соответствующей образовательной программой» [1].

Таким образом, с учетом накопленного отечественного и зарубежного опыта сетевой принцип позволяет осуществить

философско-концептуально-методологическое осмысление, прогнозно-проектно-конструктивную разработку и методико-технологическое разрешение проблем сетевых форм реализации образовательных программ во всех подсистемах подготовки, переподготовки и дополнительного профессионального образования педагогических, управленческих и научно-педагогических кадров. В гуманитарно-педагогическом университете происходит систематическое развертывание сетевой деятельности с учетом преемственности целенаправленной работы по дальнейшему качественному преобразованию существующей территориально распределенной системы образования в свете кластерного и компетентностного подходов. Данные преобразования направлены на обеспечение доступности широкому спектру населения (российским и иностранным гражданам) качественного высшего и (или) дополнительного профессионального образования по месту проживания на российской территории, а также на продвижение экспорта российского образования путем обучения соотечественников и иностранных граждан, проживающих за рубежом. Эти изменения сочетаются с качественной перестройкой всех видов профориентационной деятельности с целью проведения эффективного профотбора и профнабора контингента абитуриентов. На примере Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (ЮУрГГПУ) в формате кластерного и компетентностного подходов просматриваются обновленные контуры системы образования. Реализуется непосредственное создание образовательных альянсов на основе установления договорных отношений в сетевом формате с обязательным соблюдением принципов информационной безопасности персональных данных [3].

С целью теоретико-методологического обоснования и методического обеспечения реализации сетевых форм и технологий используются возможности Челябинского центра – регионального отделения Научного совета по философии образования и проблемам методологии исследований в образовании Российской академии образования.

Таким образом, актуализированный кластерный подход вместе с компетентностным, реализующийся на разных уровнях

отечественного и трансграничного образования, придают системе образования ЮУрГГПУ новый импульс качественного ее обновления.

Однако при этом возникает ряд проблем: отсутствие необходимой теоретико-методологической базы исследования проблемы сетевой формы реализации образовательных программ; необходимость устранения доминирования эмпирического уровня, эпизодичности и фрагментарности в разработке программно-методического, технологического обеспечения и осуществления сетевой формы реализации образовательных программ; перевод из стадии потенциальности в стадию актуальности уже заключенных договоров, предполагающих сетевое сотрудничество, с зарубежными стратегическими партнерами; системной переподготовки всего кадрового потенциала подсистем образования с целью развития у него методологического потенциала и реализации его кластерного компонента, кластерного подхода к разработке образовательных программ и преобразованию целостного образовательного процесса; защиты информации, построения комплексных систем оценки возможных угроз, создания защищенных информационно-телекоммуникационных систем и средств защиты информации [2].

В этой связи перед гуманитарно-педагогическим университетом в целом встают задачи, требующие первоочередного значения.

1. Разработка механизмов (процедур, рекомендаций) совместной деятельности по созданию сетевых учебных планов, сетевых образовательных программ (модулей и т.п.), а также создания сетевых кластеров организаций с учетом уровня информационной безопасности персональных данных.

2. Совершенствование технологической базы сетевого взаимодействия: педагогические и информационные технологии (вебинары, облачные технологии, файлообменники и т.д.) с достаточным уровнем информационной безопасности персональных данных.

3. Разработка комплектов нормативно-правовой документации для всех субъектов-сторон сетевого взаимодействия с обязательным учетом принципов информационной безопасности.

5. Системная переподготовка всего кадрового состава с целью развития кластерного подхода в системе образования, создания

эффективных механизмов управления образовательными системами, использования современных информационно-технического оборудования, повышения уровня информационной безопасности персональных данных и т.п.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.05.2018).

2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 02.05.2018).

3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.05.2018).

4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под ред. О. И. Шкаратана. М., 2000.

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС ГОСУДАРСТВА

В. А. Катрунов, Э. Р. Фахрудинова, М. Н. Кузнецова (Саратов)

Проблема здоровья была и остается одной из главных для человечества, и степень внимания, которое гуманитарные науки и медицина уделяют ей, равняется его значению для нормального современного развития человека и общества в целом. Исследование здоровья как наиболее важной проблемы подчеркивает современное видение человека с позиции его сложного взаимодействия с окружающим миром. Здоровье является основной формой жизни человека.

Значимость категории здоровья, как одной из основных среди ценностей человека, раскрывается на примере того, что без учета настоящего уровня и состояния здоровья населения становится невозможной системная оценка характеристик общества. Нельзя точно указать направления, формы и способы организации социальной жизни, а также резко снижается способность грамотно

и целостно решать стратегические задачи развития экономики, политики и массовой культуры.

Тема здоровья специфическим образом раскрывает перед нами два явления: в первую очередь, это влияние социальных, культурных и экономических факторов, а также способность человека контролировать и управлять процессами окружающей среды, обеспечивающими условия здорового и активного образа жизни. Немаловажной составляющей является так же мотивация человека на такой образ жизни, установка на здоровье, понимание его персональной значимости.

Картина здоровья раскрывается через многообразие социального, физического и духовного состояния, как индивида, так и общества. Следовательно, здоровье в обществе – это один из важнейших показателей социального благополучия; явление, позволяющее охарактеризовать уровень развитости общества.

Общественное здоровье складывается из здоровья каждого отдельного его представителя. А это означает что, чем лучше показатели состояния здоровья отдельного человека и чем дольше оно находится на оптимальном уровне, тем выше потенциал положительного развития общества.

Несомненно, охрана здоровья граждан не должна сводиться лишь к оказанию квалифицированной медицинской помощи. Основными целями, прежде всего, являются: создание благоприятной среды обитания, обеспечивающей высокий уровень качества жизни; производство и распределение безопасных пищевых продуктов и чистой воды; ведение грамотной демографической политики; активный образ жизни и самоохранительное поведение людей; снятие стресса.

На сегодняшний день изменилась структура заболеваемости, главным образом, в сторону увеличения количества хронических неинфекционных заболеваний, а, следовательно, и их доли. В связи с этим возникла необходимость в исследовании самоохранительного поведения, результатами которого стали выработанные поведенческие стереотипы реальных и потенциальных больных. Главную роль в изучении самоохранительного поведения сыграли, главным образом, исследования ценностно-мотивационной структуры личности и

ценности здоровья в этой структуре. Другими словами, произошли радикальные изменения в политике охраны здоровья.

В 1994 г. была составлена «Глобальная повестка дня для биоэтики» – декларация, которая имела важное значение для исследуемой проблемы. В ней были выделены несколько положений:

- необходимо выработать механизмы, которые предоставят каждому возможность осознанно участвовать в разработке политики области здравоохранения и медицинских услуг;
- главным принципом для политики в области здравоохранения является справедливость;
- общество, а также отдельные граждане должны быть учтены при определении сути и качества мер по охране здоровья;
- медицинские услуги должны быть эффективными, квалифицированными, доступными, необременительными, предоставляться с состраданием и быть социально приемлемыми.

Система здравоохранения нашей страны реформируется медленно и сложно. Безусловно, необходимо время, чтобы до конца прояснились многие детали, и были смягчены или предотвращены ценностные конфликты, которые неизбежно возникают в ходе их проведения.

Реформирование имеющейся системы здравоохранения РФ должно быть подчинено реализации четырех основных принципов, таких как: 1) социальной справедливости и общедоступности медицинской помощи; 2) расширения и предоставления минимума медицинских услуг при минимальной их стоимости; 3) оптимизации соотношения распределения государственных ресурсов и стоимости медицинских услуг; 4) свобода выбора медицинских услуг.

Главными задачами государства следует обозначить оптимизацию условий труда и отдыха, оптимальное питание, обеспечение профилактики и лечения заболеваний на уровне каждого конкретного человека.

При разработке долговременной политики реформирования и, естественно, развития здравоохранения необходимо, сохранив преимущество прежней системы, придать ей большую гибкость и эффективность.

Следует создать определенную конституционно-законодательную базу, которая обеспечит настоящую заинтересованность всех институтов негосударственных структур, общества в целом и каждого отдельного гражданина в сохранении здоровья, работоспособности и трудового долголетия населения страны.

На сегодняшний день требуется всенародная программа по охране общественного здоровья, которая будет ориентирована как на больного, так и на здорового человека, и способная на своевременное выявление факторов риска, раннюю диагностику, эффективную корреляцию патологии и профилактику заболеваний.

Должна быть оказана значительная помощь и поддержка медицине, которая является основой профилактики и лечения болезней и создания системы наблюдения и мониторинга здоровья населения.

Сегодня здоровье видится нам как некое состояние, позволяющее вести активную в социально-экономическом плане жизнь. Помимо этого, необходимо перераспределение акцентов с продолжительности жизни (характеристики, с которой традиционно идентифицировалось понятие здоровья) на продолжительность здоровой жизни, т.е. без болезней и инвалидности. Другими словами, должна смениться устоявшаяся парадигма развития системы здравоохранения и наших представлений о ценности здоровья.

Здоровье – модель поведения, ориентированная на определенные ценности; наш повседневный выбор. Именно в этом проявляется социальная культура человека, образ его мышления и действий. Таким образом, здоровье – это одно из проявлений нашей сущности, определяющее качество жизни человека.

КОНСТРУКТ ПОЗИЦИИ В ПРАКТИКЕ ОБРАЗОВАНИЯ

А. Н. Кимберг, Е. В. Складорова (Краснодар)

У научных терминов есть своя судьба: в какой-то момент они популярны, затем выходят из моды, меняют научную прописку, начиная работать в иных областях, и становятся достоянием

процесса истории. Но бывает так, что человечество, не проработав до конца какое-то противоречие, встречается с ним на следующем витке и не находит средств описания проблемы. В поисках понятия оно вдруг вспоминает, что такое уже было, и актуализирует хорошо забытый, а потому почти что новый термин. Это в полной мере относится к понятию «позиция». Несколько десятилетий назад он активно развивался в двух направлениях: наиболее творческих линиях отечественной коллективистской педагогики и методологическом движении школы Г.П. Щедровицкого. Не случайно понятие «позиция» оказалось работающим в период разветвленных коллективистских отношений в обществе и ушло в относительное забвение со сменой официальной идеологии. Качели качнулись в сторону «недобранного» ранее индивидуализма и принесли с собой новые фокусы внимания теоретиков. Но жизнь-то не изменилась и базовые отношения в ней все те же. Необходимость коллективной деятельности в образовательном процессе, провозглашенная в конструктивистской педагогике, и, соответственно, желание понимать ее механизмы возвращает нас к надежному инструменту концептуализации – понятию «позиция».

В общем смысле позиция понимается как некоторое положение или расположение. В психологии позиция понимается как «устойчивая система отношений человека к определенным сторонам действительности, проявляемая в соответственном поведении и поступках» [12]. Позиция является развивающимся образованием, а ее зрелость характеризуется непротиворечивостью и относительной стабильностью [12].

Социологи полагают, что позиции «позволяют индивиду или социальной группе идентифицировать себя в качестве субъектов социального взаимодействия <...> позиция предполагает наличие специфической "точки пересечения" дискурсов и функционирует фактически как механизм переключения каналов социальной коммуникации» [13].

А.Н. Леонтьев писал о позиции как о качестве, способствующем формированию личности как субъекта общественных отношений, принадлежащем сфере мировоззрения и жизненных отношений [7]. С.Л. Рубинштейн описывал позиционную развитость личности в прямом соответствии со степенью её мировоззренческой

определённости [10]. Таким образом, «если у А.Н. Леонтьева позиция имеет качества условия развития сознания и личности, то у С.Л. Рубинштейна она является показателем их зрелости» отмечает Л.И. Ключкова [6]. В.Н. Мясищев указывал, что в отношениях выражается интегральная позиция личности [9, с. 210]. В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев выделяют две составляющие в позиции: внутреннюю, отображающую сферу сознания, ценностей, интересов, установок, ориентаций, отношений; и внешнюю, которая обнаруживается в деятельности и поведении [11]. А.К. Маркова рассматривает в качестве позиций «устойчивые системы отношений учителя (к ученику, к себе, к коллегам), определяющие его поведение» [8, с. 9]. Она предлагает различать общую профессиональную позицию и конкретные профессиональные позиции [8].

Позиция может развиваться, то есть изменяться соответственно личностному росту человека. Она может также изменяться в связи с изменением обстоятельств деятельности или лучшим пониманием субъектом своей цели и имеющихся средств. Так, существует проблема «изменения распространённой позиции преподавателя-информатора, источника знаний, контролера на позицию фасилитатора», – пишет И.А. Зимняя [3, с. 77].

«...позиция определяется особой конфигурацией действенных отношений с другими участниками процесса, а также специфичными для них способами действия», – отмечает А.Н. Кимберг [5, с. 88]. Для позиции также важны ценности или базовые диспозиции личности. «Чтобы устанавливать отношения к новым элементам ситуации <...> необходимы некоторые очень общие принципы, делающие эту позицию именно ею, а не чем-то иным» [5, с. 88].

Итак, позиция есть феномен системы отношений человека. Она возникает в отношениях и реализуется в отношениях. Где и в чем мы видим действенные отношения в социальном мире? Прежде всего, в системах деятельности, которые задают свои требования к людям, «заполняющим» их. Именно в совместной деятельности задаются те отношения, которые затем переживаются, осознаются и при необходимости концептуализируются ее участниками.

Но описать позицию как производную от структуры взаимодействия сущность представляется недостаточным. Это

всего лишь фиксация нашего взаимодействия с «социальными машинами», к которым мы относим как социальные институты и производственные организации, так и обеспечивающие их деятельность культурные схемы взаимодействия людей.

В этой логике мы можем получить представления о позиции, которые в пределе будут близки к конструкту «трудовой пост» в психологии труда, а желание увидеть структуру позиции разрешится составлением списка функциональных обязанностей и требуемых ими компетенции. Нечто подобное мы наблюдаем сейчас во внедряемой в высшей школе организации образовательного процесса. Однако свести отношения человека к миру к отношениям с работодателем и супермаркетом не получится.

Человек с определенной стадии развития задается вопросом о смысле своего существования и, соответственно, смысле того, что он делает. Каждый из нас на фоне и в условиях больших социальных процессов реализует свой личный проект, наделяющий мир смыслами и «бессмыслами». Поэтому необходимо различать отношения и позиции, задаваемые функционированием в составе «социальных машин», и отношения к сущностям, находящимся в пространстве развития личности.

Обратимся к образовательному процессу и объяснительным и проектно-конструктивным возможностям в нем понятия «позиция». Известно, что позиции взаимодополнительны: занятие участником взаимодействия одной позиции приглашает или побуждает других участников занять дополнительные к ней позиции. Отчетливо заняв во взаимодействии определенную позицию, мы предлагаем другим участникам деятельности соответственно сменить и их позиции.

Когда этот акт происходит в взаимодействии «по-настоящему», то от такого предложения трудно отказаться. Если же мы понимаем позицию только как сугубо наше психологическое достояние и «меняем» ее, делая соответствующие позитивные заявления, то не происходит ничего. Несмотря на намерения предопределённость позиции педагога как «воздействующего на ученика» предопределяет позицию учащегося как «объекта этого воздействия». Как бы ни был искусен преподаватель и одарён

ученик, подобная диспозиция остаётся неизменной, поскольку как ни кричи «халва!», во рту сладко не будет.

Однако если вам удалось изменить деятельностное отношение, то добиться его осознания просто необходимо. В.П. Бедерханова отмечает, что методика (т.е. способ действий) без идеологии, придающей ей смысл, бессильна [1, с. 225]. Это действительно так, поскольку фактическое отношение без его осознания не позволяет его участнику стать его субъектом.

Задача найти такую деятельность, которая могла бы быть вписана в существующий образовательный процесс, но при этом позволяла бы изменить позиции участников так, чтобы обучающиеся могли бы развернуть собственные системы выработки и присвоения знания, уже ставилась в отечественной педагогической психологии (В.П. Бедерханова). Её решение было связано с проектировочной деятельностью. Совместное участие в проектировании задает субъектную форму участия человека в социальном самоуправлении, развивает умения самоопределения, коллективной работы, помогает осваивать представления о различных видах и уровнях отношения в группе [2].

Проектировочная деятельность и сейчас остается мощным средством освоения обучающимися новых отношений и позиции в системе социальных и межличностных отношений. Но у нее есть фактические ограничения, главное из которых – трудности в реализации проектов. Большинство из проектов, выполненных в ходе проектировочной деятельности в образовательном процессе, остаются на полке, что делает и это направление игрой, то есть деятельностью «понарошку», не встроенной в «настоящую» жизнь.

Нам удалось выделить еще один вид деятельности, который при надлежащей организации способен позитивно изменить позиции его участников. Речь идет о комментировании текстов, которые в рамках освоения учебных дисциплин прорабатывают студенты.

Почему мы считаем комментирование ключевым способом изменения позиций участников образовательного процесса? Изменим позиции, предлагаемые студентам: теперь они готовят доклад по теме не для преподавателя и не для своей оценки, а для того, чтобы раскрыть тему своим одноклассникам (фактически, чтобы помочь им освоить материал). При этом они относятся к автору текста, как к человеку, который до них решал эту же задачу

и решил ее более или менее успешно. Это дает им «разрешение на критику» изучаемого текста. Чтобы изменились позиции студентов, меняет собственную позицию и преподаватель. По отношению к рассматриваемому тексту он становится одним из комментаторов, причем его комментарии тоже становятся предметом критического обсуждения.

Почему это не игра? Ведь уровень знаний преподавателя (по умолчанию) должен быть выше, чем у студента, соответственно он должен был бы знать ответы на вопросы. Он их и знает, но только на те вопросы, которые сам задает. Но комментирование, по сути, порождает новый текст на основе исходного: студент становится со-автором нового текста, поскольку в своем докладе он представляет аудитории и взгляды автора базового текста, и свой комментарий к ним. Текст в таком исполнении оказывается новым не только для зрительской аудитории, но и для преподавателя, а те вопросы, которые могут возникнуть в аудитории, рискуют оказаться новыми абсолютно для всех участников.

Лучше всего эту ситуацию описал В.П.Зинченко: «Есть два субъекта знания, между которыми происходит диалог, разговор (договор, уговор). И они оба противостоят объекту или предмету знания. И оба полностью не знают его, так как учитель дает понять ученику, что предмет живой, развивающийся» [4, с. 102]. И это настоящая ситуация, которая требует ее проживания по-настоящему от всех участников. Собственно говоря, достичь этого состояния нам и хотелось бы.

Библиографический список

1. Бедерханова В. П. Личностно-профессиональная позиция в контексте становления гуманистической реальности в образовании // В поисках гуманистической реальности: сб. науч. тр. Краснодар, 2007.
2. Бедерханова В. П. Совместная проектировочная деятельность как средство развития детей и взрослых // Развитие личности. 2000. №1.
3. Зимняя И. А. Педагогическая психология. Ростов н/Д, 1997.
4. Зинченко В. П. Психологическая педагогика. Часть I. Живое Знание. Самара, 1998.
5. Кимберг А. Н. Конструкт позиции как инструмент самоорганизации в профессиональном образовании психолога // Образовательные технологии. 2009. № 4.

6. Ключкова Л. И. Ресурсное обеспечение развития воспитания в системе образования: вопросы теории: монография. М., 2012
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
8. Маркова А. К. Психология труда учителя. М., 1993.
9. Мясищев В.Н. Психология отношений / Избранные психологические труды / под ред. А. А. Бодалева. М., 2004.
10. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
11. Слободчиков В. И., Исаев, Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. М., 1995.
12. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. М., 1998.
13. Социология: энциклопедия / под ред. А. А. Грицанова и др. Минск, 2003.

ФИНАНСОВЫЙ САМОКОНТРОЛЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ЭФФЕКТИВНОГО ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ¹

О. В. Киреева, А. Н. Дёмин (Краснодар)

Современная экономическая ситуация характеризуется высокой динамичностью. Колебания на финансовом рынке отражаются не только на государственной экономике, но и на финансах домохозяйств (на получаемых доходах и тратах, на сбережениях и заимствованиях). Результаты успешного или убыточного распоряжения и управления личными и семейными финансами влияют на благополучие и возможность удовлетворения потребностей всех членов семьи. В таких условиях от личности требуется умение ориентироваться в условиях неопределенности, принимать экономически оправданные решения и тем самым реализовывать эффективное финансовое поведение. Традиционно в его структуре выделяют потребление (денежные траты), сбережение, заимствование, инвестирование, страхование.

Проблема финансового поведения изучается в рамках психологических исследований через поиск его детерминант и регуляторов. В большинстве случаев исследователи сходятся во

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 18-013-01176 А

мнении, что поведение личности в сфере финансов описывает взаимоотношения между субъектами в экономической ситуации, основанные на социальных обменах, предполагающих затраты и компенсации каждого из участников. В таком случае эффективным будет такое финансовое поведение, в котором реализуется оптимальное сочетание индивидуальных предпочтений, затрачиваемых усилий и получаемого вознаграждения, обеспечивающего максимально возможное улучшение благосостояния субъектов.

Достижение такого успешного результата обеспечивается соблюдением личностью ряда условий. От неё требуется:

- способность управлять своими многообразными, возникающими в данный момент, побуждениями и желаниями;
- в процессе их удовлетворения соотносить их с целью деятельности;
- направлять свою активность в соответствие с ограничениями и возможностями ситуации на финансовом рынке;
- активизировать или сдерживать субъектные проявления в соответствие с требованиями и задачами финансовой деятельности;
- реализовывать активность, несмотря на трудности и ошибки.

В работах О.А. Конопкина, В.И. Моросановой и их последователей доказано, что успешность практической деятельности обеспечивается сформированностью у личности системы регуляторных психических функций. При этом, как указывают исследователи, эффективность выполнения деятельности снижается в случае недостаточной реализации какого-либо функционального компонента саморегуляции, неразвитости межфункциональных связей.

Особую роль в данной системе авторы подхода отводят таким регуляторным процессам, как контроль, оценивание и коррекция субъектом своей активности. Их уникальность заключается в том, что на каждом этапе процесса достижения цели личность осуществляет контроль актуального состояния системы и результатов действий путем их сличения с прогнозируемыми параметрами, оценку рассогласования и принятие решения о коррекции исполнительских (управляющих) действий или о

переходе к следующей стадии реализации деятельности (О.А. Конопкин).

В центре нашего исследования финансового поведения находится такой личностный ресурс, как финансовый самоконтроль. Данное понятие является популярным в прикладных работах, в рамках тренингов, направленных на развитие умения управлять финансами домохозяйства. Однако понятие «финансовый самоконтроль» нуждается в научном обосновании.

В рамках одной из традиций самоконтроль рассматривается как ресурс личности, позволяющий достигать успеха в учебной и профессиональной деятельности (У. Мишел, Р. Вольф, С. Джонсон, Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин и др.). Подчеркивается, что самоконтроль помогает реализации поведения, близкого к эталонному, социально желательному, эффективному. В этом варианте трактовки самоконтроля он считается инструментом сравнения, оценки, корректировки активности в соответствии с моделью успешности результата.

Рассмотрим особенности самоконтроля личности в сфере финансового поведения. Под финансовым самоконтролем будем понимать способность индивида управлять своим финансовым поведением и эмоциями в ситуации потребления, инвестирования, займа, сбережения денежных средств, обдуманно реагировать на происходящие события и прерывать действия потребления, инвестирования, займа или сбережения денежных средств, обусловленные нежелательными импульсами и эмоциями.

Субъекты финансового поведения могут различаться по степени и характеру контроля по отношению к различным деятельностным подсистемам (О.А. Конопкин). Так, индивидуальные различия могут проявляться в склонности к максимальной частоте (непрерывности) контрольных оценок по ходу деятельности; в степени расогласований, вызывающих коррекцию действий; в склонности к превентивным коррекциям действий при результатах, отклоняющихся от идеала, но уже соответствующих заданным критериям (нормам), и т.п. Индивидуальные различия могут проявляться и в тенденции к завышению или занижению строгости субъективных критериев оценки реальных результатов или способов действий по сравнению с нормативно заданными (О.А. Конопкин).

Субъектный подход позволяет выделить следующие гипотетические компоненты финансового самоконтроля как ресурса субъекта финансового поведения: 1) принятие на себя ответственности за изменения финансовой ситуации; 2) поэтапное отслеживание своего финансового поведения и управление им в противоречивых ситуациях; 3) соотнесение своего финансового поведения в каждый момент с определенным критерием, который выступает как цель изменения поведения; 4) оценивание своего успеха или неудачи в достижении этого критерия с помощью самопоощрения или самокритики.

Данная структура финансового самоконтроля опирается на модель осознанной регуляции поведения и своим прототипом имеет рационального субъекта. Возможны и другие представления о структуре финансового самоконтроля, учитывающие эмоционально-волевые, самооценочные характеристики субъекта деятельности, его временные ориентации и стилевые особенности планирования действий.

САМОКОНТРОЛЬ КАК РЕСУРС ЗРЕЛОЙ ЛИЧНОСТИ²

О. В. Киреева, И. А. Помазан (Краснодар)

Проблема зрелости личности особенно остро встает в современных условиях неопределенности и нестабильности, как в межличностных отношениях, так и в профессиональном взаимодействии. Современный человек все чаще ищет пути «беспроблемной», ненапрягающей жизни и легких решений сложностей, с которыми он сталкивается. Распространенными становятся факты неисполнения обязательств, например, уклонения от возврата кредитов, долгов, уплаты алиментов, штрафов, налогов. Последствия неготовности и нежелания нести ответственность, ориентироваться в поступках и жизненных выборах не только на себя, но и на других людей порождают

² Исследование выполнено при финансовой поддержке отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 18-013-01176 А

данные актуальные социальные проблемы. Личность, имеющую подобные поведенческие проявления, можно ли назвать зрелой?

В данной статье рассмотрим показатели личностной зрелости, в частности, сущность самоконтроля как ресурса зрелой личности.

Для выявления содержательных характеристик зрелой личности необходимо проанализировать подходы к понятию «зрелость». Теоретический анализ показал, что феномен зрелости изучается в рамках не только психологии, но и биологии, медицины, социологии, философии и других наук о человеке, и чаще всего ассоциируется с достижением человеком определенного возраста и уровня развития. В отечественной психологии, начиная с работ Н.Н. Рыбникова, проблемой зрелости (взрослости) призван заниматься такой раздел возрастной психологии, как акмеология. Согласно возрастным периодизациям, зрелость представляет собой длительный период жизни, связанный с активностью личности в профессиональной и социальной сферах [7]. В период взрослости (зрелости) появляются такие личностные характеристики, которые связаны с субъектной активностью (умение брать на себя ответственность; уверенность в себе и целеустремленность; способность сопротивляться проблемам реальности с помощью развитой воли), реализуемые в межличностных и деловых отношениях (стремление к власти и организаторские способности; способность к эмоциональной и интеллектуальной поддержке других; стремление оказывать влияние на мир и «отдавать» индивидуальный опыт молодому поколению; стабилизация системы социальных ролей), отражающие особенности мировоззрения (склонность к философским обобщениям; защита системы собственных принципов и жизненных ценностей; формирование индивидуального жизненного стиля; реализм, трезвость в оценках и чувство «сделанности» жизни и др.) (Е.Е. Сапогова). Обозначенные качества и особенности выполняют роль ресурсов, позволяющих человеку комфортно и гармонично взаимодействовать с окружающей средой и понимать себя, эффективно решать возникающие перед ним задачи. Кроме этих личностных ресурсов, на этом возрастном этапе приобретаются физические и физиологические ресурсы (показатели физической зрелости), а также ресурсы психических познавательных, эмоциональных и волевых процессов и состояний (показатели

психологической зрелости) (Б.Г. Ананьев). Они указывают на готовность организма и психики к выполнению основных жизненных функций и успешной деятельности.

Теоретический анализ показал, что зрелость можно рассматривать не только для обозначения взрослости как возрастного периода, но и как особое качество личности, проявляющееся в процессе созревания. Согласно подходу А.А. Бодалева, формирование в разные периоды таких качеств и характеристик, которые позволяют организовать жизнь человека и успешно проявить себя в период взрослости, составляет основу достижения личностной зрелости [1]. При этом именно социальная оценка эффективности поведения и деятельности играет ключевую роль.

Проблема заключается в определении критериев зрелости человека. Теоретический анализ показал, что в психологических теориях представлен различный спектр критериев психологической зрелости. Таковыми считаются следующие характеристики и свойства личности: способность к рефлексии, готовность аккуратно выполнять предписанные ей социальные роли, способность достигать поставленной цели в соответствии с возрастными задачами и социальными ожиданиями. Например, в концепции личности Э. Эриксона, зрелость длится от 25 до 65 лет, и считается центральным этапом на жизненном пути человека. Новообразованием данного возрастного этапа является продуктивность в творчестве, профессии, воспитании и заботе о значимых других. Недостижение человеком продуктивности, инертность порождает личностный застой, кризис, сосредоточенность на себе, потерю смысла жизни. Такая личность считается незрелой.

При оценке уровня зрелости личности исследователи придерживаются позиции, что значимым показателем является не количественная составляющая активной жизнедеятельности, а качество активности человека. Именно содержательная составляющая человека преобразуется в данном возрастном периоде. Он приобретает такие характеристики, которые позволяют реализовать себя и все свои потенции в этот период расцвета. Зрелость проявляется в такой активности личности, которая, несомненно, согласована с духовностью человека,

подчинена гуманистическому идеалу. Обобщая подходы отечественных и зарубежных исследователей, А.Ю. Маленова, Ю.В. Потапова подчеркивают, что «зрелая личность должна обладать следующими качествами: 1) ответственность перед собой и обществом; 2) гуманность поступков, просоциальная направленность человека; 3) активность личности, выражающаяся в следующих критериях: особое восприятие мира как способного к потенциальному изменению посредством собственных сил, умение мотивировать себя на выполнение действия, умение выбрать дело, которому человек хочет посвятить себя, и постоянное развитие своей личности как субъекта деятельности в рамках этого дела, умение преодолевать сложности, связанные с достижением поставленных целей; 4) гармоничные взаимоотношения с окружающими, умение устанавливать долгосрочные, построенные на доверии и любви отношения; 5) независимость от внешних воздействий, суверенность в различных сторонах жизни; 6) гармоничное отношение к себе, принятие и понимание самого себя; 7) целостность, единая жизненная философия, сформированность позиций по отношению к фундаментальным мотивам» [5, с. 29].

В рамках социально-психологических исследований критерием зрелости является уровень адаптации к социальной среде. Для зрелой личности характерны неконфликтность, принятие себя и других, реализация в поведении социальных норм и ценностей. Важным является умение выстраивать и соблюдать свои и чужие границы, прогнозировать последствия своих поступков, брать на себя ответственность за себя и за жизнь других. Таким образом, в ходе изучения проблемы зрелости личности современные исследователи выделяют аспекты личностной зрелости: акмеологический, процессуально-стадиальный, ресурсно-ситуативный, видовой, личностно-инструментальный, методический [6]. В рамках нашего исследования наиболее интересным является ресурсно-ситуативный аспект, согласно которому зрелость рассматривается как состояние, заложенный в ней изначально ресурс, который она стремится выразить при наступлении определенных условий и ситуаций. Под личностной зрелостью будем понимать «определенный уровень развития личности, которая характеризуется субъектностью, определенными

характерологическими особенностями (эмоциональные и волевые качества) и специфическими личностными ценностями» [6, с.39].

Одним из показателей субъектности личности является ее способность к саморегуляции, умение владеть собой, контролировать и управлять своим поведением и состояниями. Актуальным является изучение такого важного личностно-мотивационного ресурса зрелой личности, как самоконтроль. Под самоконтролем в современной психологии понимается «способность индивида управлять своим поведением и эмоциями, обдуманно реагировать на происходящие события, воздерживаться от неадаптивного импульсивного поведения и прерывать действия, обусловленные нежелательными импульсами и эмоциями» [2, с. 47].

Можно выделить несколько линий анализа феномена «самоконтроль».

Первая линия анализа феномена самоконтроля направлена на изучение самоконтроля как средства, обеспечивающего получение личностью желаемых результатов деятельности. Например, в исследованиях поведения детей У. Мишела [9], академических достижений студентов Р. Вольфа и С. Джонсона [12], Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осина самоконтроль связан с проблемой успешности в деятельности. В рамках данного подхода самоконтроль можно назвать ресурсом личности, позволяющим достигать успеха в учебной и профессиональной деятельности. В данном случае, этот психический феномен помогает реализации поведения, близкого к эталонному, социально желательному, эффективному. В этом варианте трактовки подчеркивается функция самоконтроля как инструмента сравнения, оценки, корректировки активности в соответствии с моделью успешности результата.

Вторая линия исследований самоконтроля посвящена изучению проблемы контроля импульсивного поведения. Низкий уровень самоконтроля рассматривается как предиктор пристрастия к наркотикам, склонности к чрезмерному употреблению пищи и алкоголя, курению [10]. В рамках этого подхода также выявлена связь самоконтроля со стратегиями финансового поведения: развитый самоконтроль обеспечивает субъектам лучшее управление своими финансами, избегание импульсивных трат

денег, контроль доходов и расходов [8]. В данных работах неразвитый самоконтроль определяет подверженность риску зависимого, антисоциального поведения [3]. В таком контексте видно, что самоконтроль выполняет охранительную, сдерживающую функцию. Соответственно, самоконтроль, по А. Эллису, Г.С. Никифорову, является одним из свойств личности - показателем здоровья человека.

Представители третьего направления исследований анализируют роль самоконтроля в процессе адаптации к различного рода ситуациям, в том числе профессиональным [4]. Так, например, Ф. Ротбаум и коллеги [11] трактуют самоконтроль как способность изменяться и приспосабливаться, устанавливая более оптимальное соответствие между собой и окружающим миром. В этом подходе феномен самоконтроля связывается с феноменом саморегуляции как процесса достижения некоторого равновесия (баланса). Для изучения роли самоконтроля как показателя зрелости заемщиков в ситуации преодоления трудностей кредитования считаем наиболее эвристичным данный подход.

Полученные данные составляют методологическую основу для изучения самоконтроля личности в сфере финансовой активности и для разработки диагностического инструментария для его измерения.

Библиографический список

1. Бодалёв А. А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. М., 1998. .
2. Гордеева Т. О., Осин Е. Н., Сучков Д. Д., Иванова Т. Ю., Сычев О. А., Бобров В. В. Самоконтроль как ресурс личности: диагностика и связи с успешностью, настойчивостью и благополучием // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 2.
3. Дементий Л. И. Возрастные особенности самоконтроля, импульсивности и агрессивности школьников // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2017. № 2.
4. Дементий Л. И., Ашрапова Р. Р. Волевой субъективный контроль и самоконтроль как ресурсы адаптации личности // Психологическое, физическое, информационное насилие и пути его преодоления в современном обществе: материалы Всероссийской научно- практической конференции с междунар. участием / отв. ред. Л. И. Дементий. Омск, 2015.

5. Маленова А. Ю., Потапова Ю. В. Зрелость личности и ее критерии как предикторы изучения ситуации сепарации // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2014. № 2.
6. Ращупкина Ю. В Психологические основания структуры личностной зрелости // Северо-Кавказский психологический вестник. 2014. № 12/2.
7. Реан А. Л. Психология человека от рождения до смерти. СПб., 2002.
8. Achziger A., Hubert M., Kenning P., Raab G., Reisch L. Debt Out of Control: The Links Between Self-Control, Compulsive Buying, and Real Debts // Journal of Economic Psychology. 2015. Vol. 49. № 6.
9. Mischel W., Shoda Y., Peake P.K. The nature of adolescent competencies predicted by preschool delay of gratification // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. Vol. 54.
10. Moffitt T. E., Arseneault L., Belsky D., Dickson N., Hancox R. J., Harrington H., Sears M. R. A gradient of childhood self-control predicts health, wealth, and public safety // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2011. Vol. 108(7).
11. Rothbaum F., Weisz J. R., Snyder S. S. Changing the world and changing the self: A two-process model of perceived control // Journal of Personality and Social Psychology. 1982. Vol. 42(1).
12. Wolfe R. N., Johnson S. D. Personality as a predictor of college performance // Educational and Psychological Measurement. 1995. Vol. 55(2).

ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ» СГМУ ИМ. В. И. РАЗУМОВСКОГО

С. А. Киреева, Г. А. Акбасова, Ю. В. Курсакова (Саратов)

Актуальность исследования заключается в том, что студенты, как наиболее динамичная социальная категория, находящаяся в условиях становления личностной, профессиональной зрелости, подвержены сильным физическим, психическим нагрузкам и мало заботятся о своем здоровье. Здоровье человека неотделимо от его жизнедеятельности и ценно тем, что составляет неременное условие эффективной жизнедеятельности, через которую достигается благополучие и счастье [1].

Целью нашего исследования выступило изучение отношения к здоровью студентов специальности «Клиническая психология» СГМУ им. В.И. Разумовского.

Мы предполагаем, что существует взаимосвязь между отношением к здоровью студентов и уровнем самооценки здоровья.

В нашем исследовании приняли участие студенты 1–3 курсов специальности «Клиническая психология» Саратовского Государственного Медицинского Университета им. В.И. Разумовского в количестве 26 человек обоих полов (20 человек – девушки, 6 человек – юноши). Возраст испытуемых 18–21 год, средний возраст $19 \pm 1,75$.

Для реализации поставленной цели были использованы методики.

1. Опросник отношения к здоровью (Р.А. Березовская, 2013) [2]. Отношение к здоровью, согласно точке зрения Р.А. Березовской, Л.В. Куликова, представляет собой систему индивидуальных избирательных связей личности с различными явлениями окружающей действительности, способствующих или, наоборот, угрожающих здоровью людей, а также определенную оценку индивидом своего психического или физического состояния [4, с. 43]. Целью данной методики является выявление преобладания следующих шкал: а) когнитивной – степени осведомленности студента в сфере здоровья, понимания роли здоровья в обеспечении активной и продолжительной жизни; б) поведенческой – степени соответствия действий и поступков человека требованиям здорового образа жизни; в) эмоциональной – переживаний и чувств человека, связанных с состоянием его здоровья; г) ценностно-мотивационной – понимания степени сформированности мотивации на сохранение и укрепление здоровья.

2. Опросник самооценки здоровья (А. Вар, С. Райт, М. Снайдер, 1974 г.). Данная методика направлена на исследование самооценки испытуемым своего здоровья [3]. В соответствии с Уставом Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) под здоровьем понимается состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. При этом под физическим здоровьем понимается текущее состояние функциональных возможностей органов и систем организма. Психическое здоровье рассматривается как состояние психической сферы человека,

характеризующееся общим душевным комфортом, обеспечивающее адекватную регуляцию поведения и обусловленное потребностями биологического и социального характера. При использовании 5-балльной шкалы суммарный балл колеблется от 24 до 120. Для лиц, не страдающих тяжелыми хроническими заболеваниями, норма самочувствия по опроснику в среднем не превышает 69 баллов.

Проанализировав результаты по методике «Опросник отношения к здоровью» (Р.А. Березовская, 2013), мы выявили высокие показатели по следующим шкалам: 1) эмоциональная (среднее значение – 74,36) – у испытуемых оптимальный уровень тревожности по отношению к своему здоровью; 2) ценностно-мотивационная (среднее значение – 115,04) – ценность здоровья является достаточно приоритетной для студентов.

По результатам методики «Опросник самооценки здоровья» (А. Вар, С. Райт, М. Снайдер, 1974) мы выявили, что показатели самооценки здоровья у студентов находятся в пределах нормы. Это говорит о том, что у испытуемых средний уровень тенденции к беспокойству за состояние своего физического здоровья. Студенты удовлетворены своим соматическим благополучием, у них отсутствуют различные болезненные или неприятные ощущения. Это позволяет сделать вывод, что студенты адекватно относятся к своему здоровью.

По результатам корреляционного анализа с помощью критерия Пирсона, ($p \leq 0,05$) между шкалами методики «Опросник отношения к здоровью» (Р.А. Березовская, 2013) и самооценкой здоровья студентов выявлены следующие взаимосвязи. Умеренная положительная корреляционная зависимость между поведенческой шкалой и самооценкой здоровья ($r = 0,40$), а также эмоциональной шкалой и самооценкой здоровья студентов ($r = 0,50$).

Следовательно, гипотеза подтвердилась. У студентов специальности «Клиническая психология» СГМУ им. В.И. Разумовского отношение к здоровью и уровень самооценки здоровья взаимосвязаны. Чем выше формирование стремления, направленное на регулярное поддержание собственного здоровья и умение наслаждаться состоянием здоровья, тем выше самооценка здоровья.

Библиографический список

1. Березин И. П., Дергачев Ю. В. Школа здоровья. М., 1989.
2. Березовская Р. А. Отношение к здоровью Здоровая личность / под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2013.
3. Диагностика здоровья. Психологический практикум / под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2007.
4. Куликов Л. В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики: учебное пособие. СПб., 2011.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО РЕСУРСА

Ю. А. Кондратьев, А. Н. Демин (Краснодар)

Активация личностных ресурсов является целью и задачей многих психологических практик и направлений. Особенно это касается прикладной психологии при работе с личностью в трудной жизненной ситуации. Родившись в свое время из философии, психология не утратила стремления к универсуму как способу решения вопросов любого генезиса порожденного психикой человека. Различные направления и школы (психоанализ, бихевиоризм, гештальт и др.) стремились познать человека в его жизненных трудностях и предложить общие пути решения применимые ко всем людям во всем множестве жизненных ситуаций. Безусловно, каждое направление добилось своих успехов и результатов где-то они были значительными, какие-то остались на уровне школ и теорий. Можно предположить, что каждая психологическая мысль была хороша для своего времени и показывала наиболее выдающиеся результаты в конкретных условиях и на определенной культурно-исторической выборке. Поэтому мы считаем нужным обратить внимание на такую современную теорию и практику как экзистенциальная психология. Обращаясь к истории возникновения экзистенциального направления, отметим его философский и культурно-исторический аспект, но сначала дадим этимологию слова. Термин «экзистенция» произошло от латинского «*existentia*» – существование, данный перевод был использован и в одной из первых работ по экзистенциальной философии Г. Марсея. Его

статья, вышедшая в русском переводе как «Существование и объективность» (1914) вводит категорию «экзистенциального измерения» [3]. Впоследствии данное направление затронуло умы и многих других философов таких как Ж.-П. Сартр, К. Ясперс, С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, А. Камю, а так же психологов Р. Мэя, И. Ялома, А. Лэнгле, В. Франкла, Е. Минковски, Л. Бинсвангера, М. Босса, Дж. Бьюдженталя.

Исторически экзистенциальная философия зарождалась предвоенный и послевоенный период первой мировой войны, однако наибольший толчок получила после наиболее жестокой, второй мировой войны. Данный культурно-исторический срез следующим образом отразился в философии экзистенциалистов, например, М. Хайдеггер отмечает временность бытия: «Собственное бытие к смерти, т.е. конечность временности, есть потаенная основа историчности присутствия» [6]. Ж.П. Сартр призывает к деятельности: «Экзистенциализм – это не попытка отбить у человека охоту к действиям, ибо он говорит человеку, что надежда лишь в его действиях, и единственное, что позволяет человеку жить это, – действие» [4]. Альбер Камю предлагает бунт против бессмысленности и абсурдности: «абсурд не в человеке и не в мире, но в их совместном присутствии» [2]. И. Ялом подвел психологический итог философским размышлениям, предложив четыре фундаментальных экзистенциальных смысла: смерть, свобода, экзистенциальная изоляция, бессмысленность. Первый смысл: «противостояние между сознанием неизбежности смерти и желанием продолжать жить – это центральный экзистенциальный конфликт» [7]. Свобода выражается через неорганизованность мира, которая является лишь иллюзией: «На самом же деле индивид несет полную ответственность за свой мир – иначе говоря, сам является его творцом» [7]. Экзистенциальная изоляция раскрывается им как: «Порождаемый экзистенциальный конфликт является конфликтом между сознаваемой абсолютной изоляцией и потребностью в контакте, в защите, в принадлежности к большему целому» [7]. Бессмысленность существования он видит через «экзистенциальный динамический конфликт порождённый дилеммой, стоящей перед ищущей смысла тварью, брошенной в бессмысленный мир» [7].

Как видим такие мрачные констатации как нельзя лучше подходят для изучения личности в трудных жизненных ситуациях. Так же экзистенциальная психология нами выбрана потому, что она носит индивидуальный характер, акцентируется на индивидуальном и неповторимом бытии субъекта. Важность этого отмечают и некоторые современники, так С.Л. Соловьева в своей статье «Ресурсы личности» отмечает, что «психологи начинают переходить к иной парадигме, связанной с анализом сложных ситуаций и действий в них индивида с позиций его собственного внутреннего мира. Негативное событие, которое не вписывается в личностную теорию, по мнению автора, приводит к разрушению субъективного жизненного мира. При этом лишь сам субъект в силах изменить свою индивидуальную теорию мира и себя самого...» [5].

Анализируя данные экзистенциальные смыслы, мы рассмотрим возможности активации внутренних ресурсов человека с их помощью. Наиболее важным, на взгляд авторов, является социальная поддержка, так как требует со-бытия с другими. Так же этот ресурс может являться наиболее мощным и в тоже время последним рубежом в кризисной ситуации, когда личные ресурсы уже исчерпаны. Сложность применения этого ресурса отмечают такие авторы как Н.Е. Водопьянова и Е.С. Старченкова: «Социальная поддержка – внешний ресурс, представляющий собой весьма специфическую переменную, которая зависит от готовности личности обратиться за помощью. Способность обратиться за внешней поддержкой и принять ее – внутренний ресурс личности, который во многом обусловлен социально-психологической активностью индивидуума, формированием вокруг себя персональной «сети поддержки» и готовностью обрести ее в трудные периоды жизни» [1]. Мы полагаем интересным раскрыть внутреннюю готовность через осознание экзистенциальной изоляции. Опираясь на психоаналитическую теорию, допускаем что, вытесненное в бессознательное экзистенциальное переживание одиночества не позволяет в полной мере воспользоваться или даже создать социальную сеть. Оказавшись в трудной жизненной ситуации, чувства и эмоции человека обостряются, в том числе, и на бессознательном уровне в результате острее будет восприниматься неготовность

использовать социальный ресурс по причине переноса (в терминологии З. Фрейда) на группу в целом. Предполагаем, что помощь в диагностировании этого факта возможно с помощью теста экзистенциальных мотиваций (А. Лэнгле, П. Экхардт), тестов «Смыслжизненные ориентации» и «Методика предельных смыслов» (Д.А. Леонтьев), методики «Система жизненных смыслов» (В.Ю. Котляков), методики «Ценностные ориентации» (М. Рокича). Однако необходимо отметить, что указанные методики прямо или косвенно определяют экзистенциальность как целое, без разделения на четыре фундаментальных фактора как предлагается в этой статье. Выделяемый нами фактор экзистенциальной изоляции, наряду с другими, нуждается в своем диагностическом аппарате, пока же, дальнейшую работу по изучению психологии социального ресурса можно проводить с помощью интервьюирования, бесед и наблюдений.

Библиографический список

1. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2008.
2. Камю А., Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990.
3. Марсель Г. Метафизический дневник. СПб., 2005.
4. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989.
5. Соловьева С. Л. Ресурсы личности // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2010. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://medpsy.ru/mprj/archiv_global/2010_2_3/nomer/nomer02.php. (дата обращения: 20.05.2018).
6. Хайдеггер М. Бытие и время: статьи и выступления. М., 1993.
7. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М., 1999.

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ МЕНЕДЖЕРА В ОРГАНИЗАЦИИ

Д. А. Коржова (Донецк, ДНР)

Нынешняя ситуация в мире указывает на глобальные изменения в сфере ведения предпринимательской деятельности. Перемены

наблюдаются не только в новых методах работы, но и в психологии самих бизнесменов. Так или иначе, для того чтобы фирма была на плаву, руководству приходится сталкиваться с поиском эффективных инструментов управления [1, с. 15].

Социальная ответственность является важнейшей характеристикой личности, проявляющейся во всех сферах жизнедеятельности индивида, выступает критерием оценки его взаимоотношений и взаимодействия с другими членами социума, и занимает определенное место в системе жизненных ценностей человека. Ценности личности образуют систему ценностных ориентаций, то есть систему важнейших ее качеств, они составляют основу сознания и поведения личности, обуславливают ее развитие и формирование. Развитие системы ценностных ориентаций личности подчиняется определенным закономерностям, определяется сложным комплексом внутренних и внешних факторов. Внутренние психологические факторы и факторы внешней среды определяют особенности развития системы ценностей и ценностных ориентаций, взаимодействуя между собой при осуществлении той или иной деятельности. Именно они определяют доминирование того или иного фактора в индивидуальной системе ценностей, формируют аналогичный тип личности с теми или иными личностными качествами, в которых проявляется степень социальной ответственности человека.

В современных условиях принято считать, что если компания планирует устойчиво развиваться, то в своей деятельности она должна руководствоваться принципами социальной ответственности бизнеса. В кругу предпринимателей это понятие было переименовано на более краткую форму СОБ.

Инженеры, работавшие на заводах, чувствовали себя социально ответственными каждый раз в преддверии презентации нового изделия. С повышением потребительского спроса на результаты их труда пропорционально возрастало чувство собственной значимости. Первыми руководителями компаний, которые обратили внимание на данный нюанс, были Джерард Своуп – консультант министерства торговли и президент «General Electric», а также У. Джиффорд – президент мощнейшей на тот момент в мире компании телефонной связи «American Telephone and Telegraph Company» [4].

Задумка о социальной ответственности руководителей всех звеньев управленческой цепочки перед учредителями, а также перед персоналом, потребителями и обществом в целом стала набирать популярность и в 1930-е гг. и начала пропагандироваться во многих корпорациях, став началом зарождения новой концепции.

СОБ имеет ряд определений, дающих понять, что она не связана с пиаром, государственными социальными программами, благотворительностью. Это, в первую очередь, ответственность компании за то влияние, которое она оказывает на организации и людей, с которыми она взаимодействует в процессе осуществления своей деятельности.

Социальная корпоративная ответственность бизнеса является собой динамично меняющуюся совокупность обязательств, соответствующую специфике деятельности конкретной компании, которая подразумевает нацеленность на достижение внутренних и внешних целей путем принятия управленческого решения, согласованного с мнением ключевых игроков (акционеров, персонала, потребителей) [3, с. 77].

Социальная ответственность – сложная собирательная категория, которая включает в себя нравственно – правовые, философские и этико-психологические оттенки. В социальную ответственность входят моральные, правовые, этически, политические, общественные, граждански и другие виды ответственностей. Под этим понятием подразумевается объективная необходимость и обязанность отвечать за несоблюдение социальных норм. Если говорить о социальной ответственности в бизнесе то имеется в виду некие обязательства компании перед обществом, необходимость вести бизнес по правилам и законам страны, где он непосредственно находится.

Социальная ответственность менеджера – это безукоризненное выполнение специфических обязательств перед коллективом, которым он управляет, и перед обществом, в котором он находится, необходимость участия в устранении социально важных проблем конкретного региона на добровольной основе. Поскольку социальная ответственность является абсолютно добровольной, она существенно отличается от законодательной и нормативной [2, с. 341].

В качестве объектов социальной поддержки могут выступать люди и организации спорта, культуры, религии, здравоохранения и проч. Социальная деятельность не требует отчета, дает большой ассортимент различных планов действий и неограниченные возможности в получении удовлетворения морального характера. Для социальной ответственности характерен определенный ряд черт.

Неопределенность, неясность. В силу того, что у социальной ответственности нет четкой, строгой регламентации, возможные пути её реализации еще окончательно не разработаны. Во многих случаях она бывает субъективного характера. В случае с менеджером – зачастую управленцу приходится действовать, опираясь на свою интуицию.

Влияние на прибыль. Возможные экономические потери и убытки от, например, благотворительности могут компенсироваться благодаря социально-психологическим факторам. Более того, это может принести множество преимуществ, и даже увеличение прибыли. Ведь в глазах потребителей зачастую компания, которая участвует в благотворительности, более привлекательна по различным субъективным признакам. Следовательно, благотворительность иногда может быть удачным PR-ходом.

Маневрирование ресурсами. Социальные акции и программы дают возможность менеджерам использовать некоторую часть ресурсов организации, которая на данный момент невыгодна для использования в бизнесе за неимением соответствующей программы. Социальная деятельность организации одобряется и поощряется государством через различные льготы, лояльные кредиты и займы с низкими процентами, выгодные государственные заказы и даже освобождение от ряда налогообложений. То есть, благодаря общественно значимой деятельности фирмы, её высокой социальной ответственности, можно получать хорошую поддержку от государства.

Моральное и психологическое влияние. Реализация и повышение социальной ответственности инициируется и сопровождается позитивным давлением со стороны социума в моральном и психологическом плане. При данных обстоятельствах нарушается рыночная свобода – главный признак экономики.

Организации приходится применять экономически невыгодные действия. С другой стороны, вместе с повышением социальной ответственности повышается и имидж организации в глазах всего общества, конкурентов в бизнес сфере и даже государства.

Чтобы назвать себя социально ответственным управленцем, необходимо, на первый взгляд, выводить свою организацию и своих подчинённых на «арену» благотворительности. Частью прибыли спонсировать различные нуждающиеся в том мероприятия, участвовать в социально важных акциях и проч. Однако это далеко не все. В первую очередь, менеджер – управляющий компанией, а главенствующая экономическая цель любой компании – максимизация прибыли. Как показывает практика, это тоже является задачей, которая обладает высокой социальной полезностью для общества [2, с. 341].

Максимальное получение прибыли подразумевает множество факторов, в том числе, и расширение производства, которое влечет за собой большое количество новых рабочих мест. А значит, что организация, которая процветает из года в год, приумножая свой капитал, может принять большее количество работников и помочь, тем самым, обществу и государству побороть безработицу. Поэтому социально ответственный менеджер – это эрудированный человек, с креативным мышлением, который через сложные программы и операции способен вывести свою компанию на новый, более высокий уровень и через успехи своей организации, так или иначе, помогать социуму и государству в решении общественно важных проблем [2, с. 342].

Таким образом, нельзя недооценивать тот факт, что менеджер должен быть чист перед законом и перед обществом – то есть, быть высоко ответственным с юридической и социальной стороны. Менеджер, который будет вести законный бизнес и через действия своей компании устранять общественно важные проблемы, будет являться не только успешным управленцем, но и отличным примером для подражания у конкурирующих фирм и даже подрастающего поколения.

Библиографический список

1. Брянцева М. В. Корпоративная социальная ответственность бизнеса // Наука в цифрах. 2017. № 3 (4).

2. Клименко Д. В. Юридическая и социальная ответственность менеджера // Молодой ученый. 2016. №5.

3. Салимова Т., Ольховикова Н. Инструменты системной деятельности по улучшению в области социально ответственного поведения в организации // Стандарты и качество. 2012. № 12.

4. Официальный сайт AmericanTelephoneandTelegraphCompany [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.sec.gov/cgi-bin/browse-edgar?action=getcompany&CIK=0000732717&type=10-K&dateb=&owner=include&count=40> (Дата обращения: 12.05.2018)

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ НА ИХ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС В УЧЕНИЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ

В. О. Ленский, А. В. Колованов, Л. В. Волошинская (Донецк, ДНР)

Существует большое количество теоретических воззрений на интеллектуальную модель, которая в процессе развития когнитивной психологии прошла длинный путь от первых моделей Ч. Спирмена G-фактора до формирования когнитивных ментальных репрезентаций [3]. Однако стоит выделить особое место понятия интеллекта как адаптационного процесса в развитии человека, то есть возможного и существенного фактора влияющего на процесс формирования и развития личности [12].

В настоящее время уже не приходится доказывать, что межличностное общение – совершенно необходимое условие бытия людей, что без него невозможно полноценное формирование у человека ни одной психической функции или психического процесса, ни одного блока психических свойств, личности в целом [7].

Поскольку общение – это взаимодействие людей, и, поскольку в нем всегда развертывается взаимопонимание ими друг друга, устанавливаются те или иные взаимоотношения, имеет место определенное взаимообращение (в смысле поведения, выбираемого участвующими в общении людей по отношению друг к другу), то межличностное общение оказывается таким процессом, который при условии, если мы хотим постичь его суть, должен

рассматриваться как система «человек – человек» во всей многоаспектной динамике ее функционирования (в качестве других видов общения могут быть названы: общение личности с различными общностями людей, общение этих общностей между собой) [8].

В работе рассматривается влияние интеллектуальных способностей на формирование межличностных отношений в коллективе учащихся старших классов.

В истории психологических исследований проблемы связи интеллектуальных способностей и социометрического статуса личности в ученическом коллективе все исследователи психологии отрочества, так или иначе, сходятся в признании того огромного значения, которое имеет для подростков общение со сверстниками. Отношения с ними находятся в центре внимания подростка, во многом определяя все остальные стороны его поведения и деятельности. Л.И. Божович [1] отмечает, что если в младшем школьном возрасте основой для объединения детей чаще всего является совместная деятельность, то у подростков, наоборот, привлекательность занятий и интересы в основном определяются возможностью широкого общения со сверстниками.

В эмпирических исследованиях Я.Л. Коломинского выяснилось, что уровень успеваемости и социометрический статус соответствуют друг другу в 52 % случаев, в 25 % статус ниже, а в 23 % выше уровня успеваемости [6]. Работы других авторов, в общем, подтвердили высказанную гипотезу и конкретизировали характер взаимосвязи успеваемости и социометрического статуса.

Взаимосвязь учебной деятельности и учебной активности школьников с их положением в коллективе специально изучалась в исследовании Е.И. Киричук [4]. Обнаружена определенная возрастная динамика влияния указанных факторов на статус и его зависимость от ряда других факторов. Влияние учебной активности, под которой в данном случае понимался уровень ответственности и старательности при выполнении учебных заданий и учебной инициативы, на положение ребенка в системе личных взаимоотношений возрастает от первого к третьему классу. Степень взаимосвязи зависит не только от возраста учеников и продолжительности их пребывания в школе, но и от

ориентации учителя при повышении учебной активности учащихся [4].

Литературный обзор основных теоретических воззрений и эмпирических исследований влияния интеллектуальных способностей на социометрический статус учащегося позволяет сделать следующие обоснования.

1. Интеллектуальная развитость ученика может выступать как пагубный фактор его положения в группе, так как он не будет рассматриваться как источник информации. При исследовании социометрического статуса и интеллектуальности, учащихся более применима теория субъективной информативности, то есть прогнозируемую субъектом способность объекта выбора быть источником информации именно для него.

2. Теория субъективной информативности требует доработки в аспекте исследования основных характеристик интеллекта, что позволит построить фундамент практических рекомендаций, направленных на развитие социометрического статуса учащегося, что в свою очередь приведет к развитию его личности.

Целью исследования являлся анализ влияния интеллектуальных способностей личности старшеклассников на их социальный статус в ученическом коллективе.

Данное исследование проводилось в январе-феврале 2018 г. на базе многопрофильного лицея № 37 г. Донецк. В исследовании приняли участие дети подросткового возраста в возрасте 14–15 лет, учащиеся 9-х классов, в количестве 62-х человек.

Данное исследование строилось на основе зависимости развития интеллектуальных способностей личности учащихся от их социального статуса. Личность в процессе социализации обуславливается не только вхождением в социальную роль, но и воспроизведением данной роли так, как личность активна по своей природе. Исходя из такого понимания, можно сделать логическое предположение, что личность, занимая определенный статус в группе, обуславливается определенными психическими характеристиками, которые от него ожидает непосредственное окружение, поэтому, скорее всего определенный статус человека в группе определяет его активность, а значит и динамику развития его способностей. Данное предположение мы и постараемся доказать в эмпирической части нашей работы.

Для достижения поставленных задач нами были выделены следующие этапы эмпирического исследования: проведение эмпирического исследования уровня развития интеллектуальных и творческих способностей, а также выявление уровня социометрического статуса ученика в группе; проведение математико-статистического анализа для установления функциональной зависимости между уровнем социометрического статуса и развития интеллектуальных и творческих способностей в ученическом коллективе; сравнение результатов исследования в группах с разным социометрическим статусом, с помощью сравнительного, корреляционного и регрессионного анализа, что позволит выявить основные характеристики интеллектуальных способностей у лиц с различным социометрическим статусом; разработка эффективной программы, направленной на повышение социометрического статуса ученика в коллективе, как фактора развития общих способностей.

Построение экспериментальной группы проходило по стратегии исследования естественных групп, так как выявление социометрического статуса возможно только в таковой группе.

Эмпирические и теоретические исследования социометрического статуса личности в группе учащихся показал, что детерминанты, определяющие нормальное развитие и социализацию подростка, заложены не столько в повышенном развитии того или иного социально-психологического фактора, сколько в их гармоничном сочетании внутригруппового взаимодействия, что и объясняется феноменом Шахрезады [5] и развитием теории субъективной информированности. При исследовании социального интеллекта в группе учащихся нами была выявлена тенденция средних оценок и низких оценок, что говорит о несформированности социального интеллекта в данной группе. Согласно концепции Дж. Гилфорда, социальный интеллект составляет систему интеллектуальных способностей, независимых от факторов общего интеллекта. Лица с низким социальным интеллектом испытывают трудности в понимании и прогнозировании поведения людей, что усложняет взаимоотношения и снижает возможности социальной адаптации. Низкий уровень социального интеллекта может в определенной степени компенсироваться другими психологическими

особенностями: развитой эмпатией, определенными чертами характера, стилем общения, коммуникативными навыками и др., а также может быть скорректирован в ходе активного социально-психологического обучения. Очевидно, что социальный интеллект является профессионально важным качеством для профессий типа «человек – человек» и позволяет прогнозировать успешность деятельности педагогов, психологов, психотерапевтов, журналистов и т. д.

Социометрический метод позволил определить, что в группе присутствуют, как и лидеры, так и отвергнутые. В группу «звезд» вошли 18 человек, что составляет 29,03% от всей выборки. В группу «отвергнутых» вошли 17 человек, что составляет 27,41% от всей выборки. Оставшиеся были отнесены в группу «принятых».

Учащиеся, имеющие высокий уровень социометрического статуса характеризовались статистически достоверно высоким уровнем по отношению к группе учащихся с низким уровнем социометрического статуса по уровню развития логического отбора ($t = 2,56$ при $p = 0,014$), по уровню развития способности классификации ($t = 2,55$ при $p = 0,015$), по общему показателю развития интеллекта ($t = 2,43$ при $p = 0,020$), а также по уровню развития гуманитарных способностей ($t = 2,43$ при $p = 0,020$). «Звезды» также по данным характеристикам отличались и от группы «принятых», однако по уровню развития классификации определенных отличий выявить не удалось. Статистический анализ не выявил различия в показателях по уровню развития социального интеллекта и креативности, что в свою очередь требует дальнейшего развития исследования и построения эксперимента.

Корреляционный анализ показал, что уровень развития интеллектуальных способностей положительно коррелировал с уровнем социометрического статуса в разных областях взаимодействия. Была получена связь с общими оценками социального и общего интеллекта по Амтхауэру. Данные корреляционного анализа показали, что социометрический статус обуславливает определенный уровень развития социального и общего интеллекта. Так в группе отвергнутых уровень профессионального социометрического статуса обуславливает развитие предугадывать дальнейшие поступки людей, предсказывать событие, основываясь на понимании чувств, мыслей

и намерений. Также развитие профессионального социометрического статуса обуславливает высокий уровень вербальной экспрессии. Старшеклассники, получившие большое количество отрицательных выборов, имеют низкий уровень проявления понимания связи поведения между людьми. Можно предположить, что отрицательный выбор среди старшеклассников приведет к трудности понимания поведения и его последствий, что дает им возможность попадать в конфликтные ситуации, они плохо ориентируются в общепринятых правилах и нормах поведения. Можно предположить, что количество отрицательных выборов приводит к снижению анализа ситуаций межличностного взаимодействия, и понимания внутренних мотивов поведения людей, поэтому они плохо адаптируются к различным системам взаимоотношений между людьми. Данный фактор имеет высокую факторную нагрузку также с глубиной рефлексией, с принятием себя и общественной активностью. Высокий уровень эмоциональной концентрации приводит к снижению социальной адаптации, к трудности понимания и прогнозирования поведения людей.

Иную картину взаимодействия интеркорреляций можно проследить в группе «принятых». Как и в группе «отвергнутых» уровень профессионального социометрического статуса зависит от факторов социального интеллекта, что можно объяснить следующим: высокий уровень профессионального статуса обуславливает высокий уровень вербальной экспрессии, то есть возможность понимать речевые акты, анализировать их, и строить последующие выводы поведения. Также он обуславливает высокий уровень социальной адаптации «принятого» старшеклассника, возможность к высокой социальной активности.

Интересно, что только в группе «принятых» старшеклассников проявилась закономерность проявления креативности в зависимости от эмоционального социометрического статуса. Можно сказать, что получение высокого эмоционального статуса в группе для «принятого» вызывает высокий уровень проявления невербальной креативности, то есть способности к творчеству, и наоборот. Принятие группой и проявление эмоционального радушия вызывает в группе «принятых» повышение уровня креативности, приводит к скачку творческого потенциала, причем

проявляется он, именно, только в данной группе, можно заключить, что эмоциональная поддержка группы, если конечно она актуальна, приводит к повышению проявления способности к творчеству. Также профессиональная концентрация взаимодействий обуславливает связь с уровнем логического отбора, определяющего «чувство языка», но здесь скорее уровень логического отбора обуславливает низкий уровень профессиональной концентрации взаимодействий, так как «принятый» учащийся не может соответственно классифицировать какой-либо объект, что приводит к низкому выбору данного лица как профессионально предпочитаемого.

В группе звезд мы наблюдаем совершенно иную систему интеркорреляций, отличающуюся как от группы «отвергнутых» так и от группы «принятых». Наличие коммуникативного предпочтения объясняется в данной группе умением предвидеть последствия поведения, основываясь на понимании чувств, мыслей, намерений, они умеют выстраивать собственную стратегию поведения для достижения поставленной цели, хорошо ориентируются в нормо-ролевых моделях поведения. Данными же характеристиками обуславливается и высокий уровень профессионального предпочтения в данной группе. Эмоциональное предпочтение обуславливается в данной группе высоким показателем вербальной экспрессии, то есть высокий выбор данных лиц в эмоциональном плане объясняется большим репертуаром ролевого поведения, проявлением ролевой пластичности, хорошим пониманием смысла передаваемой информации, высоким уровнем эмпатии. Высокий уровень коммуникативной концентрации взаимодействия обуславливает низкий уровень математических способностей. Скорее всего, низкий уровень математических способностей в данной группе приводит к появлению отрицательных выборов для данной группы. Высокий уровень профессионального индекса концентрации взаимодействия обуславливается в данной группе высоким уровнем распознавания последствий поведения, элементов поведения, что в свою очередь обуславливается точностью, полнотой, нестереотипичностью и пластичностью. Также высокий уровень обуславливает высокий уровень общего социального интеллекта, а также высокий уровень комбинаторных

способностей. Высокий уровень эмоциональной концентрации взаимодействия обуславливается в группе «звезд» высоким уровнем пространственного воображения. Таким образом, проведя исследование, мы можем сказать, что социометрический выбор обуславливает развитие социального интеллекта, однако в точности сказать, что является первопричиной невозможно, так как по нашему мнению данный фактор является взаимодействующим в процессе деятельности и взаимоотношений, дополняя друг друга.

В процессе нашего исследования утверждение о том, что у учащихся с высоким уровнем социометрического статуса личности в ученическом коллективе присутствует высокое развитие определенных интеллектуальных способностей, отличающееся по характеристикам интеркорреляционных связей, подтвердилось.

Дальнейшими эмпирическими исследованиями в области влияния интеллектуальных способностей личности старшеклассников на их социальный статус в ученическом коллективе, по нашему мнению выступают исследование динамики изменений социометрического статуса «отверженных» и «пренебрегаемых» учащихся в процессе проведения с ними социально-психологического тренинга направленного на развитие коммуникативных способностей личности, получение новых групповых ролей, умение решать конфликты.

Библиографический список

1. Божович Л. И. Избранные психологические труды: проблемы формирования личности / под ред. Д. И. Фельдштейна. М., 1995.
2. Возрастная и педагогическая психология / под ред. А. В. Петровского. М., 1980.
3. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. М., 1995.
4. Коломинский Я. Л. Психология взаимоотношений в малых группах (общие и возрастные особенности): учеб. пособие. Минск, 2000.
5. Коломинский Я. Л. Феномен Шахрезады // Знание – сила. 1973. №3.
6. Коломинский Я. Л. Социальная психология школьного класса. Минск, 1997.
7. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение: учебник для вузов. СПб., 2003.
8. Левашова С. А. Психолог и подросток: коммуникативно-двигательный тренинг. Ярославль, 2004.

9. Михайлова Е. С. Тест ДЖ. Гилфорда и М. Салливена. Диагностика социального интеллекта: методическое руководство. СПб., 2001.

10. Морено Дж. Социометрия. Экспериментальный метод и наука в обществе. М., 1967.

11. Основы психологии. Практикум / ред.-сост. Л. Д. Столяренко. Ростов н/Д, 2000.

12. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1994.

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ОРИЕНТИР ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

В. А. Лукинова, Е. В. Харитонова (Краснодар)

В условиях современного общества существует искаженное представление о студенческой жизни. В общественном сознании она представляется набором увеселительных мероприятий, которые заполняют большую часть его времени. Однако, будучи в новом окружении, недавний ученик трудно приспособляется к нему. От него требуется значительно больше, нежели в период учебы в школе. Навыки собранности и дисциплинированности, внимание должно быть направлено исключительно на получение и обработку получаемых знаний. Нужно верно организовывать свой учебный день, научиться общению с огромным числом новых людей. Для этого студенту потребуется большая выдержка, психологически усилия и внутренняя стойкость. Возможно развитие состояния стресса у множества учащихся на фоне повышенных требований и такой нагрузки. В связи с этим важной задачей психосоциальной работы становится исследование психологических особенностей человека, которые позволят ему эффективно функционировать в социуме и профессии. Сохранить при этом высокий уровень психического здоровья и личного благополучия. Вопрос социальной значимости человека выходит на первое место в нынешних условиях жизни, при этом здоровье представляет собой одно из значимых условий жизнедеятельности. Важную роль представляет психическая стойкость к стрессовым ситуациям среди большого количества факторов, которые определяют работоспособность и иные свойства здоровья. Сохранение, развитие и укрепление здоровья, профессиональное

долголетие личности все это является залогом высокого уровня психической устойчивости к стрессам.

Особую важность обретает такое качество как стрессоустойчивость для сотрудников, которые работают в сфере «человек – человек» (врачи, учителя, психологи, социальные работники и др.) Данные профессии больше подвергаются влиянию стресс-факторов. Одной из ключевых задач, на современном этапе развития системы высшего образования, считается формирование у личности таких качеств как, саморазвитие, самоактуализация и самодостаточность. Учащийся вуза владеет немалыми ресурсами для развития. Но при этом у учащихся имеется несколько индивидуально-психологических особенностей, которые могут воспрепятствовать полноценному решению данной задачи. Особенное место из числа таких особенностей занимает стрессоустойчивость. Имеется большое количество доказательств того, что стресс является спутником студенческой жизни. В данный промежуток времени в особенности в самом его начале, появляются противоречия, несущие в себе разнообразные затруднения. Этот период можно охарактеризовать, как период самоанализа и самооценок, личностных выборов и самоопределений. Особенно существенную проблему в период обучения представляет собой проблема стрессов, в частности переживание экзаменационных стрессов и стрессов во время зачетов. В связи с этим значимость данной темы исследования также непосредственно переплетается с её не распространенностью и недостаточной разработанностью проблемы взаимосвязи стрессоустойчивости студентов и их учебной деятельности.

В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что имеются личностные особенности студентов с разным уровнем стрессоустойчивости, которые следует учитывать при организации психосоциального сопровождения студентов, подверженных стрессу.

В исследовании принимали участие 60 человек – студентов различных курсов очного отделения: 17 юношей и 43 девушки. Исследование проводилось на базе Факультета управления и психологии КубГУ. В качестве методик исследования были применены Личностный опросник Айзенка, Многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность» (А.Г. Маклаков,

С.В. Чермянин) с анализом личностного адаптационного потенциала (стрессоустойчивости), адаптационных способностей и базовых шкал СМИЛ. Методы математической обработки: описательная статистика, проверка на неоднородность дисперсии с помощью критерия Ливиня (Levene' Test), параметрический метод сравнения двух независимых выборок с использованием *t*-критерия Стьюдента.

В целом, полученные нами результаты можно представить в виде следующих положений.

На фоне выраженного интереса, как к личностным, так и к адаптационным особенностям студентов в доступной литературе отсутствуют данные о личностных особенностях студентов с разным уровнем стрессоустойчивости.

На фоне среднего уровня личностного адаптационного, коммуникативного потенциалов и морально-нравственной нормативности для юношей характерен средний уровень поведенческой регуляции. Для девушек на фоне низкого уровня личностного адаптационного потенциала и среднего уровня коммуникативного потенциала и морально нравственной нормативности характерен низкий уровень поведенческой регуляции, что в целом свидетельствует о сниженных адаптационных способностях и стрессоустойчивости.

Для юношей по сравнению с девушками характерны более высокие значения поведенческой регуляции и стрессоустойчивости (личностного адаптационного потенциала) в целом; для девушек по сравнению с юношами характерны более высокие значения коммуникативного потенциала и морально-нравственной нормативности.

На фоне средних значений шкал лжи, достоверности, высоких значений шкалы коррекции для респондентов характерны средние значения по шкале невротического сверхконтроля, значения на уровне тенденции по шкалам мужественности-женственности, ригидности, оптимистичности, социальной интроверсии; для юношей характерны средние, а у девушек на уровне тенденции значения по шкалам эмоциональной лабильности, импульсивности, тревожности и индивидуалистичности; для юношей характерны на уровне тенденции, а для девушек акцентуированные значения по шкале пессимистичности.

Ведущей шкалой в профиле у всех юношей является пессимистичность. У юношей со средним уровнем стрессоустойчивости также к ведущим можно отнести шкалу мужественности-женственности и шкалу социальной интроверсии.

Для нестрессоустойчивых юношей по сравнению со стрессоустойчивыми и со средним уровнем стрессоустойчивости характерны более высокие значения по шкалам «F» (достоверности), «D» (пессимистичности), «Pd» (импульсивности), «Pt» (тревожности), «Sc» (индивидуалистичности). У нестрессоустойчивых юношей по сравнению со стрессоустойчивыми и со средним уровнем стрессоустойчивости также выявлены более низкие значения по шкале «K» (коррекции).

Ведущей шкалой в профиле у всех девушек выступает пессимистичность. Для девушек со средним уровнем стрессоустойчивости характерны более высокие значения по шкале коррекции по сравнению с нестрессоустойчивыми; более низкие значения по шкале «F» (достоверности), по шкалам «Pt» (тревожности), «Sc» (индивидуалистичности), «Ma» (оптимистичности), «Si» (социальной интроверсии).

На фоне достоверных ответов по шкале лжи для нестрессоустойчивых и стрессоустойчивых юношей характерен средний уровень по шкале экстраверсии-интроверсии, а у юношей со средним уровнем стрессоустойчивости – высокий; для нестрессоустойчивых юношей характерен средний уровень по шкале нейротизма, а у юношей со средним уровнем стрессоустойчивости и стрессоустойчивых – низкий уровень.

На фоне достоверных ответов по шкале лжи для нестрессоустойчивых и со средним уровнем стрессоустойчивости девушек характерны средние уровни значений по шкалам экстраверсии-интроверсии и нейротизма.

Таким образом, полученные результаты позволяют нам утверждать, что выдвинутое предположение нашло свое подтверждение. Действительно, имеются выраженные личностные особенности (шкалы СМИЛ, экстраверсия-интроверсия и нейротизм) студентов с разным уровнем стрессоустойчивости, которые следует учитывать при организации психосоциального сопровождения студентов, подверженных стрессу.

Ориентирами психосоциального сопровождения студентов, подверженных стрессу выступают следующие показатели: повышение поведенческой регуляции, коммуникативного потенциала и морально-нравственной нормативности; снижение невротического сверхконтроля, пессимистичности, импульсивности, индивидуалистичности и нейротизма.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ю. А. Миленина, В. П. Бедерханова (Краснодар)

Проблема развития человека в нынешнем социокультурном измерении занимает центральное место. Сейчас ученые все больше акцентируют свое внимание на вопросе дальнейшего профессионального роста личности специалиста. Особенно эта проблема актуальна для специалистов, работающих в сфере «человек – человек», что предполагает их способность успешно работать в системе межличностных отношений. К ним относится и социальный работник.

Система непрерывного образования включает в себя следующие структурные компоненты [4]:

- допрофессиональную подготовку (что предполагает актуализацию самопознания и профессионального самоопределения допрофессиональной подготовки и профессионального отбора);

- разноуровневую профессиональную подготовку в вузах (бакалавриат, магистратура, аспирантура, докторантура);

- последипломное обучение (предусматривает повышение квалификации, переквалификации, овладение новыми специализациями, профессиональное развитие и самообразование).

Системообразующими элементами непрерывного профессионального образования социальных работников являются: требования и потребности общества и клиентов, ценности, цели, содержание и технологии социальной и социально-педагогической деятельности, необходимость формирования у специалистов

готовности к выполнению профессиональных обязанностей, профессиональной компетентности и профессионально обусловленных личностных качеств.

Цель профессиональной подготовки будущих социальных работников в условиях непрерывного образования заключается в формировании профессионально компетентного, конкурентоспособного и мобильного специалиста путем создание благоприятных условий для осознанного профессионального самоопределения, профессионально-личностного формирования в системе разноуровневой профессиональной подготовки и профессионального роста на всех этапах трудовой деятельности.

Допрофессиональная подготовка как составляющая непрерывного профессионального образования должна создавать фундамент для развития индивидуальной профессиональной компетентности личности. Она требует овладения опытом социальной деятельности, необходимыми для этого знаниями и навыками, важнейшими из которых является умение учиться самостоятельно, анализировать и интегрировать новую информацию и включает в себя формирование профессионально ориентированных интересов, готовности к овладению специальностью в высшем учебном заведении, мотивации к самореализации в профессиональной деятельности.

Целями профессиональной подготовки будущих социальных работников в ВУЗах являются: создание оптимального образовательно-воспитательного пространства для профессионально-личностного формирования будущего специалиста, обеспечения пролонгированной диагностики с целью определения соответствия уровня профессиональной подготовки образовательно-квалификационным стандартам, определение специализаций и будущего места работы.

Главным признаком профессиональной готовности специалистов данного направления является способность решать сложные специализированные задачи и практические проблемы в области собственной профессиональной деятельности или в процессе обучения, что предполагает применение определенных теорий и методов соответствующей науки и характеризуется комплексностью и неопределенностью условий. В процессе обучения и практической подготовки студенты приобретают

концептуальные знания (включая определенные знания современных достижений) и умения по решению сложных непредсказуемых задач и проблем в специализированных сферах профессиональной деятельности, собирают и интерпретируют информацию (данные), применяют инновационные подходы.

Важным условием для развития профессионализма социального работника является обучение в системе последипломного образования. За время активной профессиональной деятельности человеку нужно возобновлять профессиональное образование 4-5 раз. Цель последипломного образования: создание оптимальных условий для профессионально-личностного развития специалистов, а именно: самообразование, повышение квалификационного уровня, совершенствование профессионального мастерства, переквалификация, овладение дополнительными специализациями тому подобное.

Значение последипломного образования в системе непрерывного профессионального образования заключается в устранении пробелов в базовом образовании, дополнения новыми знаниями в связи с интенсивным развитием социальной работы как науки, осмысление опыта практической деятельности, достижения высокого уровня в условиях постоянных изменений практики социальной деятельности, повышение уровня профессионализма через постоянное профессиональное самосовершенствование.

Профессиональное самосовершенствование личности это сознательная профессиональная деятельность в системе непрерывного образования, направленной на повышение профессионального уровня специалиста, его профессиональную самореализацию, дальнейшее развитие профессионально значимых качеств и включает четыре этапа [1]:

- осознание необходимой работы над собой;
- определение программы самосовершенствования;
- поисковое самосовершенствование;
- осознание и целенаправленное изменение себя.

Можно выделить следующие формы профессионального самосовершенствования социальных работников [3]:

- обучение в аспирантуре и докторантуре;
- курсы повышения квалификации;
- участие в конференциях;

- участие в ярмарках социальных проектов и услуг;
- участие в фестивалях и акциях социальной тематики;
- посещение лекций, семинаров, тренингов, мастер-классов, круглых столов;
- самостоятельная работа: специальная литература, использование видео, аудиоресурсов, сети Интернет;
- консультации у преподавателей соответствующих кафедр высших учебных заведений.

Несмотря на повышение значения новых информационных технологий в самостоятельной работе, основным источником знаний, как и раньше, остаются книги, периодические издания. Именно поэтому основным видом самостоятельной работы с книгой является профессионально-ориентированное чтение – сложная интеллектуальная деятельность, обусловленная профессиональными информационными потребностями специалиста, которая является формой активного косвенного вербального письменного общения. Основной целью профессионально ориентированного чтения является восприятие, усвоение и дальнейшее целенаправленное применение накопленного опыта и знаний, которые способствуют длительному профессиональному самообразованию, саморазвитию и самосовершенствованию. Хотя все более интенсивно осваиваются социальными работниками и другие источники: дистанционное обучение, Интернет, радио, кино, телевидение, информационные технологии, интерактивные технологии и тому подобное.

Планируя собственно профессиональный рост, необходимо учесть следующие моменты: главная цель (чего достичь, что усовершенствовать) перечень ближайших и дальнейших конкретных целей; пути и средства достижения ближайших целей; внешние условия достижения целей; внутренние условия достижения целей; запасные варианты и пути их достижения [2].

Профессиональное развитие социального работника – постоянный процесс. Он не связан только с периодом обучения и продолжается в течение всей профессиональной деятельности. Знаний, полученных в институте десять или двадцать лет назад, совершенно недостаточно для данной профессии, постоянно меняется социальная среда, возникают новые проблемы и обстоятельства. Меняется законодательство, расширяется

доступный социальный инструментарий и методология исследований. Поэтому нужно учиться, независимо от возраста и должности.

Библиографический список

1. Андреева Е. А. Развитие социально-психологической культуры социальных работников как основа эффективного профессионального становления специалиста // Общество: социология, психология, педагогика. 2015. №2.

2. Морозников Р. С. Модель профессионального развития социального работника // Ярославский педагогический вестник. 2015. №1.

3. Мусина-Мазнова Г. Х. Карьерное становление как непрерывный процесс профессионального развития социальных работников // Вестник ЧГПУ. 2011. №3.

4. Соболева Е. В. Качество подготовки социальных работников в системе непрерывного образования // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2013. №2.

ОТНОШЕНИЕ К ОДИНОЧЕСТВУ СТАРШЕКЛАССНИКОВ: СТРАДАНИЕ ИЛИ РЕСУРС САМОРАЗВИТИЯ?

А. А. Морарь, Е. М. Шалина (Краснодар)

Быть одиноким не обязательно означает быть одному; можно быть одному и не быть при этом одиноким, а можно быть одиноким и в толпе.

Одиночество становится все более острой и многомерной проблемой. Каждый человек переживает его в разные периоды своей жизни. Уильям Садлер и Томас Джонсон, отмечают, что в современном обществе оно стало всеобъемлющим универсальным феноменом [6]. При этом одиночество принимает разные формы и имеет различную силу воздействия на индивида.

Анализ многочисленных исследований, посвященных проблемам одиночества, позволяет увидеть две тенденции в обосновании явления, исходя из его негативной и позитивной направленности. С одной стороны, оно понимается как деструктивное для личности, с другой – считается необходимым этапом самопознания и самоопределения.

Состояние одиночества имеет несколько модальностей – от нормального проявления до таких психических состояний, как тревожность, тоска, опустошенность. Одиноким людям обычно чувствуют себя психологически изолированными от остальных людей, неспособными к нормальному межличностному общению и установлению интимных межличностных отношений (дружба, любовь) с окружающими. Длительное одиночество, особенно сохраняющееся, несмотря на попытки избавиться от него, ведет к самообвинениям, а впоследствии к чувствам отчаяния и депрессии.

Одиночество, подчеркивает И.С. Кон, переживается на двух уровнях: эмоциональном, когда человек испытывает ощущение обреченности, покинутости, пустоты, страха и поведенческом, когда у человека снижается степень социальных контактов, происходит разрыв межличностных связей [2].

Одиночество, как отмечает Р. Вейс, есть результат комбинированного воздействия личностного и ситуативного взаимодействий, не удовлетворяющих основным социальным запросам личности [1].

Представители психоанализа, изучая одиночество, детерминируют его ранними влияниями на личностное развитие ребенка, отмечают важность раннего детского периода развития индивида в формировании «синдрома одиночества». Когда ребенок окружен только любовью и восхищением со стороны семьи и близкого его окружения, а в последующем стремление быть объектом любви и почитания не реализуется окружающими, вокруг него возникает зона дефицита общения и враждебности, приводящая к чувству одиночества [7].

По убеждению К. Роджерса, истоки одиночества личности кроются в предписывании обществом действовать в соответствии с социально оправданными, но ограничивающими свободу действия образцами, что приводит подчас к осознанию личностью своей непохожести, «неправильности», изолированности и оторванности от «массы». Понимание, что не вписывается в этот навязываемый обществом идеал, причиняет ей определенные страдания и ведет к ощущению одиночества [5].

Фактором возникновения одиночества может стать нарушение баланса между интимностью и формальным характером общения, полагают В. Дерлега и С. Маргулис. Межличностные контакты,

которые не затрагивают глубинную психическую реальность и являются формальными и поверхностными, в совокупности формируют у человека чувство одиночества.

В каждом возрастном периоде переживание одиночества имеет различные специфические черты.

В трудах психологов неоднократно высказывалась мысль о том, что переживание одиночества – возрастное новообразование, впервые остро проявляющееся в подростковом возрасте в результате перехода на новый уровень самосознания, развития познавательной и эмоциональной сферы [3].

И.С. Кон оценивает одиночество подростка как нормальное состояние, свойственное подростковому возрасту, отмечает серьёзность этого переживания, наполнение его психологическим смыслом в этом возрасте. Открытие своего внутреннего мира довольно радостное и волнующее событие, но оно вызывает также много тревожных и драматических переживаний. Совместно с осознанием своей уникальности, неповторимости, непохожести на других приходит чувство одиночества[2].

Осознание состояния одиночества О.В. Хухлаева связывает с актуализацией расширяющихся социальных потребностей, свойственных подростковому возрасту: потребности в установлении значимых межличностных отношений, в расширении дружеских связей, в знакомстве с людьми различного социального опыта, стремлении быть принятым различными социальными группами, наконец, в признании [8].

С.В. Малышева и Н.А. Рождественская выделяют четыре причины, обуславливающие чувство одиночества у подростков:

- осознание своей уникальности, индивидуальности, порождающее мысль о том, что никто не может понять другого, и значит все «обречены» на одиночество;

- отсутствие или недостаток межличностных связей с ровесниками или общения в референтных группах, дающие, ощущение одиночества;

- экзистенциальный подростковый кризис «смысла жизни», мысли о чем наводят на человека тоску, печаль, волнение, приводят к обострению одиночества;

- принудительное удержание подростка в группе лишает возможности быть наедине с собой, неудовлетворенная же

потребность в уединении порождает мысль о недопонимании окружающими его индивидуальных особенностей [4].

По мере взросления подростка меняется и его отношение к одиночеству. Возникновение интроспекции, ведущей к самоуглублению и самоанализу; появление интереса к своим переживаниям; неудовлетворенность внешним миром, уход в себя порождают противопоставление себя окружающим, в итоге – стремление к одиночеству.

Если подросток боится остаться один, то юноша ценит уединение. Юношеское «Я» ещё неопределённо, расплывчато, оно нередко переживается как смутное беспокойство или ощущение внутренней пустоты, которую чем-то необходимо заполнить, так появляется избирательность в контактах, потребность в уединении.

Но, какими бы ни были пути подростка, приводящие его к одиночеству, важнее то, как он воспринимает своё состояние и как использует. Продуктивное использование этого состояния помогает человеку найти в одиночестве возможность совершенствования, то есть «путь к себе», и возможность развития в себе эмпатии, сострадания, с чего начинается «путь к людям».

Изучение отношения к одиночеству личности в раннем юношеском возрасте было проведено на базе школ Темрюкского района Краснодарского края. Обследовано 80 старшеклассников в возрасте от 16 до 18 лет. Эмпирические данные получены с помощью «Дифференциального опросника переживания одиночества» Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева.

Методика позволяет изучить разное отношение к одиночеству, как к многомерному феномену, включающему в себя и позитивные, и негативные стороны. Теоретически методика основана на положениях экзистенциализма, утверждающих, что именно от отношения к одиночеству перед человеком открываются два пути. В случае принятия личностью одиночества и умения ценить уединение, открывается возможность использования этого времени для личностного саморазвития. В противном случае одиночество – фактор, вызывающий чувства покинутости, отчуждённости, ненужности, страдания, страха, депрессии.

Результаты исследования указали на разную степень выраженности по всем изучаемым параметрам, как в группе юношей, так и в группе девушек.

Показатели отношения к изоляции старшеклассников говорят о том, большинство девушек и юношей не имеют болезненных переживаний, связанных с отсутствием близких контактов с людьми, с которыми они могли бы поделиться своими мыслями, поговорить, у кого нашли бы понимание.

Самоощущение в ситуации уединения у большинства юношей и девушек не проявляется чувством покинутости, непонятости, изолированности, что свойственно людям, ощущающим себя одинокими из-за недостатка в общении.

Изучение ощущения отчужденности у юношей и девушек показало, что большинство респондентов не испытывают чувства отчужденности, поскольку не знают дефицита значимых связей с окружающими людьми, находясь с ними в ладу; им неведомо чувство непричастности к группе. При этом у юношей, по сравнению с девушками, степень выраженности отчужденности ниже, у девушек, напротив, наметилась тенденция к отчуждению и изоляции от окружающих людей.

Изучение чувств респондентов, связанных с пребыванием в одиночестве обнаружило, что частота встречаемости негативных чувств (скука, раздражительность, неприязнь) и тоскливых мыслей у юношей, по сравнению с девушками, выше; выраженность этих чувств и у тех, и у других скорее на уровне тенденции, болезненно выражены лишь у незначительного числа испытуемых.

Оценивая одиночество как феномен, и юноши и девушки выразили понимание его как худшее, что может случиться с человеком, в их представлении, люди без общения теряют сами себя и нуждаются в помощи.

Такое отношение к одиночеству определило и потребность юношей и девушек в компании, как возможности общения; при этом, у девушек потребность в общении выражена в большей степени, чем у юношей. Если юноши иногда проявляют толерантное отношение к ситуациям наедине с собой, отсутствие компании переносят безболезненно, то девушки готовы к поиску общения любой ценой, дабы избежать ситуации одиночества; отсутствие компании они переносят плохо.

Потребность в общении не позволяет пока респондентам познать радость уединения. У девушек в сравнении с юношами выше выраженность негативных переживаний, возникающих в

ситуации уединения или временной изоляции. И вместе с тем, показатели испытуемых по параметру ресурс уединения указывают на то, что и юноши, и девушки в большинстве своем понимают возможность одиночества как ресурс самопознания и саморазвития и необходимость ценить и творчески использовать пребывание наедине с собой с пользой для своей настоящей и будущей жизни.

Статистическая значимость различий показателей по всем измеренным параметрам у юношей и девушек была проверена с применением *t*-критерия Стьюдента. Достоверно значимые различия установлены по шкалам «Самоощущение», «Радость уединения», «Ресурс уединения», и по шкале «Позитивное одиночество»: у девушек по сравнению с юношами показатели выше по всем этим параметрам.

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что, несмотря на низкую степень выраженности болезненного переживания одиночества и дефицита значимого общения, старшеклассники, в основном, еще не готовы ценить одиночество и осознанно стремиться к ситуации наедине с самим собой, находя в уединении ресурс самопознания и саморазвития, осознанно выделяя его для продуктивного времяпрепровождения и творчества.

Библиографический список

1. Вейс Р. Вопросы изучения одиночества // Лабиринты одиночества. М., 1989.
2. Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1989.
3. Корчагина С. Г. Психология одиночества. М., 2008.
4. Малышева С. В., Рождественская Н. А. Особенности чувства одиночества у подростков // Вестник Московского Университета. Сер. 14. Психология. 2001. № 3.
5. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.
6. Садлер У., Джонсон Т. От одиночества к анемии // Лабиринты одиночества. М., 1989.
7. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989.
8. Хухлаева О.В. Психология подростка. М., 2008.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСПРОФЕССИОНАЛИЗМА

О. А. Москвитина (Москва)

Явление транспрофессионализма возникло под влиянием экономического и технологического развития постиндустриального общества. В настоящее время мир профессий стремительно изменяется: безвозвратно исчезают профессии, не содержащие в себе многофункциональности и многозадачности. Рынок труда приветствует специалистов, обладающих так называемыми «гибкими компетенциями» и «метапрофессиональными качествами», готовых и способных освоить и выполнить разнообразные функции и виды профессиональной деятельности, выходить за рамки профессионального опыта. Возникает «совместно-творческая» и «проектно-технологическая» формы организации деятельности и утверждается новый тип профессиональной деятельности – профессиональные сети [5].

Изначально понятие «транспрофессионализм» было введено в научную терминологию П.В. Малиновским в начале девяностых годов прошлого века и было определено им как коллективно распределенная способность рефлексивно связывать и координировать представителей различных профессий для решения комплексных проблем [4].

Современные исследователи различают два вида транспрофессионализма: как качественную характеристику специалиста, заключающуюся в его готовности и способности осваивать и выполнять действия или деятельность в близких по своему функционалу профессиях и как обобщающее качество специалиста, характеризующее его способность осваивать и выполнять деятельность из различных видов и групп профессий [4; 7; 8].

Укажем, что отличает работника-транспрофессионала на рынке труда: социальная и профессиональная мобильность, он может выполнять разные производственные функции и менять специальность, профессию [3; 7]. Основой успешного выполнения транспрофессионалом своей деятельности является эффективное

соединение «hard skills» – базовых наглядно демонстрируемых навыков, «soft skills» – профессиональной коммуникации и «digital skills» – владение цифровыми технологиями.

К умениям транспрофессионала относят: 1) целостное видение мировых проблем, системность мышления, умение мыслить глобально, с позиции своих разных профессий; 2) коммуникативная компетентность, умение работать в многопрофессиональных группах; 3) проектность мышления – воплощение стратегий в конкретные действия, оценка соответствия полученного результата намеченной цели; 4) антиципация – умение понимать, опережать ситуацию и самостоятельно принимать верное решение; 5) предпринимательское начало, дивергентность мышления, личностная активность; 6) самообразование и самоорганизация; 7) практико-ориентированность – способность действовать локально; 8) рефлексия, анализ различных способов решения проблемы и выбор наиболее рациональных; 9) пластичность психики и интеллекта; 10) профессиональная мобильность – способность успешно переключаться на другую деятельность, менять вид труда, переходить из одной профессиональной позиции в другую; 11) семиотическая компетентность – способность распознавать и быть устойчивым в отношении манипулятивного воздействия [5].

Социально-профессиональная, виртуальная мобильность; практический и социальный интеллект; коммуникативность; ответственность; коллективизм; работоспособность; корпоративность; инновационность и ряд других являются метапрофессиональными достоинствами транспрофессионала.

В.И. Позднякова указывает, что результативность, эффективность и стабильность деятельности транспрофессионала обеспечивается высоким уровнем антиципации, саморегуляции, рефлексии, креативности, социального мышления, адекватной мотивации, способностью находить и принимать эффективные решения [5].

В современном обществе трудятся представители разных поколений: от современных выпускников и студентов ВУЗов до пенсионеров. Можно предположить, что стремление овладеть рядом новых профессий и установки на карьерное развитие у этих людей будут различными. Если молодое поколение изначально

формируется как транспрофессионалы, предполагая свою востребованность в «сети профессионалов», то люди среднего и старшего возрастов вынуждены получать новые специальности, расширять свои компетенции во много из-за насущной потребности иметь работу.

Таким образом, можно предположить, что у людей, которые не сформировались в студенческие годы как транспрофессионалы, в этого профессионального самоопределения лежит понятие профессиональной востребованности личности. Е.В. Харитоновна определяет востребованность как многоуровневую и динамическую систему субъективного отношения личности к себе как к «Значимому для Других», проявляющуюся во внутреннем и внешнем планах [8]. В.В. Акидинова определяет профессиональную востребованность личности как показатель конкурентоспособности индивида или рыночной оценки значимости профессии [1].

Б.А. Ясько и Е.В. Харитоновой была разработана психодиагностическая методика «Профессиональная востребованность личности», которая содержит в себе следующие факторы: «Удовлетворенность степенью реализации профессионального потенциала»; «Принадлежность к профессиональному сообществу»; «Переживание профессиональной востребованности»; «Профессиональная компетентность»; «Профессиональная референтность»; «Оценка результатов профессиональной деятельности»; «Профессиональная аттракция»; «Самоотношение» [8, с. 283–285]. Возникает вопрос о том, каким образом указанные факторы будут оцениваться одними людьми, являющимися транспрофессионалами и имеющих опыт реализации себя в этом качестве в профессиональной сети, как новом профессиональном сообществе, и другими – являющимися транспрофессионалами по необходимости быть востребованными на рынке труда. Можно предположить, что их профессиональная самооценка, восприятие себя в мире профессий, оценка самоэффективности и прочие составляющие профессиональной Я-концепции будут разными.

А.М. Рикель указывает на то, что конкретные функции Я-концепции, как совокупности представлений о своём профессиональном развитии, заключаются в регуляции

деятельности, в развитии личности в профессиональной сфере, обеспечении взаимоотношений с профессиональным сообществом, ответственности за отсутствие внутренних конфликтов и ощущения успешности в профессии и карьере [6].

С.Т. Джанерьян, изучая смысловое отношение человека к профессии, сделала вывод о том, что она является в профессиональной Я-концепции центральным звеном, которое играет ведущую роль в увязывании её отдельных элементов и в сочетании профессиональных и личностных составляющих Я-концепции [2].

Профессиональная идентичность представляется нам не менее важным процессом для человека, являющегося транспрофессионалом, так как не ясно на каких основаниях будет проходить процесс идентификации этим субъектом труда себя с другими субъектами труда и /или группой. Так как для этого процесса нужны устоявшиеся связи и принятие норм и ценностей профессиональной группы как свои, а они, по нашему мнению, у транспрофессионалов разных поколений, эти связи будут отличаться. Закономерным становится вопрос о том, с какой профессиональной группой или профессии будет отождествляться профессионал, если их несколько?! И отождествление себя с другими предполагает некоторую отгороженность от тех профессионалов, которые не принадлежат к данному профессиональному сообществу или группе?

Из перечисленных вопросов следует необходимость характеристики сетевых профессиональных сообществ, в которых трудятся или будут трудиться транспрофессионалы. Каковы их требования к своим членам, каков характер взаимодействия между участниками профессионального сообщества, если каждый из них является, по сути, универсалом, как происходит их профессиональное размежевание и разграничение профессиональных обязанностей? Каков «трудовой кодекс» их взаимоотношений? Какова степень выраженности профессионализма каждого из участников трудового процесса? Этот список вопросом можно продолжить.

И, наконец, каков образ профессии транспрофессионала, в чем он видит своё профессиональное мастерство: в развитии «hard skills» – базовые навыки или навыки, которые можно наглядно

продемонстрировать или «soft skills» – профессиональная коммуникация или digital skills» – владение цифровыми технологиями. Возможно и необходимо ли гармоничное развитие себя как профессионала во всех видах деятельности, которыми он (транспрофессионал) обладает?

На все эти вопросы возможно ответить изучив, с одной стороны, профессиональную Я-концепцию транспрофессионала в её связи с такими феноменами как смысловое отношение, особенностями профессиональной востребованности, представления о самоэффективности, специфике профессиональной идентичности транспрофессионала, а с другой – особенности формирующихся сетевых профессиональных сообществ, как виртуальных объединений профессионалов и их влияния на профессионально-личные качества и особенности их участников.

Библиографический список

1. Акиндинова И. А. Особенности самоактуализации личности в профессиях различного уровня социального престижа: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2000.

2. Джанерьян С. Т. Смысловое отношение человека к профессии как системообразующий фактор его профессиональной Я-концепции // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 1.

3. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Методологические ориентиры развития транспрофессионализма педагогов профессионального образования // Образование и наука. 2017. № 19 (8).

4. Малиновский П. В. Транспрофессионализм как критерий эффективности управления человеческим потенциалом [Электронный ресурс] // III Форум регионального развития. Казань, 2003. Режим доступа: <http://www.shkr.rU/lib/actions/ss/malinovsky/publications/1> (дата обращения: 08.05.2018)

5. Позднякова В. И. Личностные смыслы как системообразующий элемент в структуре личности транспрофессионала [Электронный ресурс] // Человекоразмерное образование: проблемы педагогических практик в России и странах Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы Всерос. научно-практ. конф. с межд. уч. 2016. Режим доступа: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_education/e-publications/2016/chelovekorazmernoe-obrazovanie-mater-konf.pdf (дата обращения: 20.05.2018).

6. Рикель А. М. Профессиональная Я-концепция и профессиональная идентичность в структуре самосознания личности. Части 1 и 2 [Электронный

ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 3 (17). Режим доступа: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.05.2018).

7. Сыманюк Э. Э. Психология развития транспрофессионализма субъекта деятельности // Луриевский подход в мировой психологической науке: тезисы докладов. Екатеринбург, 2017.

8. Харитоновна Е. В. Психология профессиональной востребованности личности на поздних этапах онтогенеза // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2008. №. 7.

9. Ясько Б.А., Харитоновна Е.В. Опыт разработки психодиагностической методики «Профессиональная востребованность личности» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2009. № 4.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМООЦЕНКА КАК КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ Я- КОНЦЕПЦИИ

Ю. Е. Николаева (Краснодар)

Применительно к учебной деятельности студентов в системе вузовского образования под профессиональной самооценкой понимается оценка субъектом труда самого себя как специалиста, своих профессиональных возможностей, качеств, достижений и места в профессиональной среде.

По мнению исследователей, самооценка постоянно развивается, дифференцируется и корректируется, так как она является одним из базовых процессов саморегулирования личности [1; 2].

А.А. Реан рассматривает профессиональную самооценку как важнейшую компоненту в структуре профессиональной Я-концепции. В ней он выделяет операционально-деятельностный и личностный аспекты [3].

Касательно связи общей и профессиональной самооценки уместно привести результаты, полученные А.В. Садковой. В рамках масштабного исследования среди государственных служащих ею были выделены четыре крайние группы с различными сочетаниями уровней профессиональной и общеличностной самооценки [4].

Д. Майерс пишет, что распространенное мнение о неадекватности завышенной самооценки компенсируется данными о более успешной адаптации таких людей вследствие того, что им надо меньше думать о своих переживаниях, что оставляет больше пространства для профессиональной деятельности [5].

Выделяют следующие типологии профессиональных самооценок: по критерию соответствия взглядов о себе реальности: завышенные, заниженные, адекватные; по критерию реального индекса самооценки: высокая, низкая и среднестатистическая (отличие от предыдущего варианта здесь в том, что высокая, к примеру, самооценка может быть как завышенной, так и адекватной); по содержанию: объективная и субъективная (самооценка всегда субъективна, но может быть более или менее «реальной») [3].

Исследования самооценок, и профессиональных самооценок в частности, являются очень популярными в психологии. Неслучайно большинство исследователей изучают их как центральные элементы профессиональной Я-концепции.

В нашем исследовании приняли участие студенты КубГУ: 30 студентов 1-го курса и 20 студентов 3-го курса.

Для исследования особенностей параметров самооценки у юношей и девушек нами использовалась методика исследования самооценки (Дембо-Рубинштейн; модификация А.М. Прихожан).

Методика представляет собой одну из разновидностей методик прямого оценивания. Ее отличает простота, доступность для детей, краткость процедуры обследования, информативность. Процедура обследования заключается в том, что респондентам предлагается оценить уровень развития у себя нескольких качеств личности и указать желательный уровень развития этих качеств, отметив и то и другое на соответствующей линии бланка.

Для исследования профессиональной самооценки мы взяли 10 качеств из 10 интегративных блоков, выделенных Е.В. Корсунским, такие как: коммуникабельность; эмпатия; терпимость; наблюдательность; ответственность; психологическая грамотность; самоуважение; устойчивость к стрессу; рефлексия; тактичность.

Результаты, полученные в ходе исследования уровня профессиональной самооценки испытуемых, позволили сформулировать следующие выводы:

- очень высокий уровень самооценки наблюдается у студентов 1 курса по шкалам «эмпатия», «ответственность», «рефлексия», «психологическая грамотность» что говорит о потребности в социальной реализации своих профессиональных навыков;

- высокий уровень самооценки наблюдается по всем остальным шкалам, что говорит об адекватном уровне самооценки с тенденциями к ее завышению;

- среднего и низкого уровня самооценки в группах не наблюдается.

Об уровне притязаний испытуемых можно сделать следующие выводы:

- завышенный уровень притязаний наблюдается как у студентов 1-го курса, так и у студентов 3-го курса по шкалам «коммуникабельность» и «самоуважение»;

- высокий уровень притязаний наблюдается по всем остальным шкалам, что говорит об адекватной оценке своих возможностей с тенденциями к ее завышению;

- среднего и низкого уровня притязаний в группе не наблюдается.

При подсчете значения различий между самооценкой и уровнем притязаний у студентов 1-го и 3-го курсов с помощью *t*-критерия Стьюдента были выявлены значимые различия по шкале «психологическая грамотность».

У студентов 3-го курса по рассматриваемой шкале уровень самооценки значительно ниже, чем у студентов 1-го курса, при практически равном уровне притязаний.

В целом, результаты исследования профессиональной самооценки студентов 1-го и 3-го курсов показывают достаточно высокий уровень самооценки, а также потребность в социальной реализации, характеризующую очень высоким уровнем эмпатии, ответственности и рефлексии у студентов 1-го и 3-го курса.

Библиографический список

1. Пряжников Н. С. Профессиональное и личностное самоопределение. М., 1996.

2. Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю. Психология труда и человеческого достоинства. М., 2003.
3. Реан А. А. Психология и психодиагностика личности: Теория, методы исследования, практикум. СПб., 2006.
4. Сладкова А. В. Психологические особенности профессиональной самооценки личности и условия ее совершенствования: дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
5. Социальная психология / под ред. Д. Майрс. СПб., 2014.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ- ПЕРВОКУРСНИКОВ

Ю. Е. Николаева, О. М. Горшкова (Краснодар)

Процесс профессионального самоопределения выступает объектом самых разных исследований по психологии и педагогики, поскольку именно с ним связаны ожидания построения человеком не только успешной карьеры, но и его творческой самореализации в профессиональной деятельности. Анализируя научную литературу, показал, что в психологических исследованиях недостаточно разработан аспект профессионального самоопределения будущих специалистов, связанный с общими тенденциями их социализации и психического развития, его особенностями в раннем и старшем юношеском возрасте. Недостаточно ясно, что именно выступает социально-психологическими детерминантами данного процесса, как он связан с новообразованиями личности и социальным опытом учащихся.

Проблема нашего исследования состоит в выявлении профессиональной мотивации будущих специалистов в период адаптации в общем контексте социализации и психического развития в юношеском возрасте.

Наше исследование было направлено на выявление профессиональной мотивации учащихся старших классов. В ходе исследования нами были использованы методы: теоретического анализа научной литературы по проблеме; эмпирические методы: методика по определению мотивации обучения в вузе

Т.И. Ильиной; мотивации профессиональной деятельности
К. Замфир, модификация А.А. Реана

В исследование приняли участие студенты 1-го курса ФГБОУ ВО «Кубанского государственного университета».

Ведущим механизмом развития профессионального самосознания и одновременно важнейшим условием профессионализации является идентификация учащихся старших классов с будущей профессией. Большинство исследователей в данной области подчеркивают, что профессиональная идентичность – продукт длительного личностного и профессионального развития, который проявляется на достаточно высоких уровнях овладения профессией и выступает как устойчивое согласование элементов профессионального процесса [1–4].

В структуре личности мотивация занимает ведущее место, так как мотивация – это побуждения, вызывающие активность человека и определяющие ее направленность. Она проникает во все сферы психической деятельности.

Иными словами, мотивация – это совокупность причин психологического характера, вызывающих активность индивида, определяющих ее направленность и объясняющих поведение человека.

Анализ результатов исследования мотивации обучения, первокурсников показал, что для них преобладающим является мотив «получение знаний» (43,3 %).

Это свидетельствует о значимости приобретения профессиональных знаний, любознательности. Данный мотив актуален для студентов 1-го курса, так как на этом этапе обучения происходит выбор дальнейшего профессионального становления и от правильности сделанного выбора их дальнейшее профессиональное будущее.

Мотив «овладение профессией» является ведущим у (32,2 %) первокурсников, для них характерно стремление овладеть профессиональными знаниями и сформировать профессионально важные качества.

Нами зарегистрирован незначительный процент первокурсников, для которых значимым является мотив «получения диплома» (6,6 %). Для данной группы респондентов

характерно стремление приобрести диплом при формальном усвоении знаний.

Также для некоторых первокурсников ведущими являются несколько мотивов одновременно.

Далее мы оценили выраженность профессиональной мотивации студентов первых курсов.

После того как мы обработали индивидуальные и общегрупповые данные мы смогли выделить преобладающий тип мотивации и мотивационный комплекс первокурсников.

В целом можно говорить о том, что у них выражено неблагоприятное сочетание мотивов ВОМ>ВПМ>ВМ, в основе профессиональной деятельности преобладает внешне отрицательная мотивация. Возможно, это связано с тем, что исследование мы проводили в период подготовки и сдачи зачетов и экзаменов.

Таким образом, в основе мотивации профессиональной деятельности у студентов первых курсов преобладает внешне отрицательная мотивация: стремление избежать возможных наказаний или неприятностей.

Библиографический список

1. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1999.
2. Макклелланд Д., Аткинсон Дж. Мотивация человека. СПб., 2007.
3. Нюттент Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д. А. Леонтьева. М., 2004.
4. Реан А. А. Психология и психодиагностика личности: Теория, методы исследования, практикум. СПб., 2006.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ МОЛОДЕЖИ

Д. Ю. Олейников, Л. В. Спирина (Краснодар)

Модернизация современного российского общества сопровождается активным развитием и использованием социальных масс-медиа. Современное развитие общества не мыслится без развитого и зрелого гражданского потенциала

человека. Формирование гражданской позиции личности идет параллельно с демократизацией общественной жизни и становлением институтов гражданского общества, усилением их воздействий на личность и ее интересы. Еще совсем не так давно в обществе не возникал и не поднимался вопрос, нужно ли формировать гражданскую позицию у молодежи. Социологические исследования показывают, что современное общество значительно изменило отношение к таким ценностям, как отечество, долг, честь, верность героическим традициям своего народа, знание истории страны [1–4]. В связи с этим крайне актуальным становится формирование гражданской позиции у молодежи.

Мы провели собственное исследование, целью которого было выявление актуальности социальных сетей для молодежи. Нас, также, интересовали ответы на вопросы, являются ли они активными пользователями социальных сетей, для какого предназначения им необходимы социальные сети, что они в них делают, выражают ли они свою гражданскую позицию в ней. Можно ли выступать индикатором определения выражения гражданской позиции в социальных сетях проявление гражданской активности в социальных сетях со стороны молодежи. Проблема нашего исследования заключалась в поиске ответов на вопрос: влияют ли социальные сети на гражданскую позицию молодежи. Поскольку, мы предполагаем, что влияние социальных сетей на гражданскую позицию молодежи можно зафиксировать за счет проявления в них гражданской активности молодежи, поэтому мы взяли такие методы как анкетирование и опрос, а так же применили контент-анализ.

В качестве одной из эмпирических задач выступило выявление активности молодежи в социальных сетях. Для этого мы разработали анкету из двадцати вопросов, включая туда вопросы, касательно того, сколько времени человек проводит в социальной сети, что в ней делает, а так же считает ли он себя зависимым от социальной сети. В качестве респондентов выступили студенческие группы студентов из пяти городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодара и Перми).

После проведенного анкетирования мы провели анализ активности молодежи в социальных сетях. Наша задача на данном этапе заключалась в том, чтобы рассмотреть крупные

социологические площадки, где можно было выявить наличие гражданской активности, затем взять три организации разной направленности и выявить наличие гражданской активности там. Для начала мы посетили два крупных Всероссийских центра по изучению общественного мнения, а именно ВЦИОМ и ФОМ, проанализировав исследования, посвященные молодежи и взаимодействию молодежи с социальными сетями. Затем, рассмотрев исследование Сбербанка за 2017 г., связанное с молодежью, проследили наличие социальной активности молодых людей там.

Далее мы рассмотрели три организации, выявили историю создания организаций, их правовой статус, способ управления, реализованные проекты.

Первую организацию мы взяли экологической направленности, а именно, Экологическую вахту по Северному Кавказу. Мы рассмотрели статьи данной организации за последний месяц, и выявили, что, действительно, организация занимается экологическими вопросами, так как до начала проведения данного исследования возникали определенного рода сомнения, касательной данной организации из-за определенных статей и публикаций в ее адрес. Мы смогли отследить группу в социальной сети «ВКонтакте» данной организации, на счету которой было около 4 тысяч участников, с публикацией в среднем за месяц около 5–7 постов. Нельзя было не отметить, что комментариев под постами практически не было. Если новость публиковалась, в основном, пользователи лишь просматривали ее, но особо не выражали свою позицию. Если же опубликованная тема набирала комментарии, в большей степени, эти комментарии имели политический оттенок и мало касались темы самой публикации.

Вторая организация – Краснодарская Краевая Благотворительная Общественная Организация «Сообщество многодетных семей «Вера». Мы нашли группу в социальной сети «ВКонтакте», где они активно ведут свою деятельность и смогли проанализировать ее. Во-первых, мы выявили количество участников (более двух тысяч человек), затем мы приступили к контент-анализу и вычислению количества публикаций и их направленности. Мы отметили, что за последний месяц активности данной группы и организации было опубликовано 42 публикации,

то есть, в среднем за сутки – по две публикации. При помощи контент-анализа мы убедились, что данная организация действительно занимается той направленностью, в которой она себя и позиционировала изначально, после чего мы приступили к выявлению гражданской активности интернет пользователей. Под каждой публикацией в сообществе мы наблюдали активность участников группы, которые вступали в обсуждение любой новости или акции. Зафиксировав все данные, мы сделали вывод, что в группе благотворительной направленности, активность населения, в частности, молодежи проявляется сильнее и актуальнее, чем в группе экологической направленности, что свидетельствует о том, что молодые люди интересуются больше благотворительным направлением, чем экологическим.

Третья организация, которую мы взяли, это публичная группа одного из крупных населенных пунктов, в данном случае, мы взяли группу города Краснодар. Проанализировав данное сообщество можно отметить, число участников – около 400 тысяч, количество постов за последний месяц – 124, из них 40 % посвящено различным проблемам в городе, 35 % посвящено озеленению города, и 25 % – различным акциям, включая и праздничные посты. Мы смогли отследить, что в данном сообществе гражданская активность проявляется очень бурно и в комментарии вступает множество людей. Разумеется, мы отмечаем, если в предыдущих организациях количество участников в группах достигало максимум 4 тысяч, а в данном сообществе в сто раз больше количество участников, разумеется, и обсуждение будет больше. Нам удалось вычислить к каким темам молодежь не остается равнодушной, и провели мини-эксперимент, а именно мы предложили три новости, первая касалась проблемы города, вторая – озеленения города и третья тема – участие в акции, посвященной грядущему чемпионату мира по футболу. На наших предложенных новостях мы смогли отследить, где больше проявилась гражданская активность молодежи. На первом месте стала проблема озеленения города, второе место заняло акция, посвященная чемпионату мира по футболу, и на третьем месте – новость о конкретной проблеме в городе.

Таким образом, в ходе проведенного исследования мы рассмотрели и выявили гражданскую позицию молодежи через

проявление гражданской активности молодежи в экологических, проблемных отраслях для города. С помощью контент-анализа мы смогли вычлениить конкретные темы, которые являются более актуальными и приоритетными в социальных сетях для молодежи. Так же мы выяснили, насколько социальные масс-медиа влияют на гражданскую активность молодежи в интернете. Исходя из выше изложенного, мы так же составили перечень рекомендаций посвященный развитию гражданской активности в крае.

Библиографический список

1. Белинская Е., Жичкина А. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты. М., 2009.

2. Войскунский А. Е. Феномен зависимости от Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете. М., 2000.

3. Патченко Т. С. Роль средств массовой информации в формировании ценностных ориентаций современной российской молодежи: дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2007.

4. Радкевич А. Л. Социальные интернет-практики россиян в условиях формирования информационного общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2009.

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ АКТУАЛИЗАЦИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ СТРАХОВ У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ (18 – 25 ЛЕТ) В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ЛИЧНОСТИ

В. О. Остапенко, В. П. Бедерханова (Краснодар)

В условиях современной российской действительности, молодежь, как наиболее уязвимая социально-демографическая группа общества, в значительной степени подвержена влиянию негативных настроений и различных страхов. Молодое поколение сегодня испытывает не те страхи, природа которых обусловлена биологически. Современные страхи определяются личностными психологическими характеристиками, носят социальный и экзистенциальный характер.

Изучая проблемы, связанные с экзистенциальными страхами, мы пришли к выводу о том, что их актуализации приходится

именно на этап активной социализации молодых людей и их интеграции во взрослое сообщество.

В рамках эмпирического исследования, которое последовательно проводилось автором на протяжении трех лет (2015–2018 гг.), мы собирали эмпирические данные, с помощью которых мы можем описать состояние проблемы на сегодняшний день, разнообразными методами:

- анкетный опрос для выявления источников страха молодых людей, а также уровня распространенности страхов в молодежной среде;

- экспертное интервью для определения основных факторов, влияющих на распространение экзистенциальных страхов и социальной напряженности в молодежной среде.

- полубиографическое эссе со студентами для выявления основных экзистенциальных страхов и степени их влияния на настроение и поведение молодых людей;

- тест «Чего мы боимся» В. Леви (С-тест) для определения общего «количества» страха и его уровня в той или иной жизненной сфере, в конкретной направленности.

Это позволило нам сформировать разностороннее представление о проблеме страха в молодежной среде.

В ходе анализа эмпирических данных, мы выявили высокий уровень общей напряженности и тревожности у молодых людей, благодаря чему пришли к выводу о том, что страхи, в особенности экзистенциальные, могут актуализироваться вследствие накопления и повышения уровня тревожности. Это позволило нам, предположить существование зависимости между снижением экзистенциальной тревожности у молодых людей и предотвращением актуализации экзистенциальных страхов.

Нами было принято решение, разработать алгоритм психолого-педагогической помощи по работе с экзистенциальными страхами у молодых людей, в формате тренинга, и апробировать его на молодых людях 18–25 лет, на предмет снижения экзистенциальной тревожности в ходе психолого-педагогической работы, и предотвращения актуализации экзистенциальных страхов.

Всего в исследовании приняло участие 20 респондентов, соответствующих выборке, среди них 12 девушек и 8 юношей.

Теоретически, психолого-педагогическая помощь личности включает в себя комплекс последовательных мер: психолого-педагогическую диагностику, консультирование и просвещение, коррекционную работу, направленную на личностное развитие субъекта психолого-педагогической работы, и индивидуальные рекомендации для самостоятельной работы.

Разработанный нами практический алгоритм психолого-педагогической работы, направленной на предотвращение актуализации экзистенциальных страхов у молодых людей, посредством снижения тревожности, представлен в форме тренинга.

В него входит ряд упражнений, разделенных на блоки согласно теоретическому алгоритму.

1. Блок «Введение и диагностика».
2. Блок «Просвещение и консультирование».
3. Блок «Коррекция и развитие».
4. Блок «Рекомендации и заключение».

На первом этапе тренинговой работы, участники знакомятся между собой при помощи психологических упражнений, мы отдали предпочтение упражнениям «Клубок» и «Интервью». Далее, совместно с участниками, были оговорены правила тренинга и направление работы в рамках данного занятия. Также для введения участников в групповую работу, перед началом первого блока тренинга, было проведено упражнение «Правда или ложь».

В качестве диагностического материала, в первом блоке занятия, был использован тест «Чего мы боимся» В. Леви (С-тест). Использование этой методики позволило участникам теста определить общее «количество» страха и его уровень в той или иной жизненной сфере, в конкретной направленности, также, эта методика помогает органично ввести участника в тему тренинга и ознакомиться с видами страха. Изучив виды страха, и ознакомившись с личностными страхами, участники тренинга посредством рефлексии выявили общую распространенность экзистенциальных страхов.

Тренинговый блок «Просвещение и консультирование» предполагал «знакомство» со страхом, в теоретическом ключе. Для этого каждый блок упражнений сопровождался краткими

лекционными вставками, что было вспомогательным элементом, который провоцировал участников к рефлексии. Во втором блоке работы участники получили раздаточные материалы, содержащие информацию о видах страха и способах преодоления чувства тревоги.

В третий блок тренинга включены упражнения, направленные на коррекционную работу с негативными проявлениями страха и тревоги, а также задания на развитие осознанности собственных эмоций и ощущений. На этом этапе групповой работы, теоретический материал был освоен участниками тренинга – практически. Молодые люди познакомились со способами снятия физиологических проявлений тревожности, поработали над осознанностью собственных страхов с помощью текстотерапевтического упражнения «Письмо страху», и приобрели позитивный опыт общения с этой негативной эмоцией через проективную технику абсурдизации рисунка собственного страха.

Во время четвертого блока молодые люди зафиксировали полученный опыт работы с тревожными состояниями. Во время рефлексии были рассмотрены различные действия-ритуалы для снятия тревожности и предотвращения актуализации страхов. В заключение, каждый участник выбрал себе «карманный амулет», формирующий воспоминание о позитивном опыте преодоления тревоги.

Следует отметить, что участники тренинга, были вольны в выборе страхов, для каждого упражнения. Психолого-педагогическая помощь личности предполагает первичность интересов субъекта этой помощи. Несмотря на широкий спектр страхов всех видов, рассмотренных во время тренинга, большинство участников были склонны к проработке именно экзистенциальных страхов, что говорит об их распространенности, в рассматриваемой нами возрастной группе, а также о потребности молодежи в работе с этими эмоциональными состояниями.

Для итогового закрепления результатов, через неделю после тренинга, участникам было предложено пройти тест «Чего мы боимся» В. Леви – повторно. Шестнадцать респондентов улучшили свои показатели относительно первичного прохождения методики. Четверо сохранили свои позиции, в связи с тем, что и при

первичном прохождении теста, у этих респондентов была выявлена норма по отношению к тревоге и страху «Бета Уверенный». Семь участников тренинга заняли ступень «Гамма Колеблющийся», и соответственно девять участников – «Тета Тревожный». Стоит обратить внимание, что при показателе «Гамма Колеблющийся», автор методики рекомендует «работу со страхом», при «Тета Тревожный» – советует обратиться «за квалифицированной помощью».

Самыми распространенными страхами, среди участников исследования, оказались «Зависимостные страхи», им подвержены 40% респондентов. Популярными страхами у молодых людей являются: «Боязнь выступлений, экзаменов, встреч» – 30%, «Агрессофобии» – 25 % респондентов, «Танатофобии» и «Социально-оценочные страхи» – 20 %, «Фортунофобии» – 15%, «Страхи пространств» – 10% участников исследования.

Средний показатель улучшений составил приблизительно 10 баллов, что позволило четырем респондентам перейти со ступени «Тета Тревожный» на ступень «Гамма Колеблющийся». Остальные участники не сменили позиций относительно ступеней в общей расшифровке результатов, и, тем не менее, улучшили свои результаты: два участника на восемь баллов, четыре респондента – на пять баллов, трое – на три балла, и соответственно три респондента – на два балла, что показало положительный результат психолого-педагогической работы с молодыми людьми.

Таким образом, была выявлена не только распространенность экзистенциальных страхов в молодежной среде, но и необходимость в работе молодых людей со специалистами, способными оказывать психолого-педагогическую помощь.

Подводя итог, необходимо отметить отсутствие должного внимания к проблемам молодых людей в период активной социализации и интеграции во взрослое сообщество, при существующей у них потребности в психолого-педагогической помощи и поддержке. Именно на этом этапе личностного развития, молодые люди вынуждены справляться со своими проблемами самостоятельно, что является одним из факторов накопления тревожности и может приводить к актуализации страхов.

К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Л. Ф. Пронина (Челябинск)

Современный этап развития общества характеризуется возрастающей ролью информационных взаимодействий. Массовая компьютеризация, внедрение и развитие новейших информационных технологий привели к прорыву в сферах образования, науки, бизнеса, промышленности и социальной жизни. В связи с этим, информация, создаваемая, потребляемая и хранимая в процессе функционирования всех сфер деятельности человека, является источником явной или скрытой угрозы для личности, общества или государства.

В системе приоритетов обеспечения условий для всесторонней самореализации личности, общества, государства особая роль отводится информационной безопасности как базовой предпосылке формирования материальных, интеллектуальных, технико-технологических ресурсов, необходимых для реализации потребностей и интересов людей.

Информационные ресурсы и информационные системы относятся к ряду основных защищаемых элементов во всех сферах жизнедеятельности современных организаций. Сегодня активно развиваются средства негативного воздействия на эти элементы, противодействие которым требует широких разноплановых исследований и разработок соответствующих определений, концепций, программ организации конкретных работ в области создания средств, методов и методик обеспечения информационной безопасности.

Практически во всех мировых культурах безопасность понимается в первую очередь как ощущение защищенности от различного рода опасностей. По аналогии, С.П. Расторгуев дает определение информационной безопасности.

«Информационная безопасность страны» – это ощущение защищенности от применения определенного информационного воздействия как извне, так и внутри страны, направленного на причинение ущерба стране [4].

Профессор С.А. Клейменов под информационной безопасностью Российской Федерации предлагает понимать состояние защищенности национальных интересов РФ в информационной сфере, определяющееся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства [3].

Меры по обеспечению информационной безопасности должны осуществляться в разных сферах – политике, экономике, обороне, а также на различных уровнях – государственном, региональном, организационном и личностном. Поэтому задачи информационной безопасности на уровне государства отличаются от задач, стоящих перед информационной безопасностью на уровне организации.

В.Б. Бетелин и В.А. Галатенко дают определение информационной безопасности на уровне организации как защищённости информации и поддерживающей инфраструктуры от случайных или преднамеренных воздействий естественного или искусственного характера, способных нанести ущерб владельцам или пользователям информации и поддерживающей инфраструктуры [5].

В результате тщательного семантического анализа рассматриваемой дефиниции, автором предложено следующее ее определение: информационная безопасность в образовательной организации – это защищённость информации образовательной организации от случайных или преднамеренных воздействий естественного или искусственного характера, способных нанести ущерб самой образовательной организации или участникам образовательного процесса образовательной организации.

Проблемам защиты информации, построению комплексных систем оценки возможных угроз, созданию защищенных информационно-телекоммуникационных систем и средств защиты информации уделяется важное значение, как со стороны государства и его структур, так и со стороны частных фирм. Об актуальности проблем защиты информации свидетельствует принятие на государственном уровне «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. [1]. Нет никаких сомнений в том, что проблема информационной безопасности образовательной организации превращается в

последнее время из гипотетической во вполне реальную. Количество угроз растет с каждым днем, изменяется нормативно-правовая база, соответственно реалиям времени должны изменяться и методы обеспечения информационной безопасности учебного процесса.

В современной образовательной организации хранится и обрабатывается огромное количество различной информации, связанной не только с обеспечением воспитательного и учебного процесса, но и с научно исследовательскими разработками, а также персональные данные обучающихся и их родителей. Поэтому обеспечение информационной безопасности учебного процесса, в том числе непрерывного функционирования компьютерных и информационных структур, является весьма важной для его качества.

Создание и организация функционирования любых современных структур и систем, прежде всего, требует обеспечения их информационного взаимодействия с внешней средой. В связи с этим образовательные организации создают в пределах своих полномочий, установленных в соответствии с федеральными законами, государственные или муниципальные информационные системы персональных данных. При этом сбор и обработка персональных данных должны быть осуществлены с учетом обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну [2].

Можно сделать вывод, что для решения задачи управления информационной безопасностью в образовательной организации необходимо комплексно подходить к проблеме: создавать эффективные механизмы управления информационными системами, использовать современное информационно-техническое оборудование, обучать собственный персонал, а также закладывать бюджет на покупку лицензионного программного обеспечения.

Библиографический список

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. №646.
2. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ.
3. Информационная безопасность и защита информации: учеб. пособие для студентов учреждения высшего профессионального образования / В. П. Мельников, С. А. Клейманов, А. М. Петраков. М., 2012.
4. Основы информационной безопасности: учеб. пособие для вузов / С. П. Расторгуев. М., 2009.
5. Основы информационной безопасности: курс лекций: учеб. пособие / сост. В. А. Галатенко, под ред. В. Б. Бетелина. М., 2006.

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ МЕДИАЦИИ

Г. П. Рогочая, Е. В. Улько (Краснодар)

В настоящий период идет активное внедрение и становление относительно новой для нашей страны практики урегулирования спорных вопросов и конфликтов сторон при помощи процедуры с участием посредника – медиации. Несмотря на достаточно молодой официальный статус медиации, сами общественные практики с привлечением посредников для решения спорных вопросов имеют давнюю историю. В различных культурных, этнических и социальных группах сформированы особые традиции, в рамках которых выделяются позиции посредников, официально или неофициально закрепленные в обществе. Однако при наличии объективной потребности в межкультурной коммуникации и межкультурном диалоге, зачастую возникают проблемы непонимания представителями разных культур особенностей коммуникативного поведения и способов построения диалога партнерами. Все это обуславливает актуальность обращения психологических исследований к изучению проблем межкультурной коммуникации, построению диалоговых практик между представителями различных культур. В данной статье мы ставим задачу психологического исследования некоторых

культурно-специфических аспектов диалоговых практик посредничества, связанных с вопросами урегулирования противоречий. Полученные знания могут быть использованы как ресурс повышения эффективности процедур примирения и урегулирования конфликтов, с учетом культурно-этнической и конфессиональной принадлежности их участников.

Междисциплинарное понятие «кросс-культурность», зародившись в рамках культурной антропологии и философии (О. Шпенглера, Н.Я. Данилевского, А. Тойнби, П. Сорокина, К. Ясперса, Л. Моргана, Э.Б. Тайлора, Г. Спенсера, Дж. Фрэйзера) на сегодняшний день является концептуально-определяющим для кросс-культурной психологии, кросс-культурной лингвистики, кросс-культурного менеджмента и др. (Э. Холла, А. Вержбицкой, Д. Таннена, Н.Дж. Холдена). Кросс-культурный подход исключает доминирование какой-либо одной системы культурных ценностей и понятий и предлагает герменевтическое отношение к миру, как к пространству диалога и коммуникации.

Кросс-культурные идеи в области психологии представляют значительный интерес и перспективу применения относительно разнообразных аспектов психологических проявлений личности и общества, в частности, вопросов психологии кросс-культурной коммуникации (Э. Аронсон, Джон В. Берри и коллеги, М. Коул, Н.М. Лебедева, Д. Мацумото, Л.Г. Почебут, Т.Г. Стефаненко, Г. Триандис и др.) [1–6].

В рамках каждой культуры существуют нормы, которые регулируют практически все области человеческого сознания и поведения и оказывают влияние на характер восприятия, оценки и межличностные отношения. К таким нормам можно отнести образование, воспитание, традиции, обычаи, которые вырабатывают систему ориентаций, позволяющую людям адаптироваться в различных ситуациях.

Поведенческие реакции на внешний мир также определяются особенностями той культуры, к которой принадлежит человек. Осознание этих норм происходит через контакт с «Другим», с людьми, которые руководствуются иными культурными нормами [4]. Такое взаимодействие может вызвать ситуации непонимания, психологический дискомфорт, и даже стать поводом для конфликтной ситуации. Поэтому особенности взаимодействия в

конфликтных ситуациях, достижение урегулирования разногласий участников конфликта с учетом культурной составляющей требуют обстоятельного исследования.

Нами было проведено эмпирическое исследование представлений о наличии культурно специфических проявлений в проведении процедуры медиации, и шире – о диалоговых практиках и институте посредничества в различных этнических общностях. Выборку исследования составили представители различных национальных культур (русские, татары, казахи, адыгейцы, черкесы, азербайджанцы), профессиональные медиаторы, имеющие опыт практической деятельности в данной сфере (всего 28 человек). Основными задачами являлись: выявление феноменологии диалоговых и посреднических традиций в различных этнических общностях; исследование представлений респондентов о психологических характеристиках личности посредника, необходимых для успешной деятельности в этом направлении. Были проведены экспертные опросы - методом анкетирования, и выборочно, методом интервью (8 человек). Вопросы были ориентированы на выявление специфических особенностей практики конфликто разрешения, сформированных в национально-этнических культурных пространствах, на выявлении психологических качеств посредников, способствующих положительному восприятию личности посредника-медиатора при урегулировании споров. Часть вопросов была ориентирована на выявление культурно-обусловленных отличий связанных с особенностями построения диалога при разрешении споров, особенностей поведения, обусловленных культурой, которые могут способствовать созданию атмосферы доверия при проведении примирительных процедур. Интерес представлял и вопрос учета религиозных ориентаций и установок, существующих в данных культурах при проведении примирительных процедур.

Обратимся к краткому изложению основных результатов исследования. Все участвующие в исследовании эксперты отметили наличие специфичных моментов восприятия и поведения участников примирительных процедур в связи с национальной и религиозной принадлежностью. Как следствие, они обозначили необходимость учета данного аспекта при проведении процедур медиации.

Анализ ответов респондентов экспертного опроса позволяет сформулировать ряд обобщений. Выделение экспертами исторически сложившихся культурно специфических социальных институтов и определенных ролей посредников в урегулировании определенного круга споров. Наличие различного статуса легитимизации данных институтов и характера влияния и взаимодействия с государственными структурами в настоящем. Выделение вопросов соотношения национальной и конфессиональной специфичности в урегулировании конфликтов. Наличие определенных требований к человеку, выполняющему роль посредника, в том числе и к его психологическим характеристикам личности. Значимость внедрения и совершенствование практики медиации с учетом культурно специфических аспектов диалоговых практик.

Раскроем указанные выше обобщения через приведение некоторых фактов, полученных из интервью. Эксперты медиаторы из Казахстана и Киргизии акцентировали внимание на светском характере государств и на доминировании светской культуры. Однако они отметили наличие традиционных для общества институтов посредничества. Медиатор из Киргизии отметила, что на законодательном уровне в республике создан институт старейшин, участвующих как вспомогательная общественная структура в разрешении бытовых и семейных конфликтов: «... в Кыргызстане на протяжении ряда лет существует такой институт, как суд аксакалов. Это неформальный суд, участвующий в разрешении конфликтов. Судьи – это авторитетные люди в какой-то области, или просто уважаемые люди. Урегулируют споры в основном в местных сообществах, бытовые споры. Задача этих судей принять справедливое решение». Эксперт из Казахстана отметила: «... когда-то существовали суды биев-старейшин, но сейчас этого не встретишь. Однако в отдаленных уголках Казахстана есть непрофессиональные медиаторы».

Эксперты из Адыгеи и Карачаево-Черкесии, отметили отсутствие законодательно оформленных традиционных институтов в практике конфликто разрешения, но указали на обязательную необходимость учитывать традиционные нормы адата и правила поведения, принятые в традиционном сообществе. Эксперт из Адыгеи отметила: «...о примирительных процедурах у

адыгов хорошо известно. У истоков медиации адыгов лежит неписанный свод законов Адыгэ-Хасэ, ... чаще всего роль посредника выполняли старейшины в населенном пункте или роду. Ключевым является жизненный опыт и неукоснительное соблюдение неписаного закона Адыгэ-Хасэ».

Медиаторы, позиционирующие себя, прежде всего, как представителей конфессиональной культуры (мула из Татарстана, медиатор, исповедующая ислам), отметили, что главной особенностью примирительной процедуры между представителями верующих мусульман, способствующей достижению прочного согласия, является ее соответствие нормам шариата («... для верующего человека религиозная подоплека поступков важнее, чем культурная»).

Исследование задачи выявления психологических качеств личности, её знаний и умений, необходимых для успешной реализации посреднической функции между сторонами конфликта были изучены с использованием сформированной анкеты, в которую был включён и данный вопрос. Необходимо было оценить по пятибалльной шкале предлагаемый перечень качеств. Ответы испытуемых не представляли существенных различий в связи с национальной принадлежностью. Большинство респондентов как наиболее значимые отметили следующие качества (представлены в порядке убывания значимости): коммуникабельность, эмоциональная стабильность, сдержанность, дипломатичность, спокойствие, наблюдательность и доброжелательность, высокий самоконтроль, умение слушать и умение расположить к себе человека, умение понимать свои и чужие эмоции, умение управлять своими и чужими эмоциями, умение аргументировать. Таким образом, успешный посредник для большинства корреспондентов это человек, обладающий определенными психологическими характеристиками, которые отражают психологическую эмоциональную стабильность и владение коммуникативными компетенциями.

Обобщая полученные результаты, мы можем констатировать наличие определенной национально обусловленной специфичности понимания и отношения к практикам посредничества и процедуре медиации при решении спорных вопросов. Исследование в данном направлении может

способствовать расширению и углублению знаний в поле проблем межкультурной коммуникации. Исследование в данном направлении может способствовать решению важных перспективных задач изучения психологических аспектов проведения процедуры медиации и профессиональной деятельности медиаторов. Решение данных вопросов может внести вклад в формировании базы для внедрения и эффективного применения медиации, исходя из понимания общности и различий между культурами в нашем полиэтническом многоконфессиональном обществе с богатым разнообразием сложившихся обычаев и правил.

Библиографический список

1. Берри Джон В., Дасен П. Р., Сигалл М. Х., Пуртинга А. Х. Кросс-культурная психология. Исследование и применение. М., 2007.
2. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997.
3. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.
4. Паксина Е. Б. Концепция диалога в работах М. Бахтина и В. Библера [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–2. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19949> (дата обращения: 18.05.2018)
5. Почебут Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология. М., 2017.
6. Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб., 2003.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ ПОНЯТИЙ «РЕСУРС» И «ПОТЕНЦИАЛ»

А. В. Смахтина, В. П. Бедерханова (Краснодар)

Довольно часто в научной литературе стали употребляться понятия «ресурс» и «потенциал». Синонимичность этих терминов, взаимозаменяемость в социальных науках, сбивает ученых в точном определении и их понимании. Исходя из этого, необходимо обосновать схожесть и различие указанных дефиниций.

Понятие «ресурс» анализируется как вспомогательное средство, к которому обращаются в необходимом случае [8, с. 89]. Но в

зависимости от дисциплины, предмета изучения, его цели, «ресурс» носит различный характер воздействия. Классифицируют ресурсы на «ограниченные» и «неограниченные». Первые имеют стоимость, позволяют решать задачи распределения и перераспределения, вторые стоимостью не обладают, но ценны, владеют неиссякаемым источником. Так же выделяют ресурсы разделяемые, имеющие несколько процессов одновременно (параллельно), и неделимые [9]. Чаще всего встречаются личностные и средовые ресурсы. Личностные ресурсы (психологические, профессиональные, физические) представляют собой навыки и способности человека, приобретенные в ходе жизни. Они подразделяются на актуальные (средства и способности личности) и резервные (не использованные, недействительные ресурсы). Средовые ресурсы отражают доступную помощь личности (инструментальной, моральной, эмоциональной) в социальной среде [2, с. 51]. Объединяют ресурсы по роду деятельности: финансовые, психологические, социокультурные, информационные, социальные ресурсы, педагогические ресурсы и т.д. Также бывают задействованные (используемые в настоящий момент), потенциальные (скрытые возможности) и в резерве (ресурсы, которые еще не употреблялись на другие цели).

«Потенциал» близок к понятию «ресурс» и определяется, как «совокупность средств, возможностей, необходимых для чего-либо»; степень мощности (неявных условий) [4, с. 124]. В толкованиях отечественных авторов данный термин описывается, характеризуя содержание понятия «потенциал»: неиспользованные возможности, объективные резервы, способные проявить себя, обеспечив качественно новый позитивный результат (Е.А. Дмитриенко); характерное качество индивида, определяющее меру его возможностей в творческом самоосуществлении и самоорганизации (М.В. Колосова) [5, с. 2]; совокупность параметров, присущих всякой материально-духовной системе (отдельной личности, социальному институту, социуму и т.д.), обеспечивающих наличие у этих систем определённых возможностей, способностей, ресурсов для реализации (осуществления) ими тех усилий, направленных на самосохранение и самодвижение, а также преобразование условий и характеристик среды и взаимодействие с ними (В.А. Митрахович) [6, с.18].

Исходя из определений, значение потенциала различается в зависимости от целевого использования, т.к. он свойствен конкретному носителю (человеческий потенциал (личностный), социальный потенциал, научный потенциал, педагогический потенциал и т. д.). Потенциал связан с природными свойствами человека (И. Кант, К. Роджерс), поэтому имеет определенное возможностями, запасы индивида для использования и личностного становления. «Ресурс» затрагивает отношения человека с миром, это то, чем располагает общество. Отсюда проблема потенциала – развитие; проблема ресурса – использование. Ресурсом становится тогда, когда имеет коллективную или индивидуально поставленную цель [7, с.12].

Л.Ю. Аверина применяет смысловое значение потенциала, как «возможность, внутренне присущая сила, способ к действию». Он находится в скрытом состоянии и реализуется по необходимости в определенных обстоятельствах. При актуализации «потенциал» способен к сверхвосстановлению и приумножению. Ресурсы же при их использовании истощаются или возобновляются к исходному уровню (Н.М. Бережной, П.П. Горностай, Ю.М. Забродин, Н.Ф. Наумова) [1, с. 12–13]. Иначе считает А.М. Кондаков, рассматривая «ресурс» как долговечное и неизменчивое средство, которое имеет направленное свойство [3, с. 21–22]. Все зависит от вида ресурсов. Педагогические, социальные ресурсы, в отличие от природных, неисчерпаемы, целиком возобновляемы. Их использование содействует положительному изменению в развитии, переходу общества на новый, более высокий уровень. Но их необходимо постоянно использовать, поскольку они быстро обесцениваются и деградируют.

Анализируя вышеописанное, можно сделать вывод, что ресурс и потенциал различны по содержанию, но схожи по определению. Ресурсом может выступать любой объект в системе, при наличии цели, если он отвечает основным требованиям: устойчивый, типичный, им пользуются, разделяют, управляют и преумножают. Потенциал присущ каждому индивиду и только при осуществлении какой-либо деятельности могут выступать в качестве ресурсов.

Библиографический список

1. Аверина Л. Ю. Формирование потребности в саморазвитии физического потенциала у студентов педагогической специальности: дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2004.
2. Кожевникова Е. Ю. Личностные ресурсы преодоления ситуации социально-экономической депривации: дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.
3. Кондаков А. М. Образование как ресурс развития личности, общества и государства: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2005.
4. Лебедев С. А. Философия науки: словарь основных терминов. М., 2006.
5. Марков В. Н. Потенциал личности // Мир психологии. 2000. №1.
6. Митроханович В. А. Потенциал как педагогическая категория // Известия ВГПУ. 2008.
7. Миняева Н. М. Ресурс самообразовательной деятельности студента как социокультурный и педагогический феномен // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010, апрель. № 4 (110).
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973.
9. Понятие, сущность и виды социальных ресурсов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yoursociolog.ru/ysocs-310-2.html> (дата обращения: 12.05.2018)

ЦЕННОСТНО-РОЛЕВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ С РАЗНЫМ СЕМЕЙНЫМ СТАТУСОМ

А. В. Спасовская, Е. В. Харитонова (Краснодар)

В настоящее время общество находится на этапе изменений и переустройства всех сфер жизни. Происходит трансформация семейной системы, у молодежи возникают затруднения в осознании собственных представлений о семье и браке, предпочтении тех или иных форм брака, распределении ролей и обязанностей, определении семейных ценностей [2]. Неопределенность норм, регулирующих в настоящее время брачно-семейные, в том числе ролевые отношения, ставит перед современной семьей ряд социально-психологических проблем. Важнейшими из них являются проблемы «выбора» каждой семьей способа ролевого взаимодействия и формирования отношения

членов семьи к разным сторонам ролевого поведения. Для благополучия семьи необходима согласованность ролевых ожиданий. Нормальное функционирование семьи обеспечивается правильным распределением ролей и обязанностей между ее членами [1]. Условием нормального развития и функционирования семьи является наличие у мужа и жены многообразных ценностных ориентаций [3].

Несогласованность семейных ценностей, ролевых ожиданий и притязаний партнеров зачастую становятся серьезной почвой для разногласий и конфликтов, нередко приводящим к разводам. Еще одним фактором, влияющим на формирование брачно-семейных установок, является опыт взаимоотношений с родителями в детстве. Модель родительской семьи (полная, неполная), представления о ней влияют на семьи последующих поколений. Представления служат платформой для прогнозирования и планирования молодым человеком будущего поведения в брачно-семейной сфере [4]. Данные факторы при неблагоприятных условиях могут существенно исказить представления молодых людей о семейных ролях как в предбрачных отношениях, так и в браке, что не может не повлиять на успешность семейно-брачных взаимоотношений. Возникает необходимость разработки ценностно-ролевых ориентиров психосоциального сопровождения мужчин и женщин разного семейного статуса.

Мы провели собственное исследование, целью которого было выявить ценностно-ролевые ориентиры психосоциального сопровождения личности с разным семейным статусом. Мы предполагали, что существуют ценностные стили ролевых ожиданий и притязаний личности, сложно дифференцированные по ценностным ориентациям, которые следует учитывать при организации психосоциального сопровождения личности с разным семейным статусом. Для проведения дальнейшего исследования были выбраны следующие методики: методика А.Н. Волковой «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП), ценностный опросник Ш. Шварца (ЦО), а также методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах».

Выборка составила 60 человек разного пола, семейного положения, из них 30 мужчин и 30 женщин в возрасте 22–35 лет.

Была проведена процедура кластерного анализа, в ходе которой всех респондентов мы разделили на 5 кластеров.

Мы пришли к выводу, что действительно существуют определенные ценностные стили ролевых ожиданий и притязаний у каждого кластера, их ценностные ориентации проявляются как на уровне убеждений, так и в поведении, оказывают влияние на личность в целом. По результатам исследования, 1-й кластер примечателен своим неоднородным составом и многочисленностью: здесь сконцентрировано большое количество мужчин и женщин разного семейного статуса, среди которых, как лица, находящиеся в браке, так и холостые мужчины, и незамужние женщины. Представители данного кластера являются «эталонной группой», способны любить и наслаждаться жизнью. На уровне нормативных ценностей, т.е. тех ценностей, которые являются провозглашаемыми и показательными, проявляющиеся в убеждениях, важными для респондентов являются самостоятельность, доброта и достижение. Эти ценности являются неким образцом, эталоном, которые, возможно, впоследствии будут передаваться следующему поколению. А вот в качестве индивидуальных приоритетов, проявляющихся в собственном поведении, особо значимыми являются самостоятельность, доброта и гедонизм. Показательно, что у данного кластера нет проблем в доступности и значимости тех или иных ценностей, а значит, нет внутреннего вакуума и внутреннего конфликта. При этом если говорить о ролевых ожиданиях и притязаниях, то представители данного кластера социально-активны, готовы выполнять родительско-воспитательную функцию в семье, тем самым, ориентированы на осознанное родительство и общественную роль. Для того чтобы быть счастливыми, достичь гармонии в паре, им необходимо, чтобы партнер был также социально-активен и умел оказать моральную и эмоциональную поддержку в трудную минуту. Можно сказать, что данный кластер по всем показателям является самым образцовым среди всех кластеров.

Во 2-ом кластере представлено большее количество женатых мужчин (16,7%) и замужних женщин (55,5%), по сравнению с другими кластерами, а также процент неполных семей выше, чем в других кластерах (10%). Представители данного кластера активные, креативные, творческие люди, у которых нет проблем с

расхождением нормативных и индивидуальных ценностей, т.е. провозглашают и ориентируются они, прежде всего, на одни и те же ценности, такие как самостоятельность, доброта, достижение. Молодые люди испытывают затруднения в построении счастливой семейной жизни, в любви со своим партнером, а здоровье для них является главным недоступным показателем. Отсюда следует, что респонденты имеют внутренний конфликт в тех ценностях, которые им по каким-то причинам недоступны. При этом присутствует ярко-выраженная установка на активную родительскую позицию брачного партнера, но собственной готовности к активной воспитательной функции не обнаружено. Стоит отметить данную категорию респондентов как особо проблемную, требующую специальной программы психосоциального сопровождения.

3-й кластер по численности респондентов – самый малочисленный из всех. В основном, это респонденты, не состоящие в браке. Отмечен довольно большой процент респондентов из неполных семей (6,6%). Данная категория респондентов более конформна и традиционна, по сравнению с другими кластерами. Примечательно, что молодые люди не могут радоваться жизни, считают гедонизм чем-то неправильным и бесполезным. Для них представляют особую ценность счастливая семейная жизнь, любовь, свобода, но данные ценности, по каким-то причинам, недоступны. Также показательно, что данная категория людей практически не имеет высоких ожиданий от партнера, но при этом молодые люди готовы развиваться в профессиональной сфере, а также быть хорошими родителями. Это может говорить о несформированности образа будущего спутника жизни. Данный кластер также имеет определенные внутриличностные проблемы, связанные с самоопределением и мировоззрением, что говорит о необходимости комплексной психосоциальной поддержки.

В 4-й кластер также входят респонденты, не состоящие в браке, половина из них – респонденты из неполных семей. Примечательно, что входящие в этот кластер молодые люди настолько любят наслаждаться жизнью, что для них не особо важны ценности брака и семьи, а важность представляют наличие друзей, свобода, уверенность в себе. В то же время для них

открыто много возможностей для самореализации, познания, но они испытывают дефицит в дружеской поддержке и внимании. Они готовы реализовываться в профессиональной сфере, а от будущего партнера ожидают хозяйственно-бытовой помощи по дому и эмоциональной поддержки, но сами при этом не готовы преуспевать в этих сферах. Данная категория имеет множественные личностные проблемы, что требует более детального изучения при составлении программы помощи таким людям.

В 5-м кластере представлено большое количество замужних женщин, что не может не вызвать интереса в нашем исследовании. Эта категория людей ориентирована на получение удовольствия от жизни, а также на проявление доброты и самостоятельности. Для них значимыми являются счастливая семейная жизнь, здоровье и любовь, однако эти ценности остаются недоступными, что говорит о наличии внутреннего конфликта в данных сферах. В то же время, эти молодые люди активны, умны и креативны. В общем и целом, представители данного кластера ориентированы на счастливую семейную жизнь, но эта ценность для них остается недоступна.

Проанализировав полученные данные эмпирического исследования, мы пришли к выводу, что некоторые группы людей, а именно – представители 4-х кластеров, нуждаются в психосоциальном сопровождении.

При организации психосоциального сопровождения с данной категорией людей специалисту по социальной работе необходимо в индивидуальном порядке определить схему взаимоотношений с клиентом, диагностировать его по показателям уверенности/неуверенности в себе, представлении о себе, представлении о собственной родительской семье. На этапе психодиагностики возможно применение проективных методик, а также возможна работа с метафорическими картами, позволяющими увидеть семейную ситуацию, детские обиды. На этапе психологического консультирования необходима помощь в проблемах, связанных с нарушением межличностного взаимодействия с партнером, несоответствием между ценностью и доступностью жизненных ценностей, работа с разрушительными эмоциями, работа с телом, проработка психосоматических расстройств, проработка родительских установок и сценариев,

ощущения себя необходимой частью семьи. Также необходима тренинговая групповая работа, оказывающая психокоррекционное и развивающее воздействие на личность, рассчитанное на избавление от каких-либо проблем психологического характера, формирование системы практических умений, навыков и качеств личности, необходимых в общении и взаимодействии с партнером.

Таким образом, приведенные выше рекомендации могут быть использованы при организации психосоциального сопровождения личности, находящейся как в браке, так и в поиске потенциального спутника жизни. Своевременное обращение к специалисту по социальной работе будет способствовать качественной диагностической процедуре, а значит, станет ключевым моментом в избавлении от многих внутренних конфликтов и внутренней дисгармонии.

Библиографический список

1. Бакланова О. Э. Психологические особенности мужчин и согласованность их ролевых представлений в супружестве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 3.
2. Мерзлякова С. В. Особенности брачно-семейных представлений молодежи // Теория и практика общественного развития. Астрахань, 2012. №12.
3. Мухина Е. А. Динамика ценностей семейного образа жизни // Новые технологии. 2012. № 1.
4. Сизаева В. Э., Лисинецкая А. А. Проблема детско-родительских отношений и их влияние на представления о своей семье // Наука и современность. 2012. № 4.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В. Я. Суртаев (Ростов-на-Дону)

Мысль о том, что будущее любого государства будет таким, каким нынешнее общество сформирует нынешнее поколение молодежи, какие духовные и нравственные ценности привьет ему,

стала афористичной и достаточно расхожей. Но, между тем, эта мысль остается актуальной всегда.

Наши особые симпатии всегда связаны со студенческой молодежью – динамичной, пытливой, дерзкой и амбициозной. Именно ей предстоит в ближайшие годы совершенствовать социально-экономический уклад жизни нашего общества, внедрять цифровую экономику, осуществлять технологические прорывы в экономике, здравоохранении, образовании и в других сферах.

Получая высшее профессиональное образование, студенческая молодежь, как правило, не замыкается только в сферах будущих специальностей и направлений подготовки, но пытается активно реализовывать себя в смежных сферах деятельности, в том числе – в социокультурных. В досуговое время студенты музицируют, пробуют свои силы в хореографии, пантомиме, художественной фотографии и создании видеоклипов, создают Интернет-сообщества по различным досуговым интересам, шефствуют над памятниками истории и культуры, нуждающимися в охране и реставрации, принимают участие в любительских клубах и объединениях (поэзии, коллекционировании, бардовской песни, живописи и т.п.). Такая самореализация зачастую придает молодым людям ощущение полноты мировосприятия, возможность выразить свои творческие способности и включиться в культуротворческую деятельность.

Ценность участия студентов в социокультурных практиках и культуротворческой деятельности состоит в том, что они постепенно приобщаются к ценностям культуры, к культурно-историческим традициям.

Культура всегда была наиболее значимым источником ценностей, сокровищницей опыта, которые во все времена давали мощную духовную подпитку многим поколениям людей. Энергетический и духовный потенциал культуры, ее социальная востребованность в значительной мере объясняется тем, что личность молодого человека по существу ежедневно вступает во взаимодействие с культурой в трех важнейших сферах отношений: во-первых, она усваивает культуру, являясь объектом культурного воздействия; во-вторых, функционирует в культурной среде как носитель и выразитель культурных ценностей; в-третьих, создает культуру, будучи субъектом культуротворческой деятельности.

Чем богаче сложившийся у индивида в процессе его приобщения к культуре состав потребностей, способностей и умений, тем выше уровень его общей культуры.

Не претендуя на полноту и исчерпанность определения понятия «культуротворческая деятельность», мы будем исходить из того, что культуротворческая деятельность складывается из активной познавательной деятельности субъекта, направленной на потребление ценностей культуры, деятельности, направленной на преобразование внутреннего духовного мира субъекта и деятельности, направленной на преобразование окружающей его социокультурной среды.

Культуротворческая деятельность является одним из важнейших средств реализации сущностных сил человека и оптимизации социокультурного пространства. В этой деятельности, как правило, слитно присутствуют моменты преобразования, познания и оценки; она протекает преимущественно в форме общения. В процессе культуротворческой деятельности наиболее полно проявляются способности и индивидуальные особенности личности, формируются оценочные отношения к миру, вырабатывается система ценностных ориентаций: нравственных, эстетических. Под воздействием культуротворческой деятельности происходит формирование личностных и характерологических качеств индивида, постепенно формируется внутренний механизм саморегуляции личности, осуществляется усвоение и передача нравственных и эстетических ценностей от одного поколения к другому.

Культуротворческая деятельность близка по своей сути к понятию «самореализация». Самореализация является специфической человеческой формой самодвижения. Объектом самореализации являются собственные сущностные силы человека. Спецификой человеческих сущностных сил является способность к безграничному духовному совершенствованию, к реализации творческого потенциала.

Притягательным достоинством самореализации для студенческой молодежи является возможность «выходить за свои пределы», становиться тем, чем ты пока еще не являешься сейчас, «проектировать» (конструировать) себя в процессе и результате

своей культуротворческой деятельности, постоянно возвращаясь к самому себе, но уже в другом качестве. В таком понимании самореализации ее глубину и полноту задает социально-культурное содержание предмета самой деятельности. И в этом смысле самореализацию можно представить как успешную коммуникацию человека и предмета его активности, что предполагает слияние, сложение этих взаимодействующих сущностей и состояний, их сродственность, сонастроенность, подобие.

Всякое развертывание человеческих сущностных сил в процессе самореализации возможно лишь при условии предметно направленной деятельности. Самореализация – не только выявление себя, но и преобразование внешнего мира, ибо лишь через такое преобразование и возможно самовыявление, и, следовательно, характеристики самореализации определяются как в зависимости от особенностей личности, ее социального окружения, условий деятельности, так и от той сферы, в которой она действует, от того объекта, на который эта деятельность направлена. Иначе говоря, вектор деятельности личности, ее сущностные силы и разноустремленные потенции могут быть направлены либо «во вне себя», либо «вовнутрь» себя, либо туда и туда одновременно.

Любое свойство, характер и направленность личности можно обнаружить только через ее деятельность. Деятельность – это основной способ реального бытия сущностных сил, в котором человек преодолевает ограниченность своих природных сил. В процессе деятельности он как бы «достраивает» природные силы, осваивает их, превращая в свои сущностные силы. Человек постоянно стремится раздвигать границы своих сущностных сил, благодаря обогащению его предметного мира. Обогащаясь в процессе предметной деятельности, сущностные силы обретают новые возможности для дальнейшего развития, которое осуществляется на основе наследования прошлых результатов деятельности.

В полной же мере самореализация в культуротворческой деятельности возможна, на наш взгляд, лишь в том случае, когда потребность личности молодого человека в своем глубоком саморазвитии будет активно реализовываться в действии, в

самодетельности. Сущность самодетельности заключается в самостоятельной, добровольной, активной деятельности, обусловленной внутренними потребностями личности и свободной от внешних побуждений. К самодетельности в полном ее объеме можно отнести лишь безвозмездную добровольную деятельность, осуществляемую в свободное от основных профессиональных занятий время.

Единство самопознания, самосовершенствования и самодетельности составляет внутренний импульс развития личности, совершенствования ее сущностных сил. Самодетельность определяет конкретные способы самореализации личности, а самопознание и самосовершенствование – ее направление и смысл. Эти явления различны, не сводимы друг к другу, хотя и существуют в неразрывном единстве.

Особое место в социокультурной самореализации студенческой молодежи занимает Интернет. Миллионы молодых людей там учатся, трудятся и отдыхают; развлекаются, общаются, спорят; торгуют и воюют, одалживают и возвращают деньги, убегают от мира или путешествуют; играют в азартные игры, знакомятся, посредничают в делах, влюбляются; добиваются признания и славы, реализуют свои творческие способности и таланты. Все это многообразие проявлений социокультурной активности можно условно разделить на два класса:

- активность, аналогичная той, которую молодые люди практикуют в обычной жизни;
- активность, не возможная в реальном мире, но издавна «совершаемая» в воображении, мечтах, снах, играх, молитвах.

В Интернете общение между молодыми людьми стало более доступным, неформальным и простым. Теперь любой пользователь Интернета получает реальную возможность вступать в диалог не только с поставщиком информации, но и с автором того или иного произведения (новой повести, фильма, песни).

В Интернете человек получает возможность иметь множество масок, личин, имен, образов, что создает дополнительные возможности для самореализации, творчества, игры, импровизации, создания своего имиджа, своего социокультурного пространства.

Интернет по своей сути имеет принципиально нестатусный характер, что существенно меняет саму природу человеческих взаимоотношений. Пол, положение в обществе, возраст, национальность, внешность в сетевом сообществе не имеют существенного значения. Человек в этих условиях оценивается не по статусному положению или внешним признакам, а по своим мыслям, интересам, убеждениям.

Компьютерные технологические инновации обладают огромным культуротворческим потенциалом. Человек, создавая новые информационные системы, одновременно становится объектом их обратного воздействия, формирующего тип мышления, способы оперирования информацией. По закону обратной связи в системе «человек – информационные технологии» можно предвидеть новый виток спирали развития гуманитарной культуры. Для этого витка спирали будут характерны синтетичность рационального и чувственно-образного компонентов восприятия и передачи информации, распространение новых коммуникативных стандартов, зарождение новых видов искусства (мультимедиа-арт).

Появление нового формата Интернета Web2.0 сделало его еще более доступным миллионам пользователей, которые получили реальную возможность создавать собственный контент и обмениваться им, сотрудничать и формировать Интернет-сообщества. Новые медиа способствовали новому витку развития любительской деятельности. В Интернете циркулирует огромное количество социокультурной любительской продукции. Лавинообразный характер приобрели «народная» поэзия и литература, любительская фотография и видео, флэш-анимация и фан-арт, «народная теле- и кинокритика», «народный перевод» литературных произведений и многое другое.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

1. Стремление к социокультурной самореализации студенческой молодежи следует поощрять и рассматривать как важное звено повышения ее общего уровня культуры.

2. Интернет содержит значительный потенциал приобщения студенческой молодежи к ценностям культуры и образования.

3. «Вхождение» молодых людей в пространство Интернета будет эффективным при определенной социально-педагогической

коррекции их целевых установок, при формировании у них позитивной мотивации на самообразование, творчество, досуг.

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕСУРСОВ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ

Г. Ю. Тумаш (Пискачева)
(с. Воронцовка, Ейский район, Краснодарский край)

В быстро преобразующемся российском социуме школа является «сердцевиной» относительно замкнутого микромира села. Это определяет особенности её существования и специфику становления личности её воспитанников. Но «микромир» села имеет границу. Пролегает она на «пределе» - выходе из школы в «большую» жизнь. Именно граница отчетливо проявляет специфику реализации ресурсов личности в образовательном пространстве сельской школы.

На протяжении 2016/17 и 2017/18 уч.гг. в рамках выполнения профессиональных функций школьного психолога и учителя истории и обществознания школы села Воронцовка Ейского района проводилась психодиагностика и психолого-педагогическая коррекция способов совладающего поведения учеников выпускных и предвыпускных классов с трудными жизненными ситуациями. Результаты этой деятельности позволяют сделать некоторые выводы об особенностях реализации внешних и внутренних ресурсов личности в микросоциуме образовательного пространства сельской школы.

Анализ полученных результатов осуществлялся на основе гуманистических представлений о ресурсах личности как конструктивной основе, позволяющей преодолевать трудные жизненные ситуации. Совокупность ресурсов обеспечивает формирование или деградацию жизнестойких установок и навыков эффективного функционирования в условиях трудной жизненной ситуации. В рамках сложившейся концепции взаимосвязи внутренних (мотивационных, эмоционально-волевых, когнитивных и пр.) и внешних (социальных) ресурсов, исходили из постулата о

том, что при утрате внешних ресурсов постепенно происходит и утрата внутренних. Внешние ресурсы, в свою очередь, обеспечивают сохранность внутренних, только в том случае, если эти внутренние ресурсы уже есть.

Социальная среда села, в значительной мере испытывавшая на себе бурные процессы рыночных преобразований, структурной перестройки рынка труда и массовой миграции, явно не является стабильно благополучной. Возраст и статус выпускников вынуждает многих подростков сельской школы, одновременно с рядом возрастных задач – психофизиологических, личностных и социальных, решать проблемы преодоления неуспешности в деятельности, дефектов семейного воспитания, состояния здоровья, стигматизации в обществе и дезадаптации. Поэтому остро стоит вопрос жизнестойкости подростков.

Жизнестойкость (*hardiness*), согласно данным С. Мадди, включает относительно автономные компоненты:

- вовлеченность (*commitment*) – уверенность в том, что даже в неприятных ситуациях, участие в происходящем дает максимальный шанс найти «свое», значимое именно для себя, противоположностью вовлеченности является отчужденность;

- контроль (*control*) – это убежденность в том, что если возможно необходимо влиять на исход событий; если же ситуация принципиально не поддается никакому воздействию, то возможно изменить свое отношение к ней, с разных позиций оценить происходящее и т. д., противоположностью контроля является беспомощность;

- принятие риска (*challenge*) – осознание того, что стрессы и перемены – это естественная часть жизни, что любая ситуация – это как минимум опыт, который поможет развить себя и углубить свое понимание жизни, противоположностью принятия риска является уход от угрозы [2].

О степени вовлеченности выпускников - способности найти «свой» способ взаимодействия с миром говорят результаты диагностик психо-эмоционального статуса школьников 9–11 классов (всего 35 человек) с использованием проективных методик «События моей жизни» (для подростковых и юношеских групп), «Вселенная моего «Я» Н.Е. Водопьяновой, тест жизнестойкости

С. Мадди (интерпретация Д.А. Леонтьева), ситуационный тест-тренинг на социальную зрелость.

Отвечая на вопрос о самых важных для них жизненных целях, выпускники указывают на хорошую подготовку и сдачу экзаменов, поступление в учебные заведения, стремление найти престижную хорошо оплачиваемую работу. Их «вселенные» содержат такие ценности как общение с друзьями, путешествия, родительская семья, высокооплачиваемая работа (без указаний какая именно). Но уточнение того, какое именно будущее интересует выпускников, показало, что ребята знают «какими они хотят быть», но не задумываются о том «кем они хотят быть».

Указанные выпускниками важнейшие цели говорят об ограниченной субъектности профессионального самоопределения, её «связанности» внешней престижной идентификацией.

Такие результаты заставляют задуматься о явном отсутствии внешних ресурсов - социальных опор профессионального выбора.

Очень ограниченным оказался круг ответов подростков о жизненных целях в условной ситуации, когда «им принадлежат все ресурсы мира». Типичные ответы: куплю хороший автомобиль, поеду с семьей за границу отдохнуть, куплю тихий остров, получу права и прыгну с парашютом, поеду посмотреть различные достопримечательности мира и т.п. В ответах на вопрос «Что ты будешь делать, узнав, что покинешь Землю через полгода?» выпускники указали на стремление провести это время с семьей, помочь родителям и близким людям, пересмотреть сериалы, путешествовать. Полученные ответы и низкие показатели вовлеченности теста Мадди (17–23%) говорят о значительной степени отчужденности выпускников сельской школы, их замкнутости в сфере довольно узких интересов, неустойчивых связях с окружающим миром, реактивном характере взаимодействия с ним, отсутствии мотивации к самопроявлению и лидерству.

Диагностика локуса контроля при помощи тест-опросника Роттера показала преобладание среди этой же группы опрошенных лиц с максимально экстернальным локусом контроля (67%). Такие подростки склонны к внешней атрибуции своих действий, склонны надеяться на «авось», свои неудачи объясняют невезением, их

отличает конформность, повышенная тревожность, склонность к обману и совершению проступков.

Характерно, что именно экстерналы проявили склонность к интернет-зависимому поведению при исследовании с помощью тест-шкалы интернет зависимости Чена (Chen Internet addiction Scale – CIAS – адаптация К.А. Феклисов, В.Л. Малыгин). Виртуальную среду они воспринимают как альтернативу реальности. Это, в свою очередь, увеличивает «разрыв» в жизненном пространстве личности – «реальность : виртуальность». Причем о многообразии видов продуктивной деятельности в сети подростки практически не имеют представления. Пребывание в сети для большинства из них – стихийный «серфинг», с помощью которого они «где-то в другом месте». Так проблема отсутствия вовлеченности – «разрыва» контактов с социальной средой усугубляется цифровизацией. Происходит «уход» от решения реальных жизненных задач в «скольжение» по яркому, управляемому, предоставляющему удобные «не напрягающие» способы существования виртуальному миру.

Большая часть опрошенных не стремится каким-либо образом влиять на происходящие события, склонна «скользить» по жизни не напрягаясь, уходить от угроз. Внутренние ресурсы при таком жизненном стиле не «тренируются», личность превращается в безвольный объект обстоятельств или манипуляторов. Необходимо указать на то, что 8 и 9 классы являются пилотными, обучавшимися на основе деятельностного подхода в соответствии с идеологией современного ФГОС. Следовательно, они должны были избежать феномена «выученной беспомощности». Они его избежали, но около 80 % опрошенных проявляют «выученную апатию», не пытаясь утверждать свою субъектность, свою волю, свою самость и свое «Я».

Представленные результаты указывают на обостряющуюся в образовательной среде современной «оцифрованной» сельской школы проблему – воспитание воли. Мотивация и самостоятельное целеполагание ученика практически не создают необходимые волевые напряжения, так как в силу возрастных особенностей таких внутренних ресурсов у него ещё просто нет. Такими ресурсами являются чувство долга, ответственность, настойчивость, упорство, терпеливость, смелость и т.п. Все эти

компоненты развиваются тренировкой в процессе преодоления объективных и субъективных трудностей. Образовательная среда сельской школы должна представлять собой такой комплекс ресурсов, который содержит не только средства поддержки развивающейся личности, но и траектории, включающие необходимость преодоления «самого себя», умение переносить неблагоприятные состояния, проявлять настойчивость. Психолого-педагогическое взаимодействие должно создавать внешние «опоры», поддерживающие напряжение воли.

Библиографический список

1. Калашникова С. А. Личностные ресурсы как интегральная характеристика личности [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2011. №8. Т.2. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/31/3534/> (дата обращения: 27.05.2018).

2. Maddi S. R., Khoshaba D. M. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. 1994. Oct. Vol. 63. № 2.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОБЫТИЙ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ МУЖЧИНАМИ И ЖЕНЩИНАМИ

Е. В. Улько, Т. П. Васильева (Краснодар)

В рамках актуального на сегодняшний момент психологического подхода к пониманию человека как активного субъекта жизнедеятельности существенный интерес представляет исследование проявления данной активности через построение личностью субъективной картины событий своей жизни, жизненного пути. Субъективная картина жизненного пути обеспечивает целостность Я человека, объединяет его прошлое, настоящее и будущее, является ресурсом организации его актуальной и преобразовательной активности. В нашем исследовании мы сделали акцент на выявлении специфичности событийной представленности своего прошлого (автобиографическая память) и будущего (жизненные перспективы) у мужчин и женщин.

В психологии представлен существенный пласт работ, посвященный проблемам изучения целостного отражения личностью своего жизненного пути. Ещё К. Левин сформулировал событийную концепцию психологического времени и обозначил идею обусловленности психологического поля личности различным временным масштабом. П. Фресс используя понятие «временной кругозор», обозначил сущность восприятия времени через восприятие изменений в жизненном пространстве личности и адаптацию к этим изменениям за счет обращения к событиям прошлого и управления памятью [8]. В работах ряда авторов представлен акцент на изучении прошлого, в частности автобиографической памяти [3; 4; 6; 10]. Также мы встречаем обращение к изучению представлений человека о будущем [1; 2; 5; 7; 9]. В ряде случаев авторами используется термин «перспектива» в сочетании с уточняющими определениями: «временная перспектива» (Б.В. Зейгарник, Л.К. Франк, Ф. Зимбардо, Ж. Нюттен, Г. Гисме, З. Залески и др.), «психологические, личностные и жизненные перспективы» (К.А. Абульханова), «временная перспектива будущего» (Н.Н. Толстых), «перспектива будущего» (В. Ленс), «жизненные перспективы» (К.К. Платонов, В.Э. Чудновский, Е.И. Головаха, А.И. Епифанцева, Д.А. Леонтьев и др.) и др. [9].

В работах С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева сделан акцент на необходимости изучения личности через обращение к изучению субъективного образа жизненного пути, единицей анализа которого является событие [1; 7]. В своем исследовании мы ориентировались на реализацию событийного подхода к анализу жизненного пути личности, представленному в работах ряда исследователей (Е.М. Головаха, А.А. Кроник, Д.А. Леонтьев, Е.В. Шелобанова, Н.Н. Толстых, В.В. Нуркова, Н.А. Логинова и др.) [9].

Основная цель нашего эмпирического исследования – выявить особенности событийной наполненности и структуры событийных связей автобиографической памяти и жизненных перспектив личности у мужчин и женщин. Под жизненными перспективами личности (ЖПЛ) мы понимаем динамическую картину, представляемую личностью о себе, своей будущей жизни, и осознаваемую как возможную; содержащую в себе поставленные

цели и планируемые способы их достижения, программируемые сценарии и ожидаемые события. События автобиографической памяти (АС) – это доступные для осознания значимые (внешние и внутренние) события жизни связанные с определенными жизненными изменениями, важными решениями и определяющие жизнь человека на достаточно длительный период.

В нашем исследовании приняли участие 24 респондента (17 женщин и 7 мужчин) в возрасте 35–54 лет. Все респонденты являются клиентами психологической консультации с запросом повышения своей эффективности и личностной ресурсности в сфере бизнеса. Методы исследования: модифицированная методика Г.С. Никифорова «События моей жизни» [5], интервью. Основой для анализа ответов испытуемых по категориям событий автобиографической памяти явилась классификация Н.А. Логиновой [4].

Обратимся к анализу наиболее значимых результатов исследования.

По результатам исследования событийной наполненности автобиографических воспоминаний респондентов были выявлены различия структуры АС у мужчин и женщин. Женщины обозначают большее количество событий прошлого (18,1 – среднее количество событий на чел. у женщин и 13,8 – у мужчин). Структуры классов событий также различны. У женщин практически все категории представлены равномерно (среднее количество событий: события среды (3,1), социальные институты (3,8), значимые люди (3,7), поведение в среде (3,8), события внутренней жизни (3,8)). У мужчин наблюдается дифференциация по частоте упоминаний: события среды (0,6), социальные институты (4,6), значимые люди (4,1), поведение в среде (1,8), события внутренней жизни (2,5). Для мужчин представляют большую значимость события жизни, отражающие включенность в определенные социальные институты и связанные с общением со значимыми людьми. Независящие от них события среды занимают наименьшую частоту упоминаний. Особый интерес представляют различия относительно использования категории «значимые люди». Женщины обозначают появление в жизни значимых людей преимущественно как некоторый сопутствующий результат случайных либо нормативных событий, либо поведения в среде

(«перешла в другую школу, и появились подружки; мы там мечтали ...»), «в школе появилась подружка на долгие годы», «стала работать и появились люди, которые дали возможность мне проявиться...», «бросила танцы и встретила друзей»). Мужчины отдают первостепенную роль событию появления значимого человека и своей активности в возникновении отношений, и лишь потом отмечают: в связи с какими другими событиями была возможна эта встреча («я с преподавателями общался, когда в институте учился», «я помогал отцу и деду, когда жили ...», «я выбрал жену в институте»). Отмечено выделение мужчинами собственной активной позиции в нахождении и организации взаимодействия со значимыми людьми.

Были выявлены различия содержательной наполненности событиями жизненных перспектив личности у мужчин и женщин. Наиболее представленной для обеих групп является категория событий «События – планы» – события, которые являются реальными планами, для осуществления которых испытуемый уже в настоящее время осуществляет активные действия. Однако данная категория у мужчин встречается чаще (в среднем 3,7 упоминаний на человека), чем у женщин (2,65). Данные показатели говорят о том, что из ожидаемых событий будущего у людей, которые социально интегрированы, профессионально определены и находятся в процессе самореализации более половины – это планируемые события, на осуществление которых они уже мотивированны и готовы к реализации.

На втором месте в обеих группах примерно с равной частотой упоминания события на человека (мужчины – 1,51 и женщины – 1,64) стоит категория «События – нормы». Например: поступление в институт, после окончания школы; образование семьи, когда придет время; трудоустройство после окончания университета; выход на пенсию и подобное. Более того, эта категория событий занимает значительную долю во всей совокупности ожидаемых событий будущего, что может говорить о достаточной интегрированности социальных норм у исследуемых респондентов.

Категория событий «Я – идеальное», к которой относятся ожидания испытуемых того, что в будущем их образ «Я» – будет

лучше прежнего, несколько более свойственна женщинам (0,47), чем мужчинам (0,16).

Категория событий – «События – мечты», куда входят фантазийные события, нередко оторванные от реальности, оказались свойственны только женщинам (0,53). Примеры высказываний: «Я очень хочу в Париж, если получится»; «Хочу большой дом», «Пусть богатство упадет мне на голову». Их отличительной чертой от категории событий «События – планы», является отсутствие их подкрепления планом достижения или намерением действовать в направлении достижения желаемого.

В ожидаемых событиях будущего мужчины в большей степени ориентированы на реальные планы, подкрепленные конкретными способами достижения. Женщинам помимо событий-планов свойственно представлять будущее через возможные идеальные или желаемые события.

Нами был проведен корреляционный анализ частоты упоминания различных категорий событий автобиографической памяти и событий жизненных перспектив личности. Была выявлена статистически достоверная связь частоты встречаемости группы «Значимые люди» и группы «Событий – планов». Причем у мужчин она выше ($r = 0,96$), чем у женщин ($r = 0,76$). Чем чаще человек в воспоминаниях отмечает события, связанные с выделением значимых людей, тем более характерно для него наличие жизненных планов, на которые он мотивирован в настоящем. Люди, выделяющие в своих автобиографических воспоминаниях значимых людей более склонны планировать свое будущее, и, как следствие, трансформировать своё актуальное поведение с целью достижения желаемого планируемого результата.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что при общей схожести существует некоторая специфичность содержания и структуры событийных связей субъективной картины жизненного пути у мужчин и женщин. Дальнейшее исследование и конкретизация выделенных особенностей может позволить формировать гендерно специфический подход к использованию субъективной картины жизненного пути человека, его возможности осмысления и переосмысления событий жизни как личностного ресурса самореализации, повышения эффективности,

нахождения точки опоры к созидательной преобразовательной активности и саморазвитию.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Жизненные перспективы личности // Психология личности и образ жизни / под ред. Е. В. Шороховой. М., 1987.
2. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977.
3. Василевская К. Н. Функции автобиографической памяти личности // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 1 (43). Часть 3.
4. Логинова Н. А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности: учебное пособие. Алматы, 2001.
5. Никифоров Г. С. Практикум по психологии здоровья. СПб., 2002.
6. Нуркова В. В., Бодунова А. Е. Автобиографическая память как ресурс преодоления внутриличностного конфликта при алкоголизме // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2014. № 2.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2007.
8. Фресс П. Восприятие и оценка времени // Экспериментальная психология. / ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып. 6. М., 1978.
9. Шереметинская В. Н., Улько Е. В. Структурно-содержательные характеристики жизненных перспектив личности: параметр вероятности // Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (9–10 сентября 2016г., Краснодар–Сочи) / под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. Краснодар, 2016.
10. Шлыкова Ю. Б. Автобиографический текст как смысловое отражение бытия личности // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар. 2013. № 3.

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Ю. В. Фароонова, Л. М. Чепелева (Краснодар)

Компьютерные технологии являются неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Уже в детстве ребенка приучают к технике, учат ею пользоваться самостоятельно. Снижается возраст приобщения человека к компьютерам, планшетами, телефонами, что, конечно, положительно, но это явление имеет и другую сторону.

Безусловно, использование компьютера, телефона, планшета помогает развивать у ребёнка мелкую моторику, логическое

мышление, позволяет получить доступ к любой информации и общаться на расстоянии. Однако наравне с этими возможностями у ребёнка может происходить развитие компьютерной зависимости, которая приводит его к замкнутости, тревожности, агрессивности, потребности в постоянном пребывании за компьютером и другим негативным последствиями.

Первое определение феномена «компьютерная зависимость», предложенное Айвеном Голдбергом в 1996 г., трактовалось как неоправданно долгое, возможно патологическое пребывание в интернете [1]. В настоящее время есть достаточно много определений термина «компьютерная зависимость». Важно понять, что, прежде всего, это психическое расстройство, которое влечет неспособность индивида контролировать себя в процессе пребывания в интернете.

На данный момент определены симптомы, стадии компьютерной зависимости, разработано несколько методик для её выявления, но они имеют ряд сложностей. Главным фактором наличия зависимости является психологическое отношение к компьютерной деятельности. Индивид не только все свое время проводит за компьютером, его жизнь ограничивается этим компьютером, виртуальные друзья, виртуальное общение и интересы индивида ограничиваются пребыванием за компьютером. Предпосылки формирования компьютерной зависимости проявляются уже в школьном возрасте, но, к сожалению, на данный момент никто не уделяет данному феномену должного внимания, однако, хотелось бы отметить, что в последнее время данная проблема актуализируется.

Важным этапом в преодолении и предотвращении компьютерной зависимости является профилактика данного феномена. Субъектами профилактики являются не только специалисты, но и телевиденье, радио. Важным аспектом профилактики является её своевременность, но определить актуальное время профилактики сложно, так как с развитием технологий и информационного развития общества возраст профилактических мероприятий постепенно снижается.

Нами было проведено исследование, в рамках которого приняли участие младшие школьники, их родители и учителя начальных классов школ МОАУООШ №28 имени А. Матросова и МБОУ

средняя школа №1 города Новокубанска. Школа № 28 является маленькой школой, количество учеников в классах достигает максимум 17, при этом, в ней всего четыре класса, тогда как в школе № 1 количество учеников в классе достигает 28 человек, при этом есть несколько 1–4 классов. Оснащенность техникой в школе № 1 намного выше, чем в 28 школе, как у учеников, так и школы в целом.

Профилактика девиантного поведения лучше разработана и проводится в 28 школе. Возможно, это вызвано малым количеством учеников. Но осведомленность о проблеме компьютерной зависимости лучше у учителей школы № 1. Школа № 28 ведет активную внеурочную деятельность и деятельность по привлечению учеников в кружки и секции, а в школе № 1 данных мероприятий нет.

Профилактическая деятельность направлена в той и другой школах на профилактику девиантного поведения в целом, при этом в воспитательных программах проблеме компьютерной зависимости отводится время, но по факту данная деятельность проводится ближе к 4-му классу и ограничивается классным часом и родительским собранием, что никаких явных результатов не приносит. При этом если оценивать риск развития компьютерной зависимости, то более подвержены ей ученики школы №1.

Нами был проведен опрос родителей учеников 4 класса школы №1 и были получены следующие результаты. Большинство детей начинает пользоваться компьютером с 3–4 лет, при этом многие родители говорят о том, что уже в 1–1,5 года их дети начинали интересоваться телефонами, планшетами и с удовольствием просматривали мультфильмы, сами переключали их и играли в простейшие игры.

Уже в 4-м классе ученики проводят за компьютером, играя, посещая различные сайты, социальные сети, не менее двух часов. На подготовку к урокам ученики проводят за компьютером среднестатистически в среднем от полутора до двух часов. Но многие родители не смогли указать точное время нахождения за компьютером, так как данный факт зависит от многих обстоятельств (поведения, успеваемости ученика, сделанной домашней работы и от свободного времени). При этом психологи рекомендуют для возраста от 10 до 12 лет пребывать за

компьютером 1–2 часа, что в принципе и соответствует нормам, если не брать в расчет время, проведенное за играми и другой досуговой деятельностью.

В свободное время ученики предпочитают компьютерные игры, посещение различных кружков и секций или занятие хобби, прогулки с друзьями. Важную роль в профилактике играют семейные взаимоотношения, но, к сожалению, не все опрошенные родители имеют семейные хобби и занятия.

Для выявления риска возникновения компьютерной зависимости было проведено тестирование и выявлено, что в настоящее время в зоне риска уже находятся ученики 4 класса, поэтому нужна более ранняя профилактика. Но образовательные учреждения пренебрегают профилактикой компьютерной зависимости, считая, что есть более актуальные направления, такие как профилактика табакокурения, безопасные социальные сети, безопасная дорога, профилактика детской жестокости.

Таким образом, можно сделать вывод, что профилактика компьютерной зависимости на данный момент актуальна, но образовательные учреждения недооценивают её необходимость и ограничивают данную деятельность беседой с учениками и их родителями, что, к сожалению, является не достаточно результативным. Профилактику компьютерной зависимости нужно проводить уже в начальных классах, при этом только комплексность мероприятий может привести к значительным результатам. Профилактическую работу необходимо вести и образовательным учреждениям, и родителям, и учреждениям дополнительного образования, и общественным организациям при поддержке государства, что может позволить решить эту сложную проблему.

Библиографический список

1. Griffiths M. Internet addiction: Fact or fiction? // Psychologist. 1999. №5.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ОРИЕНТИР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-ВОЛОНТЕРОВ

Е. А. Фомина, Е. М. Шалина (Краснодар)

Всемирная Декларация Добровольчества, утверждает добровольчество как способ сохранения и укрепления человеческих ценностей, ибо, как подчеркивается в документе, «оно привносит в жизнь потребность в мире, свободе, безопасности, справедливости».

В становлении добровольческой деятельности важным ориентиром выступает ценностно-нормативная система личности. Она определяет и способ действий, и выстраивает цели, и проверяет идеалы волонтеров. Опыт, приобретаемый в волонтерской деятельности, ложится в основу той позиции, которую будет занимать человек в течение всей жизни. Парадокс добровольческой деятельности состоит в том, что, внося изменения в социальное окружение, человек изменяется сам. Волонтерская работа постоянно формирует вызовы для её участника, выполняя ее, он развивается. Деятельность волонтера регламентируется высшими ценностными установками и принципами. Это не просто оказание помощи, а изменения ценностных ориентаций, в частности, переход от принципа «иметь больше вещей» к принципу «активной жизненной позиции в обществе».

Выделение области исследования ценностей в самостоятельную научную дисциплину – аксиологию связывают с именем Р.Г. Лотце, именно он придал статус понятию ценности, введя его в специальный научный лексикон.

В научной социологии ценностная проблематика детально разрабатывалась Э. Дюркгеймом. Эмпирический этап исследований ценностей в социологии и социальной психологии, связан с именем М. Рокича. Эмпирический этап исследований ценностей в социологии и социальной психологии, связан с именем М. Рокича [2].

Ценность, как «понятие, с помощью которого характеризуется социально-историческое значение для общества и личностный смысл для индивидов определенных явлений действительности» принято сегодня и в философии, и в этике, эстетике, социологии.

По отношению к ценностным смыслам индивидов в социальной психологии используется два понятия: ценность и ценностные ориентации.

Ценности служат для людей своеобразным ориентиром, на который они равняются в социальном пространстве в своих стремлениях и поступках. Система ценностей выступает и в качестве контролирующего органа регуляции, побуждая человека к той или иной активности, определяя приемлемые в социуме способы их реализации, и в качестве внутреннего источника жизненных целей человека, выражая то, что является наиболее значимым для него, обладает личностным смыслом, побуждает его к преобразованию социальной действительности.

Исследуя природу происхождения личностных ценностей ряд авторов, в частности Б.И. Додонов и Э.А. Кюрегян, описывают механизм становления личностных ценностей в понятиях интериоризации человеком социальных ценностей. Для того, чтобы общественная ценность стала основой мировоззрения и поведения человека, обязательным условием её усвоения является практическое включение субъекта в коллективную деятельность, направленную на реализацию этой ценности. При этом селекция, принятие и усвоение отдельным субъектом социальных ценностей опосредуется его социальной идентичностью и ценностями малых групп, с которыми он непосредственно контактирует [1].

Характеризуя ценностно-смысловую сферу личности, авторы вычленяют и описывают разные типы ценностей, создавая их иерархическую модель.

Н.А. Бердяев на высшем уровне располагает три типа ценностей: духовные, социальные и материальные. Все остальные ценности он рассматривает как частное проявление одного из этих трех типов. В.А. Ядов, в своём исследовании показал, что ценности, расположенные выше, выступают как цели по отношению к низлежащим [4].

М. Рокич, проводя разделение ценностей, выделяет ценности двух типов: терминальные и инструментальные. Терминальные ценности – это убеждения в том, что определенные конечные цели заслуживают того, чтобы к ним стремиться. Инструментальные ценности – это убеждения в том, что определенный образ действий

с личной и общественной точек зрения является предпочтительным в любых [2].

На основе концепции М. Рокича и собственных разработок новый методологический подход к изучению индивидуальных ценностей развил Ш. Шварц. Разделяя ценности по типу мотивационных целей, которые они выражают, Ш. Шварц обосновывает это тем, что базовые ценности, которые представляют универсальные потребности человеческого существования, с высокой вероятностью можно обнаружить во всех культурах. Личностные ценности, по мнению ученого, существуют на двух уровнях. Первый уровень, более стабильный – уровень нормативных идеалов, отражающий представления человека о том, как нужно поступать, определяет тем самым его жизненные принципы поведения. Второй уровень – уровень индивидуальных приоритетов, соотносится с конкретными поступками человека, и более зависим от внешней среды [3].

Исследование ценностных ориентаций студентов-волонтеров было осуществлено в Кубанском госуниверситете. Респонденты – добровольцы из Студенческого педагогического волонтерского отряда «Милосердие». Психодиагностический инструментарий – Ценностный опросник Шварца [3].

Результаты, полученные при изучении ценностных ориентаций студентов-волонтеров на уровне нормативных идеалов можно представить в виде некой иерархической структуры отражающей степень значимости для группы респондентов каждой из ценностей.

Бесспорную ценность для волонтеров составляет такое качество как доброта. Волонтеры сфокусированы на благополучии в повседневном взаимодействии с людьми, для них важны дружба и любовь к человеку, им свойственно проявление лояльности, доброжелательности, снисходительности, полезности, честности, ответственности.

Не менее значимы для студентов-волонтеров как ценности самостоятельность и безопасность. Значимость ценности для них заключается в самостоятельности принятия решений и выбора способов действия, будь это в творчестве или в исследовательской активности, в самоконтроле и самоуправлении, в автономности и независимости. Они не менее высоко ценят личную безопасность и безопасность других людей, стабильность общества и социальный

порядок, безопасность семьи и национальную безопасность; в межличностных отношениях они стремятся реализовать чувство принадлежности, выстраивая отношения на принципах гармонии и взаимопомощи; такой фактор как здоровье (свое и близких) для них также высокой нормативный идеал.

На следующей ступени иерархической лестницы значимости ценностей для студентов-волонтеров находятся универсализм, достижения, конформность. Универсализм для волонтеров – это понимание, толерантность, благополучие всех людей и более – окружающего мира, защита этого благополучия в целях выживания. Достижения для них не только и не столько личный успех и социальное одобрение, сколько проявление компетентности в соответствии с доминирующими культурными стандартами. В конформности они ценят сдерживание и предотвращение действий, способных причинить вред, и личностные качества, не приводящие к этим негативным социальным последствиям: самодисциплину, вежливость, законопослушность, уважение к старшим.

Значительно меньшую значимость в иерархии ценностей студентов-волонтеров занимают гедонизм, традиции, стимуляция. Для них чувственное удовольствие и наслаждение от жизни, стремление к новым и глубоким переживаниям, и также принятие обычаев и идей, которые существуют в культуре, уважение традиций не стали пока приоритетными в ряду их жизненных смыслов.

На последней ступени нисходящей лестницы значимости ценностей у студентов-волонтеров – ценность власти, под которой понимается значимость социального статуса или престижа, сохранения своего общественного имиджа или общественного признания, социальной власти или богатства, что дает возможность доминирования над людьми.

Результаты, изучения ценностных ориентаций студентов-волонтеров на уровне индивидуальных приоритетов, только не совпали с результатами и ценностей на уровне нормативных идеалов, но и как предупреждает методика, показали существенные различия.

Полученные данные показывают значительный разрыв между нормативными идеалами, принятыми студентами-волонтерами, и

индивидуальными приоритетами, реализуемыми ими в поведении, причем по большому числу исследованных параметров.

Наибольший разрыв фиксирован по показателям безопасность и конформность. В поведении студентов-волонтеров не всегда находит отражение, принятое как ценность стремление к личной безопасности и безопасности других, окружающих их людей, их взаимоотношения могут не отвечать принципам гармонии и взаимоподдержки; а личностные качества и поступки не всегда выступают гарантом недопущения негативных социальных последствий. Возможно, причины расхождений лежат в плоскости следования студентами-волонтерами социальным образцам или есть результат соблюдения определенных традиций; либо объясняются ограничением их личностных возможностей, а может и проявлением группового давления.

В большей степени реализуются в поведении студентов-волонтеров нормативные идеалы, связанные с потребностью в стимуляции. Для поддержания уровня собственной активности они даже обращаются к ценностям, стоящим на низком уровне в иерархии их идеалов: стремлению к новым впечатлениям, способным вызывать разнообразные и глубокие переживания.

Библиографический список

1. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М., 2006
2. Рокич М. Природа человеческих ценностей. М., 1973
3. Шварц Ш. Ценностный опросник Ш. Шварца [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://psycabi.net> (Дата обращения: 12.10.2017)
4. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М., 2013

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ БЕЗРАБОТНЫХ ГРАЖДАН

А. А. Харитонов, Л. М. Чепелева (Краснодар)

На сегодняшний день, проблема безработицы является одной из наиболее актуальных для Краснодара, да и для России в целом. Безработица несет в себе не только материальную утрату заработка

денег, но также моральную и психологическую травмы для человека, ведь для личности это было гарантом его социального статуса и значимости в обществе. Из-за того, что эта проблема может затронуть абсолютно любого гражданина РФ, для правительства она является одной из наиболее первостепенных задач, требующих своего решения. Из-за огромного разброса потенциальных «жертв безработицы» довольно трудно охарактеризовать их личность. Все они относятся к разным слоям населения, возрастным группам, поэтому реакция этих людей в связи с потерей рабочего места может быть кардинально разной, начиная от спокойных поисков нового места работы и заканчивая депрессией, апатией и в некоторых случаях суицидом.

В работе с безработными гражданами всегда должны учитываться ценностные и смысложизненные ориентации человека. Люди, даже поняв свой потенциал, так и не могут направить в правильном направлении свой вектор развития. Узнав данную информацию, можно уже в процессе обучения направлять обучающихся по косвенному пути, туда, куда они сами желают, но боятся из-за возможности оказаться невостребованными, в частности из-за своих каких-либо личных качеств, а состоявшимся в профессии людям – показать возможные новые варианты развития их новой деятельности.

Важной составляющей безработицы является жизненные ориентации безработных и потенциально-безработных граждан. Для распознавания этих характеристик можно использовать тест смысложизненных ориентаций (СЖО).

Тест смысложизненных ориентации является адаптированной версией теста «Цель в жизни» Джеймса Крамбо и Леонарда Махолика. Методика была разработана авторами на основе теории стремления к смыслу и логотерапии Виктора Франкла и преследовала цель эмпирической валидации ряда представлений этой теории, в частности, представлений об экзистенциальном вакууме и ноогенных неврозах. Суть этих представлений заключается в том, что неудача в поиске человеком смысла своей жизни (экзистенциальная фрустрация) и вытекающее из нее ощущение утраты смысла (экзистенциальный вакуум) являются причиной особого класса душевных заболеваний – ноогенных неврозов, которые отличаются от ранее описанных видов неврозов.

«Цель в жизни», которую диагностирует методика, авторы определяют как переживание индивидом онтологической значимости жизни.

Сама методика в ее окончательном варианте представляет собой набор из 20 шкал, каждая из которых сформулирована как утверждение с двумя противоположными вариантами окончаниями, задающими полюса оценочной шкалы, между которыми возможны семь градаций предпочтения.

Результаты СЖО распределяются между шестью факторами:

- «Цели в жизни» – наличие жизненных целей, призвания, намерений в жизни;
- «Процесс» – обязательность выполнения возложенных обязанностей даже при наличии внутреннего протеста;
- «Результат» – интерес и эмоциональная насыщенность жизни;
- «Локус контроля – Я» – выражает ощущение успешности осуществления самого себя в жизни и повседневной деятельности;
- «Локус контроля – Жизнь» – выражает ощущение человеком его способности влиять на ход собственной жизни;
- «Общая осмысленность жизни» – выражает уверенность в принципиальной возможности самостоятельного осуществления жизненного выбора.

В исследовании приняли участие 134 респондента на базе свободной выборки. Из них 52 работающих (25 мужчин и 67 женщин) и 52 безработных респондента (12 мужчин и 30 женщин) в возрасте от 18 до 70 лет.

Испытуемые приняли участие в исследовании добровольно, без принуждения. Методики проводились в разных группах в одно и то же время, в первой половине дня, в одинаковых условиях. Инструкции испытуемым сообщались одинаковым образом, ни одному отдельному испытуемому не давались дополнительные инструкции. Каждому испытуемому, для индивидуального заполнения, раздавались бланки с текстами опросника. Временные ограничения на выполнения заданий были одинаковы для всех испытуемых.

По результатам исследований у безработных респондентов мужского пола средние показатели СЖО несколько снижены, по сравнению с нормативными значениями. У работающих мужчин

показатели осмысленности жизни соответствуют нормативным значениям.

Для безработных мужчин по сравнению с работающими мужчинами характерны более низкие значения:

- целей в жизни, придающих жизни осмысленность, направленность и временную перспективу ($p = 0,05$);
- осмысленности результата жизни, удовлетворенности прожитой частью жизни, самореализацией ($p = 0,004$).

У безработных респондентов женского пола показатели очень приближены к стандартам, а в некоторых случаях они несколько выше от средне нормативных значений. У работающих женщин все показатели СЖО значительно выше, чем у безработных женщин и нормативных значений.

Для безработных женщин по сравнению с работающими женщинами характерны более низкие значения:

- процесса жизни, восприимчивости самого процесса своей жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом ($p = 0,000$);
- осмысленности результата жизни, удовлетворенности прожитой частью жизни, самореализацией ($p = 0,003$);
- общей осмысленности жизни ($p = 0,001$).

Достоверных различий в выраженности смысложизненных ориентаций как между безработными мужчинами и женщинами, так и между работающими мужчинами и женщинами не выявлено.

Подводя итог, мы можем сказать, что имеются выраженные различия смысложизненных ориентаций между безработными и работающими респондентами. У респондентов имеются отклонения от стандартных показателей, причем у безработных это выражается в снижении значений, а у работающих – в повышении значений от стандарта. На фоне отсутствия достоверных различий смысложизненных ориентаций между мужчинами и женщинами в выборках безработных и работающих, выявлены более низкие показатели смысложизненных ориентаций у безработных респондентов разного пола, по сравнению с работающими.

Библиографический список

1. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО). М., 2000.

ОСОБЕННОСТИ ЛОКУСА КОНТРОЛЯ У БЕЗРАБОТНЫХ ГРАЖДАН

А. А. Харитонов, Л. М. Чепелева (Краснодар)

Локус контроля (лат. «locus» – местоположение, франц. «contryle» – проверка) – склонность человека приписывать успех или неудачи в его жизни внешним обстоятельствам или своим собственным способностям. Терминологию предложил в 1954 г. американский психолог Джулиан Роттер, позже был создан так называемый «опросник Роттера», который позволяет определить локус контроля. Людей с внешним локусом контроля, склонных объяснять последствия своих поступков влиянием обстоятельств, принято называть экстерналами, поскольку ответственность за свою деятельность они приписывают исключительно внешним условиям. Противоположный тип – интерналы. Люди этого типа считают ответственными за результаты своей деятельности только самих себя. Даже если обстоятельства неблагоприятны, интернал не станет оправдывать себя за ошибки или неудачи. Разница между экстернальным и интернальным локусами контроля заключается не только в отношении к ответственности, но и в целом соответствуют противоположным жизненным позициям. Интерналы, как правило, уверены в себе, последовательны в своих действиях, часто достигают поставленных целей. Экстерналы, напротив, подозрительны и тревожны, часто проявляют агрессию, реже добиваются успеха.

Локус контроля является важным элементом в работе с безработными, который необходимо учитывать. Зная это и используя в своей работе, специалисты смогли бы получить наиболее полный психологический портрет своего клиента, что поможет в процессе работы разрешить сложившуюся ситуацию. Для экстерналов, как и для интерналов нужно использовать разные методики в работе для наибольшей эффективности. Все выше изложенное обуславливает актуальность нашего исследования, в качестве гипотезы которого выступило предположение о более сниженных показателях «Локуса контроля – Я» и Локуса контроля – Жизнь» у безработных респондентов, по сравнению с работающими.

В исследовании приняли участие 134 респондента на базе свободной выборки. Из них 52 работающих (25 мужчин и 67 женщин) и 52 безработных респондента (12 мужчин и 30 женщин) в возрасте от 18 до 70 лет. Для оценки «Локуса контроля – Я» и Локуса контроля – Жизнь» респондентам был предложен тест СЖО Д.А. Леонтьева.

По результатам исследования выявлено, что у безработных респондентов мужского пола параметр среднего значения «Локуса контроля – Я» имеет небольшую разницу со стандартными значениями, но значения параметра «Локус контроля – Жизнь» ниже средне-нормативных значений.

У безработных мужчин по сравнению с работающими мужчинами характерны более низкие значения локуса контроля – жизнь, убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь ($p = 0,05$).

В целом, по значению «Локуса контроля – Я» у безработных и у работающих респондентов мужского пола оказались почти идентичными и более того приближены по значениям к норме. Значения «Локуса контроля – Жизнь» имеют различия как между безработными и работающими респондентами мужского пола, так у безработных респондентов по сравнению со средненормативными значениями. Более низкие показатели «Локуса контроля – Жизнь» можно охарактеризовать зависимостью у безработных от внешних процессов при потере работы и в ее поиске.

По результатам исследований, у безработных респондентов женского пола параметры среднего значения «Локуса контроля – Я» и «Локуса контроля – Жизнь» имеют довольно высокие значения относительно нормы.

По результатам исследований, для безработных женщин по сравнению с работающими женщинами характерны: более низкие значения «Локуса контроля – Я», убеждение в самостоятельной жизни в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле ($p = 0,000$).

В целом, по значениям «Локуса контроля – Я» и «Локуса контроля – Жизнь» безработные и работающие респонденты женского пола имеют повышенные значения относительно

нормативных значений. Причем у работающих женщин эти отличия еще выше по отношению к безработным женщинам.

По результатам исследований, у безработных мужчин по сравнению с безработными женщинами характерны:

- более низкие значения «Локуса контроля – Жизнь», убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь ($p = 0,021$);
- более высокие значения «Локуса контроля – Я», убеждение в самостоятельной жизни в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле ($p = 0,044$).

Достоверных различий в выраженности локусов контроля у работающих мужчин и работающих женщин.

Подводя итог, мы можем сказать, что различия между безработными и работающими респондентами мужского пола и безработными и работающими респондентами женского примерно идентичны. И там и там безработные респонденты имеют более низкие показатели локусов контроля жизнь и я.

Если сравнивать респондентов по гендерной составляющей, то здесь результаты неоднозначны – безработные респонденты мужского пола имеют более высокие показатели локуса контроля – я, но и более низкие показатели локуса контроля – жизнь, что может говорить о совершенно противоположных тенденциях у мужчин и женщин.

Библиографический список

1. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО). М., 2000.
2. <http://www.psychologies.ru/glossary/11/lokus-kontrolya/>
3. <https://psyfactor.org/personal/personal11-04.htm>

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНТОВ-ВОЛОНТЕРОВ КАК РЕСУРС ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. М. Шалина, Е. А. Фомина (Краснодар)

Феномен добровольчества становится сегодня объектом исследований во многих областях научного знания. Волонтерская

деятельность и особенности ее влияния на личность, а также детерминирующие эту деятельность факторы изучаются в педагогике, психологии, социологии. Ведутся исследования, посвященные как структурно-содержательным характеристикам деятельности, так и ее психологическим аспектам. Для отечественной психологии, по замечанию Е.Е. Насиновской, характерно изучение ценностно-смыслового аспекта деятельности [3].

Волонтерство является добровольным выбором, отражающим личные взгляды и позиции, активное участие гражданина в жизни человеческих сообществ. Ценностно-нормативная система личности является важным ориентиром в становлении склонности к волонтерской деятельности, слагаемым ресурсного потенциала личности волонтера. Ресурсный потенциал волонтера – это качественные характеристики, позволяющие ему эффективно проектировать и осуществлять добровольческую деятельность.

Участие студентов в добровольческой деятельности, как отмечает Е.С. Азарова, приводит к возникновению различных психологических эффектов: позитивное изменение коммуникативного сознания и коммуникативных умений, развитие эмпатии, творческого потенциала личности, формирование социальной активности, направленной на изменение и преобразование окружающей действительности [1].

Мотивация – один из наиболее изученных компонентов волонтерской деятельности. Она, как и другие виды деятельности, детерминирована не одним, а несколькими мотивами, причём эти мотивы не однозначны и разноплановы. Разнообразие мотивов добровольческой деятельности Е.С. Азарова условно разделяет на идеалистичные (быть социально полезным, помогать нуждающимся); компенсаторные (решение собственных проблем, ожидание ответной помощи, преодоление чувства одиночества); мотивы выгоды (получение полезных связей, проба себя, общественное признание); мотивы личностного роста (самосовершенствование); и мотивы расширения социальных контактов (потребность в контактах, мотив аффилиации) [1].

Ряд отечественных исследований мотивации добровольцев на первый план выводят мотивы, детерминированные гуманитарными ценностями личности: равнодушное отношение к

происходящему; стремление быть социально полезным; желание реализовать себя; желание решить проблемы других; подвижничество; добротворчество и благотворительность; сострадание и милосердие; альтруизм.

По отношению к последнему мотиву, побуждающему личность к добровольческой деятельности, представляется важным уточнение, сделанное Б.П. Ильиным: согласно его теории, альтруистическое поведение может быть связано либо с мотивом морального долга, либо морального сочувствия. «Человек с моральным долгом совершает альтруистические поступки ради нравственного удовлетворения, самоуважения, гордости, повышения моральной самооценки. Его помощь носит жертвенный характер. Человек с моральным сочувствием проявляет альтруизм в связи с идентификационно-эмпатическим слиянием, отождествлением, сопереживанием, но иногда не доходит до действия. Его альтруистические проявления неустойчивы» [2].

Ключевым конструктом в проведенном нами исследовании было психологическое понятие установки. Согласно диспозиционной концепции В.А Ядова, одного из последователей теории Д.Н. Узнадзе, социальная установка в психологии не что иное, как устойчивое отношение индивида к людям, и также к процессам и событиям, происходящим в обществе. Установка включает в себя высшие социальные потребности, жизненную позицию, потребность личности во включении ее в контактные группы [5]. Это не что иное, как принцип поведения индивида, который основывается на мировоззренческих установках, нормах и идеалах, общественных ценностях, а также на готовности действовать. Социальная установка, таким образом, это психологическое свойство; по ней может быть дана характеристика личности [5].

Изучение социально-психологических установок и мотивов студентов, включившихся недавно в волонтерскую деятельность и имеющих опыт деятельности в течение двух и более лет, было осуществлено с применением методики диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной [4].

Первичный анализ данных показал, что студенты, включенные в волонтерскую деятельность, независимо от их опыта

преимущественно ориентированы на процесс, для них очень важно, чтобы дело было интересным, приносило положительные эмоции, но процессуальная направленность иногда может препятствовать результативности: незаинтересованность делом может приводить к его незавершенности. Ориентированность на результат редко, но также встречается у студентов-волонтеров, причем, несколько чаще у волонтеров с опытом деятельности, что объясняется, вероятно, большей осознанностью осуществляемой ими деятельности, приходящей с опытом.

Большинство студентов-волонтеров, и с опытом деятельности, и пока еще не имеющие его, ориентированы на труд, он для них источник удовлетворения и радости, хотя для части студентов, недавно включенных в деятельность, значимость труда как ценности не столь категорична.

На свободу более ориентированы те студенты-волонтеры, кто имеет многолетний опыт деятельности: свободу они полагают главной ценностью жизни, готовы идти на жертвы ради отстаивания своей независимости. Начинающие деятельность волонтеры готовы принять какие-то жизненные ограничения и не столь категоричны в стремлении к своей независимости.

Ориентация на власть также не характерна по преимуществу всем студентам-волонтерам, независимо от их опыта деятельности; стремление к власти над людьми, контролю и влиянию по отношению к ним не являются установкой или мотивом волонтерской деятельности. И лишь у незначительной части волонтеров с опытом деятельности результаты указывают на присутствие в разумных пределах стремления оказывать влияние на окружающих, что мотивирует их скорее, чем остальных на стремление возглавить проект, акцию, дело.

Для студентов-волонтеров, независимо от их опыта деятельности, ориентация на деньги не является значимой ценностью. Все волонтеры, но в большем числе волонтеры-старшекурсники, способны оценивать материальные ценности скорее как средство приобретения благ и возможность направить их на благотворительность, в том числе в рамках своей волонтерской деятельности. Эти данные созвучны результатам исследований М.С. Яницкого, описавшего ценности материальной

обеспеченности и общественного признания волонтеров как «явно ими отвергаемые»[6].

Наибольшие различия в установках студентов-волонтеров с разным опытом деятельности были выявлены в ориентации на альтруизм. Альтруизм – наиболее ценная общественная мотивация, наличие которой отличает зрелого человека. Студенты-волонтеры с опытом деятельности в несколько лет проявляют с большей частотой установку действовать на пользу другим, приносить пользу другим людям. У волонтеров с небольшим опытом деятельности наряду с альтруистскими устремлениями присутствует и мотив личной заинтересованности в деятельности или ее результате. Разумный эгоизм, более присущий начинающим волонтерам, проявляется в том, что принимая какие-то решения, они учитывают, как последствия от принятых ими решений или действий отразятся на них лично, какие бонусы (баллы для портфолио, др.) это может им принести.

Сравнительный анализ средних значений установок и мотивов студентов-волонтеров с разным опытом волонтерской деятельности показал, что для испытуемых экспериментальной группы более важны ориентация на процесс (6,6), ориентация на альтруизм (5,9), ориентация на свободу (5,8) и ориентация на результат (5,6). Наименьшее значение имеют ориентация на деньги (1,7), ориентация на власть (2,0) и ориентация на эгоизм (2,6).

Для испытуемых контрольной группы наиболее высокое значение имеют ориентация на процесс (5,9), ориентация на результат (4,9), ориентация на труд (4,7) и ориентация на альтруизм (4,6). Наименьшее значение для волонтеров-первокурсников имеют ориентация на власть (2,2), ориентация на власть (2,3) и ориентация на эгоизм (2,9).

Наибольшие различия средних значений между волонтерами с большим опытом деятельности и волонтерами с опытом деятельности менее года проявились в ориентации на свободу и альтруизм. Студенты, проживающие опыт волонтерской деятельности, действуют на пользу другим, при этом чувствуют себя счастливыми и свободными.

У волонтеров же с меньшим опытом добровольческой деятельности проявились в большей степени, чем у волонтеров с опытом, ориентация на деньги, власть и эгоизм.

Значимость различий исследуемых установок личности в мотивационно-потребностной сфере у студентов экспериментальной и контрольной групп была проверена также по непараметрическому критерию U – Манна – Уитни. Значимые различия были установлены между показателями установки на альтруизм ($p = 0,014$), свободу ($p = 0,011$), деньги ($p = 0,032$).

Студенты-волонтеры экспериментальной группы в большей степени, чем студенты-волонтеры контрольной группы ориентированы на милосердие, самоотверженность, дела во благо других и личную независимость, тогда как ориентация на финансовое благополучие более выражена у студентов-волонтеров контрольной группы, нежели у студентов-волонтеров экспериментальной группы.

Библиографический список

1. Азарова Е. С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности: автореф. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2008.
2. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000.
3. Насиновская Е. Е. Вопросы мотивации личности с позиции деятельностного подхода // Психология в вузе. 2003. № 1–2.
4. Потемкина О. Ф. Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://psycabi.net>
5. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М., 2013.
6. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово, 2000.

КРИТЕРИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ

Ю. В. Шелепова (Краснодар)

Трактовка понятия «правовое сознание», сложна в силу того что данная категория включает в себя множество различных аспектов. В юридической практике под правовым сознанием чаще всего понимается сфера общественного, группового и индивидуального

сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений, к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях [1]. Далее необходимо рассмотреть психологические составляющие правового сознания. Правовое сознание личности – особая система регулирующая поведение человека, включающая в себя знания о праве, отношения к нему, установки и навыки социального поведения в сфере, определяемого правом [2].

Правовое сознание развивается в течение всей жизни индивида. Новорожденный ребенок правосознанием не обладает, оно формируется в личности по мере ее социализации [3, с. 251].

Правовое сознание проявляется в любом акте правового поведения человека, а именно как знанием, так и незнанием конкретной нормы права, отношении личности с существующей правовой системе, одобрении или неодобрении действующей власти и системе наказаний за правонарушения.

По мнению А.Н. Славской, в современном обществе основным регулятором поведения человека являются не статьи закона, а морально-психологические аспекты (ролевое поведение, взаимоотношения субъекта, его психология, личные интересы, амбиции), такие как совесть, доверие / недоверие, ложь и т.д. Взаимность морально-правовых обыденных взаимоотношений – это осознание взаимности обязательств, т.е. важнейший момент соединения в сознании личности своих обязательств перед другим и права требовать выполнения обязательств от другого. Именно это и есть, отмечает А.Н. Славская, «основная психологическая предпосылка возникновения правового сознания личности в межличностных отношениях. Здесь личность перестает осознавать себя целиком обязанной всем – обществу, другим людям, отходя от развитого христианством и социализмом чувства добровольности своего долга, жертвенности, и, по крайней мере, психологически начинает переживать свое право требовать что-либо от других» [4, с.200–202].

Л.А. Ясюкова критерии развития правового сознания студентов рассматривает исходя из выделенных ею уровней развития:

- 1-й уровень – правовой нигилизм, когда не признается правовое регулирование, отрицательное отношение к

существованию формального права, ориентация на индивидуальные морально-нравственные нормативы;

- 2-й уровень – противоречивое и неполноценное правовое сознание, сформированное не полностью, регулирующее поведение человека только в какой-то одной-двух сферах;

- 3-й уровень – правовое сознание в основном сформировано, хотя у человека может сохраняться отрицательное отношение к правовому регулированию в целом и к существующим законам в частности. Человек в своей деятельности старается не нарушать существующие законы и различные положения и т. д.;

- 4-й уровень – сформировано полностью. Осознается необходимость формально-правового регулирования, характерны абсолютная надежность в деловых отношениях, отсутствие нетерпимости к инакомыслию, умение корректно взаимодействовать с широким кругом людей [5].

По нашему мнению, рассматривая правовое сознание с точки зрения личности, полностью одобряющей действующий закон, – требования, цели, ценности закона (действующего права) осознаются и воспринимаются субъектом, как безусловно необходимые и полезные (для него и для других, для общества в целом) и подлежащие реализации. В данном случае для законопослушного гражданина основным критерием развития правового сознания является установочная позиция в соблюдении закона и убежденность в невыгоде и отрицательных последствиях его нарушения.

Важное место в правовом сознании занимают потребности. Состояния объективной нужды организма в чем-то, что лежит вне его и составляет необходимое условие его нормального функционирования, и называется потребностями. Когда потребности осознаются, они приобретают форму интереса к тем или иным видам деятельности, объектам, предметам. Интерес можно определить, как специфическое отношение личности к объекту в силу его жизненной значимости и эмоциональной привлекательности. В связи, с чем интересы тоже можно отнести к одному из критериев, а именно каковы эти интересы и определяет уровень развития правового сознания.

Реальной силой, которая активизирует человека, заставляет его совершать определенные правовые поступки, являются убеждения,

т.е. система мотивов личности, побуждающих ее поступать в соответствии со своими взглядами, принципами, мировоззрением. Ядро индивидуального правового сознания составляют убеждения, в формировании которых участвуют все компоненты человеческой психики. Убежденность определяет ценностные ориентации и основные установки. Ценностные ориентации личности, как еще один критерий – это представления о главных и важных целях жизни, а также об основных средствах достижения этих целей.

Развитие мировоззренческих элементов ведет к формированию идеала, под которым понимается высшее воплощение человеческих желаний и конечная цель устремлений человека.

Для того чтобы знания переросли в убеждения, органически вошли в общую систему ценностных ориентаций личности, они должны проникнуть в сферу чувств и переживаний, которые оказывают существенное влияние на правовую систему общества.

Готовность личности к достижению поставленной цели непосредственно связана с волей. В последние годы исследователи стали рассматривать волю как самостоятельный элемент правового сознания. Воля представляет собой сторону сознания, основной функцией которой является регуляция деятельности и поведения.

Жизненная позиция – это способ включения личности в жизнедеятельность общества, совокупность взглядов, убеждений, социально значимых умений, соответствующих им действий личности, реализующих ее отношение к окружающему миру.

На основе потребностей, интересов, ценностных ориентаций человека формируются мотивы его поведения в правовой сфере, а на основе информационного и оценочного элементов определяется волевой элемент правового сознания и правовая установка. Установка, по мнению Д.Н. Узнадзе – это целостное состояние субъекта. Согласно концепции Д.Н. Узнадзе в случае наличия какой-нибудь потребности и ситуации ее удовлетворения в субъекте возникает специфическое состояние, которое можно охарактеризовать как установку – склонность, направленность, готовность к совершению определенной деятельности, направленной на удовлетворение актуальной потребности.

В правовом поведении существенное значение имеет установка личности как готовность субъекта к совершению определенного действия или к реагированию в определенном направлении.

Установка, как основная, изначальная реакция на воздействие ситуации, в которой человеку приходится ставить и решать задачи, также является одним из ведущих критериев развития правового сознания.

Для уровня развития правового сознания не малую роль играет внутренняя правовая позиция, т.е. уровень восприятия правовых ценностей, на котором ценности, признанные обществом, обретают личностный смысл, который говорит о принятии личностью правовых норм.

Правовое сознание как совокупность знаний, представлений о праве, его оценок и чувств по отношению к нему, стратегий поведения, выражение отношения индивидов, социальных групп и общества к действующему праву, включает в себя все эти критерии. Учитывая различные подходы авторов к определению сущности правового сознания, его особенностей, можно подвести к выводу, что к критериям развития правового сознания можно отнести множество факторов в него входящих: убеждения, ценностные ориентации личности, чувства и переживания, ценностные установки личности.

Библиографический список

1. Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб., 1997.
2. Верстова М. В. Правовые представления личности с различной установкой к участию в суде присяжных : дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2007.
3. Общая психология: в 7 т. / под ред. Б. С. Братуся. Т. 1 : Соколова Е. Е. Введение в психологию : учебник для студентов высш. учеб. заведений. М., 2005.
4. Славская А. Н. Личность как субъект интерпретации. Дубна, 2002.
5. Ясюкова Л. А. Правосознание: диагностика и закономерности развития // Прикладная психология. 2002. № 4.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ РОССИИ И КИТАЯ

Л. М. Чепелева, Н. Т. Русия, Сунь Чжень
(Краснодар, Россия, Китай)

Система совершенствования социальной защиты населения России и Китая, а также социально-экономические пути развития этих стран во многом похожи, но имеют и различия.

В России преобразования были направлены и выражались в институциональных аспектах трансформации планового хозяйства в рыночную экономику в ситуации отсутствия надзора социальной направленности работы новых институтов, что обусловило неорганизованный характер изменений в социальной структуре российского общества. В Китае же сложилась несколько иная ситуация: благодаря сохранившейся социалистической идеологии, модернизация подчинялась социальным целям, в частности, — необходимости повышения жизненного уровня населения и гармонизации межклассовых отношений.

В настоящем исследовании сделана попытка ответить на вопрос, в какой мере сходны и различны мнения жителей России и Китая в вопросах доступности психолого-педагогических технологий в их странах, а также приоритетных направлениях политики государств в отношении социальной защиты и каналах информирования населения о работе социальных служб. В ходе исследования было опрошено 80 респондентов из России и Китая: по 40 человек из каждой страны с территорий города Краснодара и города Цзинань провинции Шаньдун. В опросе приняли участие 34 респондента мужского пола, 64 — женского в возрасте от 18 до 80 лет. Среди перечня социальных проблем жителям России и Китая предлагалось выделить те, которые существуют в их стране, при этом был возможен выбор нескольких вариантов.

Исследование показало, что респонденты из Китая в большей степени озабочены такими социальными проблемами как ситуация в сфере образования, демографическими проблемами и уровнем пенсионного обеспечения, тогда как уровень жизни населения и коррупцию выделили менее 20% опрошенных.

В России иная ситуация: подавляющее большинство (85%) отметили коррупцию и бюрократизм как основную социальную проблему в стране. Также было обращено внимание на недостаточный уровень пенсионного обеспечения и ситуацию в сфере образования. Показательно, что в комментариях к этому вопросу несколько респондентов из России отметили, что весь перечень проблем может быть применим к их стране, в то время как все опрошенные из Китая выбрали только 2 или 3 варианта.

Не все респонденты сталкивались с работой социальных служб: 55% (22 человека) опрошенных из Китая и 66% (27 человек) из России имели опыт взаимодействия с работниками социальных служб по различным вопросам. Китайские респонденты (8 человек) и российские (12 человек) отметили, что их опыт, либо опыт их родственников, оказался негативным.

На вопрос, какие виды социальной поддержки оказываются в их странах, были предложены несколько вариантов, среди которых можно было выбрать несколько. Среди респондентов из Китая доминирующими оказались ответы о социальной поддержке семьи и детей (22 ответа), безработных (19 ответов) и детей-сирот (16 ответов). При анализе данных респондентов из России сложилась похожая ситуация: варианты с поддержкой семьи и детей (27 ответов) и детей-сирот (29 ответов) также оказались популярными, кроме этого, опрошенные в России выделили работу с инвалидами как одно из развитых направлений в стране (27 ответов). Респонденты из обеих стран менее всего выделили такие направления как социальная поддержка пенсионеров, отдых и оздоровление детей и социальная реабилитация наркозависимых. Выяснилось, что, по мнению жителей Китая, в их стране психологическая поддержка со стороны социальных служб не оказывается, либо оказывается слабо: 92% респондентов уверены, что в их стране подобная работа не ведется. Среди респондентов из России более половины (54%) респондентов отметили, что психологическая помощь имеет место в работе социальных служб.

Особое внимание в проведенном исследовании было уделено источникам получения информации о работе социальных служб. Среди опрошенных из Китая абсолютное большинство (55% — 22 ответа) выделяет Интернет как основной канал получения сведений об услугах социальных служб. Остальные источники

набрали меньшее количество ответов, что показывает их не востребованность среди населения. Респонденты из России отметили, что узнают о работе служб от родственников и друзей (67% – 27 ответов), далее следует телевидение и радио (52% – 21 ответ) и Интернет (50% – 20 ответов). Примечательно, что в комментарии к вопросу несколько респондентов из России отметили такой источник как рассылка по традиционной почте. Наименее популярные ответы у респондентов обеих стран – социальные сети, которые в других сферах являются мощным коммуникационным ресурсом, особенно среди молодого поколения.

Существует проблема психологического барьера между населением и социальными службами: по ряду причин люди не готовы делиться своими проблемами с работниками социальной сферы. В исследовании была сделана попытка раскрыть данный вопрос в отношении жителей России и Китая. Подавляющее большинство респондентов из Китая считают, что данный барьер существует и вызван различными причинами:

- люди не готовы рассказывать о своих проблемах посторонним (19 ответов);

- люди не доверяют работникам социальных служб (7 ответов);

- население не проинформировано и не верит в возможности разрешения проблем при поддержке социальных служб (10 ответов).

Среди опрошенных из России складывается аналогичная ситуация: только два респондента полагают, что не существует барьера между работниками социальных служб и населением.

Помимо реализуемых видов деятельности социальных служб, нам удалось выяснить, какие из направлений, по мнению жителей двух стран, требуют психолого-педагогической поддержки в их странах. Выяснилось, что респонденты из Китая выделили те же направления, что и в вопросе о реализуемых видах социальной поддержки в их стране: поддержка семьи и детей, безработных и детей-сирот. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в приоритетных направлениях социальной работы в Китае существует дефицит применения психолого-педагогических технологий. Для российских респондентов ситуация несколько иная: среди направлений, требующих психолого-педагогической

поддержки, опрошенные из России выделили социальную помощь в случае семейного неблагополучия, социальную реабилитацию наркозависимых и социальную поддержку семьи и детей.

Нами также были выявлены формы психолого-педагогической работы, которые респонденты из Китая и России считают наиболее необходимыми и эффективными в работе социальных служб. Самый популярный ответ у респондентов: психологическое консультирование (19 ответов у опрошенных – в Китае, 30 ответов – у опрошенных в России). Далее мнения респондентов расходятся: у жителей России доминируют в ответах такие формы как профориентационная работа, психотерапия и социально-педагогическая поддержка, тогда как в Китае респонденты обращают внимание на телефоны доверия, социально-педагогическую реабилитацию и психотерапию.

Таким образом, нам удалось проанализировать мнение жителей России и Китая относительно применения психолого-педагогических технологий в их странах. Очевидно, что при сходстве социально-экономического пути двух стран, приоритетные направления социальной работы в них различны. Мы выяснили, что жители пользуются услугами социальных служб, однако между населением и службами существует психологический барьер. Основными источниками информирования о работе социальных служб в России по-прежнему остается мнение родственников и друзей, тогда как в Китае более развит канал Интернет коммуникации. В России повсеместно применяются психолого-педагогические технологии и, по мнению жителей, оказывается психологическая поддержка, тогда как в Китае менее развито данное направление. Респонденты из обеих стран отметили работу направлений, связанных с социальной поддержкой семьи и детей и детей-сирот. Кроме того, жители Китая отмечают деятельность социальных служб в области социальной защиты инвалидов, тогда как россияне выделяют работу по поддержке инвалидов.

Психолого-педагогические технологии находят широкое применение в различных сферах социальной работы. По результатам проведенного нами исследования, выявлено, что, в настоящее время существует дефицит применения подобных

практик при очевидной потребности в них населения, как в Китае, так и в России.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

К. К. Черенкова (Краснодар)

Подбор надежных, лояльных и компетентных педагогических кадров для работы в образовательных учреждениях на современном этапе ставит сложную задачу перед любым работодателем. Некачественный подбор сотрудников приводит к значительному моральному и материальному ущербу, а цена такой ошибки может быть слишком велика [1–3].

В наши дни эта задача может быть успешно решена кадровой службой и службой безопасности организации. Для комплексной проверки надежности и компетентности будущего персонала целесообразно проводить тестирование, как с применением психодиагностических тестов, так и с привлечением полиграфных технологий. Сейчас в России начинают активно применяться кадровые проверки в частном секторе. Так в Москве крупные частные фирмы, проводя до 7–10 тысяч проверок в год. Причём все они связаны с работой своего персонала (приём на работу, повышение по службе, проведение служебных расследований). К сожалению, государственные структуры, как правило, не заинтересованы в рекламе используемых ими методов. В кадровой работе это значительно снижает степень информированности окружающих об эффективности таких мероприятий. В то же время внутри предприятия информация об эффективности использования полиграфа является основным, мощным профилактическим средством.

Потребность в оценке и прогнозировании пригодности особенно актуальна, когда имеет место «отсев» в процессе обучения и практической деятельности лиц, у которых отмечается неудовлетворительное развитие необходимых для конкретной деятельности психологических качеств. Не смотря на то, что задача отбора первоклассных работников на научной основе была

впервые сформулирована Ф.У. Тейлором в начале XX в, проблема профессионального отбора квалифицированных специалистов для различных сфер деятельности не стала менее актуальной.

В качестве предмета исследования выступили психологические аспекты управления персоналом в педагогической сфере.

Выборка исследования:

- кандидаты на должности преподавателей обоего пола в возрасте от 24 и до 44 лет (средний возраст составил $31,37 \pm 1,00$ лет), общим количеством 60 человек:

- 40 преподавателей обоего пола в возрасте от 22 до 44 лет (средний возраст составил 32 года), из них 26 женщин, 14 мужчин.

Совокупная выборка составила 100 человек.

В ходе исследования были использованы следующие методы: теоретические: анализ, синтез данных, конкретизация; эмпирические: беседа, анкетирование, тестирование; методы математической обработки: оценка нормальности распределений переменных с помощью теста Колмогорова-Смирнова, параметрический метод сравнения двух выборок с использованием *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок, корреляционный анализ с помощью *r*-критерия Пирсона.

В качестве методик использовались: для исследования индивидуально-психологических особенностей респондентов – тест Кэттелла (16PF – опросник); для оценки особенностей представления об организационном конфликте – анкету для изучения реального конфликта. Достоверность полученных особенностей определяли с помощью параметрического метода сравнения двух выборок с использованием *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок и корреляционного анализа с помощью *r*-критерия Пирсона.

В ходе проведенного исследования нами были сформулированы следующие выводы:

На основании проведенного теоретического и эмпирического исследования можно утверждать, что одними из наиболее важных задач, стоящих перед психологической службой в сфере образования, являются профессиональный отбор квалифицированных специалистов, способных на высоком уровне осуществлять свою профессиональную деятельность, и своевременное разрешение организационных конфликтов.

В целом, для кандидатов на работу в сферу образования характерны следующие психологические качества: высокий уровень интеллекта, эмоциональная устойчивость, сдержанность, высокая нормативность поведения, смелость, дипломатичность и критическая настроенность.

Анализ личностных особенностей кандидатов в сферу образования позволил выявить значительную группу лиц, совокупность психологических характеристик которых можно рассматривать как потенциально противопоказанную для работы в этой системе, в частности: низкая мотивация, апатичность, недисциплинированность, несамостоятельность, зависимость от группы, бестактность в общении, доверчивость, нерешительность, робость, лень, молчаливость, эмоциональная неустойчивость, низкие умственные способности.

Анализ результатов исследования особенностей представления педагогических работников об организационном конфликте показал, что, не смотря на полученные, в целом, позитивные результаты, 10–15 % педагогов нуждается в психологической поддержке.

В частности они отмечают:

- что руководство не очень активно принимает своевременные меры для решения проблем организации,
- им не нравится в коллективе несогласие, неудовлетворенность, скука, холодность, непродуктивность и равнодушие коллег,
- при этом они считают, что в организации существует конфликт, хотя нет хронических, запущенных проблем.

Анализ результатов индивидуально-психологических особенностей педагогических работников, склонных к организационным конфликтам, позволил выявить в качестве индикаторов склонности к организационным конфликтам следующие параметры: высокие значения факторов С (эго-сила), Е (властность), F (озабоченность), Q1 (консерватизм), Q2 (групповая зависимость), Q4 (эго-напряженность), а также низкие значения факторов М (практичность), N (наивность) и О (чувство вины).

Таким образом, необходимо использовать предложенные диагностические критерии для выявления круга лиц, нуждающихся в коррекционных мероприятиях, психологическом сопровождении

профессиональной деятельности с включением групповых и индивидуальных тренингов, направленных на улучшение морально-психологического климата в коллективе.

Результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях и разработках для оптимизации совместной деятельности. Но при этом необходимо учитывать результаты индивидуальных психодиагностических исследований по выявлению характерологических и психологических особенностей каждого члена команды, т.е. каждой личности.

Библиографический список

1. Вахин А. А., Кравцова К. А. Программа изучения организационного конфликта в процессе управленческого консультирования // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 5. Программы и методики исследования личности и группы. М., 2002.

2. Николаева Ю. Е. Эмоции как механизм отражения культуры в пространстве личности // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия Психологические науки: Акмеология образования. Гендерная психология. 2007. Т. 13. № 2.

3. Углубленные кадровые проверки / под ред. Е. С. Швеца. М., 2003.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ

К. К. Черенкова, А. В. Черенкова (Краснодар)

Управленческое консультирование, давно существующее как вид организационного консультирования, зарекомендовало себя в качестве одного из эффективнейших инструментов организационного развития. Однако до недавнего времени в России оно не пользовалось популярностью. Проведенное психологами исследование показало, что руководители готовы работать с оргконсультантами, но вопрос о механизмах взаимодействия и степени доверия оставался открытым [2].

В качестве основных причин своего сомнения они отмечали:

а) не сформировавшийся рынок консультационных услуг по сравнению, например, с аудитом и антикризисным управлением;

б) отсутствие опыта подобного взаимодействия у себя и своих коллег;

в) финансовые трудности.

Эти данные были получены в результате социально-психологического опроса руководителей разного ранга и предприятий разных форм собственности.

За последние годы ситуация принципиально изменилась. Неустойчивые экономические и политические условия создали ситуацию жесткой конкуренции, а, следовательно, на первое место вышла стратегия не столько сиюминутного выживания, сколько создания возможностей долгосрочного развития. На сегодняшний день руководители не только коммерческих, но и государственных предприятий осознают потребность в квалифицированной помощи по различным вопросам, связанным с управлением, в том числе управлением персоналом.

Практика организационно-управленческого консультирования показывает, что из множества запросов, поступающих оргконсультанту, основным является запрос по диагностике, разрешению и управлению конфликтами. Наиболее актуальна эта проблема для государственных учреждений, где особенно важно сохранить опытных сотрудников и избежать «утечки мозгов» в коммерческие организации. В связи с недостаточным финансированием сотрудники производственных, образовательных и других учреждений испытывают большой материальный дискомфорт и, как следствие, психологический, что зачастую приводит к напряженным ситуациям, которые перерастают в открытые столкновения или конфликты [5].

Хотя проведены многочисленные исследования и есть практические достижения в области психологии организационного конфликта, сохраняется потребность в дальнейшей разработке ее методологической основы.

Из многих формулировок, определяющих понятие «организационное консультирование» (консалтинг), нам представляется предпочтительным его понимание как некой консультативной службы, работающей по контракту и оказывающей услуги организациям с помощью специально обученных и квалифицированных лиц, которые помогают организации-заказчику выявить организационные проблемы,

проанализировать их, дать рекомендации по их решению, а также при необходимости содействовать, выполнению этих решений [7].

Практика оргконсультантов значительно отличается от работы юридических, экономических и финансовых экспертов-консультантов. Основное отличие – в стиле работы оргконсультанта, который имеет чаще всего характер процессуального консультирования. Основная часть работы оргконсультанта – это сопровождение изменений в организации и приведение этого процесса к желаемому результату.

Таким образом, оргконсультант – это специалист, во многом определяющий эффективность жизнедеятельности организации.

Главная задача оргконсультанта на первом этапе – с помощью первичного анализа выявить основные проблемы организации, после обсуждения которых с руководством юридически заключается соглашение на выполнение работы. Основной проблемой на данном этапе работы является взаимодействие консультанта с персоналом организации, причем не только с рядовыми и руководящими сотрудниками всех рангов, но и внутренними консультантами, а также более глубокое изучение организационных проблем, например, с помощью процедур «модерационного» анализа [1–3].

Нельзя не отметить, что приглашение «коллеги извне» трактуется внутренним консультантом часто как недоверие, намек на непрофессионализм, что часто ведет к возникновению еще одной конфликтной ситуации при выполнении работы. Тем не менее, нормальное взаимодействие очень полезно и, как правило, дает наиболее эффективные результаты, особенно учитывая, что любые консалтинговые работы ограничены определенным сроком, а на точную диагностику ситуации требуется достаточно много времени и сил. Знакомство с информацией, которой владеет внутренний консультант, очень полезно, оно помогает сократить затраты на диагностику и сконцентрироваться на анализе и решении проблемы.

Большую роль в предотвращении конфликта между оргконсультантом и работниками организации (в том числе и внутренними консультантами) играют действия руководителя по разъяснению сотрудникам организации причин, вынудивших его прибегнуть к помощи оргконсультанта.

Вторым этапом консультирования является анализ полученных данных и выработка первичных рекомендаций. В тех случаях, когда речь идет только об анализе полученных данных или о подборе работника на определенную должность, процесс консультирования завершается данным этапом. В результате руководитель имеет рекомендации по подбору нового работника либо перечень необходимых изменений в организации.

Если же задачей является реализация выработанных и принятых рекомендаций, то начинается третий этап консультирования – «внедрение». Здесь очень важно для того, чтобы избежать конфликтной ситуации по окончанию работы, разграничить ответственность сторон, т.е. зафиксировать то, за что отвечает консультант, за что сам клиент и его сотрудники. Руководитель организации должен понимать, что изменения, начало которым положено, могут не осуществиться под влиянием тех или иных обстоятельств, например: человек, рекомендованный на должность, являясь непревзойденным специалистом, может не найти взаимопонимания в коллективе; или невозможно быстро повысить эффективность работы организации, «болевшей» долгие годы, и т.п.

«Организационный конфликт». Консультант в организации сталкивается с разнообразными конфликтами. Используя известную типологию, можно их перечислить: внутриличностный конфликт, межличностный конфликт, конфликт между личностью и группой и межгрупповой конфликт. Конечно, какие-то из них встречаются чаще, какие-то реже, но неоспоримым фактом остается их серьезное влияние на коллектив организации, которое в подавляющем большинстве случаев носит негативный характер.

Иногда конфликт понимается как вид общения, ситуационная несовместимость, тип конкурентного взаимодействия. Конфликт осознанных противоречий, подкрепленных специфическим, эмоциональным состоянием взаимодействующих личностей, можно считать, по мнению К.К. Платонова, одним из видов общения [6].

В рамках организационного консультирования под термином «организационный конфликт» мы понимаем противоборство двух и более сторон, которые могут быть конкретными лицами и

группами, за определенный ресурс, который мы будем называть «ресурс конфликта».

Встречается неоднозначное отношение к роли организационного конфликта. Например, когда люди думают о конфликте, они чаще всего ассоциируют его с агрессией, угрозами, спорами, враждебностью и т.п. То есть отмечается его деструктивное влияние, дисфункциональность. В результате бытует мнение, что конфликт – явление всегда нежелательное, что его необходимо по возможности избегать и немедленно разрешать, как только он возникает.

Одним из наиболее перспективных современных направлений в работе с организационными конфликтами является сфера организационного консультирования, включающая в себя собственно управленческое консультирование. Не трудно обозначить основные преимущества данного направления: а) беспристрастный взгляд со стороны, независимая и непредвзятая оценка; б) помощь на временной основе, возможность привлечь профессионала на определенный период времени; в) наличие особых знаний и навыков.

Основные изменения в парадигме исследования конфликтов, оказавшие влияние на отношение к конфликтам и практику работы с ними, могут быть сформулированы в нескольких простых тезисах.

1. Конфликт – это распространенная черта социальных систем, он неизбежен и неотвратим, а потому должен рассматриваться как естественный фрагмент человеческой жизни. Конфликт должен быть принят как одна из форм нормального человеческого взаимодействия. Хотя конфликт, возможно, и не лучшая форма человеческого взаимодействия, мы должны перестать воспринимать его как какую-то патологию или аномалию. Конфликт – это нормально.

2. Конфликт не всегда и не обязательно приводит к разрушениям. Напротив, это один из главных процессов, служащих сохранению целого. При определенных условиях даже открытые конфликты могут способствовать сохранению жизнеспособности и устойчивости социального целого. Конфликт не следует воспринимать как однозначно деструктивное явление и так же

однозначно оценивать. Современное понимание конфликтов предполагает, что конфликт – это необязательно плохо.

3. Конфликт содержит в себе потенциальные позитивные возможности. Общая идея положительного эффекта конфликтов сводится к следующему: продуктивность конфронтации проистекает из того факта, что конфликт ведет к изменению, изменение ведет к адаптации, адаптация ведет к выживанию [2].

Конфликт —► изменение —► адаптация —► выживание. Если мы перестанем воспринимать конфликт как угрозу и начнем относиться к нему как к сигналу, говорящему о том, что надо что-то изменить, мы зайдем более конструктивную позицию. Ценность конфликтов в том, что они предотвращают окостенение системы, открывают дорогу инновациям. Конфликт – это стимул к изменениям, это вызов, требующий творческой реакции.

В китайском языке иероглиф «кризис», «конфликт» образован сочетанием двух иероглифов. Один из них означает «риск», «опасность», а другой – «благоприятная возможность». В конфликте, бесспорно, есть риск разрушения отношений, опасность непреодоления кризиса, но есть также и благоприятная возможность выхода на новый уровень отношений, конструктивного преодоления кризиса и обретения новых жизненных возможностей. В конфликте потенциально заложено мощное конструктивное начало, а значит конфликт – это может быть хорошо.

Библиографический список

1. Вахин А. А. Процедура изучения субъективных представлений работников о проблемах организации // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М., 2001.

2. Вахин А. А., Кравцова К. А. Критерии эффективности организационного консультирования // Современные проблемы психологии управления / отв. ред. Т. П. Емельянова, А. Л. Журавлев, Г. В. Телятников. М., 2002.

3. Вахин А. А., Кравцова К. А. Программа изучения организационного конфликта в процессе управленческого консультирования // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 5. Программы и методики исследования личности и группы. М., 2002.

4. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб., 2002.

5. Николаева Ю. Е. Эмоции как механизм отражения культуры в пространстве личности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия Психологические науки: Акмеология образования. Гендерная психология. 2007. Т. 13. № 2.

6. Развитие понятийной системы теории психологического климата в советской психологии // Социально-психологический климат коллектива / под ред. Е. В. Шороховой, О. И. Зотовой. М., 1979.

7. Управленческое консультирование / под ред. М. Кубра. В 2-х т. М., 1992.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Агабабян Анна Гришаевна** – студентка, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

2. **Акбасова Гузель Анатольевна**, студентка, факультет клинической психологии, ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского» Минздрава России, г. Саратов.

3. **Аронова Елена Юрьевна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

4. **Бедерханова Вера Петровна**, доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

5. **Варавкина Юлия Павловна**, преподаватель кафедры социальной работы с курсом педагогики и образовательных технологий дополнительного профессионального образования, ГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет», г. Волгоград, Varavkina@mail.ru

6. **Варагян Армине Хачатуровна**, педагог-психолог, БОУ СОШ № 37, Краснодарский край, Динской район, станица Старомышастовская.

7. **Васильева Татьяна Павловна**, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, kazansevatp@rambler.ru

8. **Велиляева Оксана Владимировна**, магистрант, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, oksvel1973@yandex.ru

9. **Верстов Вадим Викторович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Факультет управления и психологии,

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

10. **Верстова Марина Викторовна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

11. **Волошинская Любовь Васильевна**, преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького, г. Донецк, Донецкая народная республика.

12. **Гаврилова Ирина Сергеевна**, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Волгоград, Gavrilova-irene@rambler.ru .

13. **Гомцяи Овсеп Арамаисович**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

14. **Горшкова Ольга Михайловна**, учитель географии МБОУ Гимназия № 88, г. Краснодар.

15. **Грובה Святослава Васильевна**, студент, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

16. **Гудакова Людмила Владимировна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар

17. **Демин Андрей Николаевич**, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, demin@manag.kubsu.ru

18. **Звягин Константин Алексеевич**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики и естествознания и методики обучения математики и естествознанию, ФГБОУ ВО «Южно-

уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Челябинск, zvyaginka@cspu.ru

19. **Катрунов Владимир Алексеевич**, кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского, г. Саратов.

20. **Кимберг Александр Николаевич**, кандидат психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и социологии управления, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

21. **Киреева Оксана Васильевна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, OKSANA-KIREEVA@mail.ru

22. **Киреева Светлана Андреевна**, кандидат социологических наук, ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского» Минздрава России, г. Саратов.

23. **Колованов Александр Валерьевич**, преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького, г. Донецк, Донецкая народная республика.

24. **Кондратьев Юрий Александрович**, аспирант, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, 89183155553@mail.ru

25. **Коржова Дарья Александровна**, преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького, г. Донецк, Донецкая народная республика, darya.korzhova.1984@mail.ru

26. **Кузнецова Мария Николаевна**, кандидат философских наук, ассистент, ФГБОУ ВО Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского, г. Саратов.

27. **Курсакова Юлия Витальевна**, студентка, факультет клинической психологии, ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского» Минздрава России, г. Саратов.

28. **Ленский Вадим Олегович**, преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького, г. Донецк, Донецкая народная республика.

29. **Лукинова Виктория Александровна**, студент, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

30. **Миленина Юлия Андреевна**, магистрант, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

31. **Морарь Алина Анатольевна**, студент, Факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

32. **Москвитина Ольга Александровна**, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования», г. Москва, mskvn-lg@yandex.ru.

33. **Мягкова Елена Владимировна**, заместитель заведующего МАДОУ «Детский сад комбинированного вида №113», г. Краснодар.

34. **Николаева Юлия Евгеньевна**, ст. преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью, Факультет журналистики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

35. **Олейников Даниил Юрьевич**, магистрант, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

36. **Остапенко Валерия Олеговна**, магистрант, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

37. **Парахневич Наталья Вячеславовна**, магистрант, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

38. **Помазан Игорь Александрович**, аспирант, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, 4632164@mail.ru.

39. **Пронина Лилия Фаилевна**, магистрант, ФГБОУ ВО «Южно-уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Челябинск, lf_pronina@mail.ru

40. **Рогочая Галина Петровна**, кандидат философский наук, доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, rogochayagr@rambler.ru

41. **Русия Натэлла Тенгизовна**, магистрант, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

42. **Спасовская Александра Васильевна**, магистрант, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

43. **Склярова Елена Викторовна**, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

44. **Смахтина Анна Владимировна**, аспирант, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

45. **Спирина Людмила Викторовна**, кандидат педагогических наук, заместитель директора по образовательной деятельности, управлению персоналом и связям с общественностью, ФГБОУ «Всероссийский детский центр «Орленок»», Краснодарский край, Туапсинский район.

46. **Сунь Чжень**, магистрант, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Китай, провинция Шаньдун г. Цзинань.

47. **Суртаев Василий Яковлевич**, доктор педагогических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, ФГБОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, sokrat0507@mail.ru

48. **Тумаш (Пискачева) Гелена Юрьевна**, кандидат педагогических наук, педагог-психолог, учитель МБОУ СОШ №23 Краснодарский край, Ейский район, село Воронцовка.

49. **Улько Елена Васильевна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, elulko@gmail.com

50. **Фароонова Юлия Владимировна**, магистрант, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

51. **Фахрудинова Эльмира Рэстэмовна**, кандидат философских наук, ассистент, ФГБОУ ВО Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского, г. Энгельс, elmirafah@yandex.ru

52. **Фомина Екатерина Александровна**, магистрант, Факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

53. **Харитонов Андрей Андреевич**, студент, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

54. **Харитоновна Евгения Владимировна**, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, veha_2000@mail.ru.

55. **Черенкова Анна Вадимовна**, зав. отделением, преподаватель, ГБПОУ КК «Краснодарский педагогический колледж», г. Краснодар.

56. **Черенкова Кира Кирилловна**, магистрант, Факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

57. **Чернышев Евгений Александрович**, магистрант, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар

58. **Чепелева Лада Металовна**, кандидат психологических наук, заведующий кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

59. **Шалина Елена Михайловна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

60. **Шаркова Наталья Юрьевна**, студента, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

61. **Шелепова Юлия Вячеславовна**, магистрант, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Shelerova.yulia95@mail.ru

62. **Шереметова Александра Игоревна**, магистрант, Факультет управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

Содержание

Введение.....	3
<i>Агабабян А. Г., Гомцяи О. А.</i> Дискриминация: понятие, трактовки, типология.....	5
<i>Аронова Е. Ю., Мягкова Е. В.</i> Развитие социальной компетентности дошкольников в образовательном взаимодействии	9
<i>Аронова Е. Ю., Парахневич Н. В.</i> Доверие в образовательном взаимодействии с педагогом в оценке студентов.....	13
<i>Варавкина Ю. П.</i> Выгорание при сахарном диабете как фактор, снижающий ресурс управления заболеванием у пациентов.....	15
<i>Варагян А. Х., Харитонов А. А., Харитонова Е. В.</i> Личностные предикторы склонности к риску в юношеском возрасте.....	19
<i>Верстова М. В., Велиляева О. В.</i> Социально-психологическая адаптация военнослужащих, уволенных в запас	24
<i>Верстова М. В., Верстов В. В.</i> Суд присяжных как форма социально-правовой активности личности.....	27
<i>Верстова М. В., Шаркова Н. Ю.</i> Социально-психологические особенности суицидального поведения подростков.....	35
<i>Гаврилова И. С.</i> Типы стратегий поведения пациентов на отечественном фармацевтическом рынке.....	37
<i>Грובה С. В., Гомцяи О. А.</i> Социальная защита государственных гражданских служащих Российской Федерации.....	42
<i>Гудакова Л. В., Остапенко В. О., Чернышев Е. А., Шереметова А. И.</i> Социально-психологические характеристики современного российского волонтера.....	48
<i>Звягин К. А., Пронина Л. Ф.</i> Кластерный подход в исследовании и решении управленческих проблем образования с учетом элементов информационной безопасности.....	52

<i>Катрунов В. А., Фахрудинова Э. Р., Кузнецова М. Н.</i> Здоровье населения как социальный ресурс государства.....	57
<i>Кимберг А. Н., Склярова Е. В.</i> Конструкт позиции в практике образования.....	60
<i>Киреева О. В., Дёмин А. Н.</i> Финансовый самоконтроль как предпосылка эффективного финансового поведения.....	66
<i>Киреева О. В., Помазан И. А.</i> Самоконтроль как ресурс зрелой личности.....	69
<i>Киреева С. А., Акбасова Г. А., Курсакова Ю. В.</i> Отношение к здоровью студентов специальности «Клиническая психология» СГМУ им. В. И. Разумовского.....	75
<i>Кондратьев Ю. А., Демин А. Н.</i> Экзистенциальные аспекты реализации социального ресурса.....	78
<i>Коржова Д. А.</i> Социальная ответственность личности менеджера в организации.....	81
<i>Ленский В. О., Колованов А. В., Волошинская Л. В.</i> Анализ влияния интеллектуальных способностей личности старшеклассников на их социальный статус в ученическом коллективе.....	86
<i>Лукинова В. А., Харитонова Е. В.</i> Стрессоустойчивость личности как ориентир психосоциальной работы.....	94
<i>Миленина Ю. А., Бедерханова В. П.</i> Профессиональное развитие социального работника в системе непрерывного образования.....	98
<i>Морарь А. А., Шалина Е. М.</i> Отношение к одиночеству старшеклассников: страдание или ресурс саморазвития	102
<i>Москвитина О. А.</i> Психологические аспекты транспрофессионализма	108
<i>Николаева Ю. Е.</i> Профессиональная самооценка как компонент в структуре профессиональной Я-концепции	113
<i>Николаева Ю. Е., Горшкова О. М.</i> Профессиональная мотивация студентов-первокурсников.....	116
<i>Олейников Д. Ю., Спирина Л. В.</i> Влияние социальных масс- медиа на становление гражданской позиции молодежи	118

<i>Остапенко В. О., Бедерханова В. П.</i> Предотвращение актуализации экзистенциальных страхов у молодых людей (18–25 лет) в контексте психолого-педагогической помощи личности.....	122
<i>Пронина Л. Ф.</i> К вопросу обеспечения информационной безопасности образовательного пространства.....	127
<i>Рогочая Г. П., Улько Е. В.</i> Кросс-культурный подход к исследованию психологических аспектов медиации.....	130
<i>Смахтина А. В., Бедерханова В. П.</i> Теоретическое обоснование понятий «ресурс» и «потенциал».....	135
<i>Спасовская А. В., Харитонова Е. В.</i> Ценностно-ролевые ориентиры психосоциального сопровождения личности с разным семейным статусом.....	138
<i>Суртаев В. Я.</i> Особенности социокультурной самореализации студенческой молодежи.....	143
<i>Тумаиш (Пискачева) Г. Ю.</i> Реализация ресурсов личности в современном образовательном пространстве сельской школы	149
<i>Улько Е. В., Васильева Т. П.</i> Особенности представлений событий жизненного пути мужчинами и женщинами....	153
<i>Фароонова Ю. В., Чепелева Л. М.</i> Проблемы профилактики компьютерной зависимости в образовательных учреждениях.....	158
<i>Фомина Е. А., Шалина Е. М.</i> Ценностные ориентации как ориентир деятельности студентов-волонтеров.....	162
<i>Харитонов А. А., Чепелева Л. М.</i> Смысложизненные ориентации безработных граждан.....	166
<i>Харитонов А. А., Чепелева Л. М.</i> Особенности локуса контроля у безработных граждан.....	170
<i>Шалина Е. М., Фомина Е. А.</i> Социально-психологические установки студентов-волонтеров как ресурс их деятельности.....	172
<i>Шелепова Ю. В.</i> Критерии развития правового сознания студентов.....	177
<i>Чепелева Л. М., Русия Н. Т., Сунь Чжэнь</i> Сравнительный анализ применения психолого-педагогических технологий в практике социальной работы России и Китая.....	182

<i>Черенкова К. К.</i> Психологические аспекты управления персоналом в сфере образования.....	186
<i>Черенкова К. К., Черенкова А. В.</i> Теоретические аспекты урегулирования организационных конфликтов.....	189
Сведения об авторах.....	196

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО,
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ЛИЧНОСТНОГО РЕСУРСОВ
ЧЕЛОВЕКА**

**Материалы VI Всероссийской научно-практической
конференции с международным участием,
посвященной 15-летию
кафедры социальной работы, психологии и педагогики
высшего образования Факультета управления и психологии
КубГУ**

г. Краснодар, 31 мая 2018 г.

Подписано в печать 5.07.18. Печать трафаретная.
Формат бумаги 60×84 1/16. Гарнитура «Таймс».
Усл. изд. л. 10,0. Тираж 100 экз.

Кубанский государственный университет
350042, Краснодар, ул. Ставропольская, 218

Издательство «Парабеллум»
(ИП Дмитрий Аринин)
www.parabook.ru
parabook@bk.ru
Тел.: + 7(905) 40 11 602